Биография писателя

Денис Иванович

ФОНВИЗИН

Л. И. КУЛАКОВА

Денис Иванович ФОНВИЗИН

Глубокоуважаемой
Аннелизе Лаух
с наилучшими
пожеланиями
Л. Кулакова
30/VI. 1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1966

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

В ЮНОШЕСКОЙ комедии «Корион» девятнадцатилетний Фонвизин писал:

Ты должен посвятить отечеству свой век,
Коль хочешь навсегда быть честный человек, —

и остался верен этому завету всю жизнь. Честное служение отечеству, раздумья над его судьбой привели писателя в стан друзей свободы и врагов произвола. Таким он вошел в сознание потомков. И потому Пушкин, вспоминая о театре, воскликнул:

Волшебный край! Там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы...

Смелый властелин сатиры, писатель большого дарования, беспощадный в своей правде художник, Фонвизин стал зачинателем русского реализма. Им «начата великолепнейшая и, может быть, наиболее социально-плодотворная линия русской литературы — линия обличительно-реалистическая» (А. М. Горький).

Честность и бесстрашие принесли писателю славу и благодарность потомков. Честность и бесстрашие сделали нелегкой его жизнь.

Родился Денис Иванович Фонвизин 3/14 апреля 1745 года[1] в Москве, где прошли его детство и юность.

Мать будущего писателя Екатерина Васильевна Фонвизина происходила из старинного дворянского рода Дмитриевых-Мамоновых. Как и большинство женщин той поры, она не получила образования, но, по словам сына, «имела разум тонкий и душевными очами видела далеко». Ее беззлобность, сострадательность, доброе отношение к слугам, великодушие, нравственная чистота благотворно воздействовали на доброго, но вспыльчивого мужа, на детей, число которых возрастало с каждым годом: у Дениса было три брата и четыре сестры.

С еще большей любовью Д. И. Фонвизин вспоминал об отце, черты характера которого можно узнать в образе Стародума — положительного персонажа комедии «Недоросль».

Иван Андреевич Фонвизин долгие годы служил на военной службе. К моменту женитьбы на Е. В. Дмитриевой-Мамоновой (это был его второй брак) он имел чин капитана Московского драгунского эскадрона. В 1762 г. И. А. Фонвизин перешел на штатскую службу и стал членом Ревизион-коллегии, осуществлявшей контроль государственных доходов и расходов. В пору широко распространенного казнокрадства членам Ревизион-коллегии приходилось сплошь и рядом сталкиваться с прямыми должностными преступлениями. При неоспоримых уликах провинившиеся прибегали к взятке. В отличие от многих сослуживцев, обогатившихся на службе в столь доходном месте, Иван Андреевич и на гражданской службе, как ранее на военной, судил по справедливости. Он ненавидел лихоимство и подарков не принимал. «Государь мой! — говаривал он приносителю. — Сахарная голова не есть резон для обвинения вашего соперника: извольте ее отнести назад, а принесите законное доказательство вашего права». После сего более уже не разговаривал с приносителем»[2], — вспоминал позднее писатель.

---

[1] По другим сведениям — в 1744 или 1743.

[2] О родителях, детстве, юности, первых годах службы и литературной деятельности Фонвизин очень кратко рассказал в автобиографической повести «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях», которую он писал в конце жизни.

Честный служака, воспитанный во времена Петра I, Иван Андреевич Фонвизин считал долгом выражать почтение людям, которых он уважал, но не обивал пороги знатных вельмож, не заискивал перед ними.

Родители драматурга имели 500 душ крепостных крестьян и не сомневались в своем праве присваивать плоды их труда. Однако дети не наблюдали обычных в дворянских домах картин жестокой и несправедливой расправы со слугами. «Госпожой великодушной» назвал Д. И. Фонвизин мать, и отец, несмотря на вспыльчивый нрав, с «людьми своими обходился с кротостию, но, невзирая на сие, в доме нашем дурных людей не было. Сие доказывает, что побои не есть средство к исправлению людей», — замечал, вспоминая детство, создатель образа госпожи Простаковой.

Еще одно доброе семя было брошено в душу ребенка. Прямой, подчас резкий человек, Иван Андреевич Фонвизин «так не терпел лжи, что всегда краснел, когда кто лгать при нем не устыжался», и детей приучал к правдивости. Так же поступали другие члены семьи. В качестве примера писатель рассказал смешную историю. Казалось бы незначительная, она запомнилась ему как эпизод, характеризующий нравственные принципы воспитателей.

Дети жили дружно. Особенно любил Денис старшую сестру Федосью и брата Павла, который был на год моложе его. Они играли, проказничали, подчас не прочь были и сплутовать. Сестра отца привозила племянникам старые игральные карты. Каждый хотел получить самые лучшие. Маленький Денис, в будущем страстный любитель живописи, остро чувствовал цвет, и пристрастился к собиранию карт с ярко-красной оборотной стороной. «Сколько хитростей, обманов и лукавства употреблял мой младенческий умишка, чтоб на делу́[1] доставались мне карты с красными задками!» Наивные «хитрости» мало помогали, и мальчик признался в своем пристрастии тетке. «Ты хорошо сделал, друг мой, что мне искренно открылся», — сказала она и пообещала привозить племяннику его любимые карты. «Я в восторг пришел от сего отзыва и тогда ж почувствовал, что

[1] Т. е. во время дележа.

идти прямою дорогою выгоднее, нежели лукавыми стезями».

Одаренный ребенок был чрезвычайно чуток, впечатлителен, вспыльчив, нетерпелив и, как он сам говорил позднее, «чувствовал сильнее обыкновенного младенца». Пылкость и впечатлительность проявлялись то в беспричинных приступах скорби, то в смешных «пристрастиях», то в глубине восприятия увиденного и услышанного. Затаив дыхание, прислушивался мальчик к песням, прибауткам, запоминал мотивы, народные присловья. Страшные сказки приезжавшего из деревни крепостного Федора Скуратова настолько будили воображение ребенка, что Фонвизин долгое время боялся мертвецов и не любил оставаться в потемках. Жадно слушал он в зимние вечера неторопливое повествование отца, всем сердцем откликаясь на услышанное. «Чувствительность моя была беспримерна», — вспоминал он в дальнейшем.

Однажды, например, когда отец излагал предание о страданиях Иосифа (юноши, которого завистливые братья хотели убить, а затем продали в рабство), мальчик отчаянно разрыдался. Рассказчик замолк, все обернулись к плачущему. Боясь, что его слезы вызовут насмешки, ребенок пожаловался на зубную боль. Заботливый отец, не мешкая, принялся старательно лечить совершенно здоровый зуб... Пришлось сказать правду. Иван Андреевич похвалил сына за сочувствие к страданиям другого человека, а через несколько дней досказал легенду, завершение которой опять-таки произвело на мальчика огромное впечатление.

Отец, стремившийся воспитывать в детях благородные высокие чувства, не один вечер рассказывал историю семьи, документы которой он бережно хранил. А старинные бумаги таили в себе много интересного и поучительного.

Предок Фонвизина — Петр, немецкий рыцарь, был взят в плен при Иване Грозном в конце Ливонской войны (1558—1583) и вместе с тремя сыновьями поступил на русскую службу. Служили Фонвизины честно. Петр и два его сына погибли в 1605 г. в боях против Лжедмитрия, ставленника польских интервентов. Третий сын Денис особенно отличился в 1617—1618 гг., когда получившие отпор в 1612 г. поляки сделали последнюю попытку овладеть Москвой. В ознаменование заслуг

Денис получил грамоту от царя Михаила Федоровича. В ней говорилось, что когда польский царевич Владислав «хотел Московское государство взять и разорить до основания... он, Денис... в осаде сидел... мужественно на боех и на приступех бился, не щадя головы своей, и ни на какие королевичевы прелести [1] не прельстился, и многую службу и правду к нам и ко всему Московскому государству показал и, будучи в осаде, во всем оскудение и нужду терпел».

И потомки Дениса Петровича Фонвизина «крепко и мужественно на боех и на приступех» бились, нужду и оскудение терпели. Один из его сыновей был убит в 1656 г. под Ригой во время войны со Швецией. Прадед писателя Афанасий Денисович принимал участие во многих походах, в частности в Литовском, имевшем целью освобождение Белоруссии и Украины из-под польско-литовской власти. Его сын Андрей участвовал в двух Крымских походах при царевне Софье и в Азовском походе Петра I; в тот же полк боярина Шеина во время похода под Азов прибыл старший сын Андрея Афанасьевича — Василий. При Петре I начал службу и Иван Андреевич Фонвизин.

Семейные предания о доблести предков воспитывали уважение к мужеству, создавали представление о дворянской чести, говорили о том, что только самоотверженное служение родине дает право на привилегии. «Дворянин, недостойный быть дворянином, гаже сего ничего не знаю», — скажет позднее Стародум. И он же заклеймит родовитых трусов, предпочитающих ратным подвигам поклоны в передних знатных вельмож.

Двухсотлетняя честная служба России, женитьбы на русских девушках привели к полному обрусению рода. Одну родину знали Фонвизины, ее интересами жили, ее языком говорили (Иван Андреевич даже языка немецкого не знал). И быт Фонвизиных был типичен для московского служилого дворянства. В такой семье рос писатель «из перерусских русский», как назвал Д. И. Фонвизина Пушкин.

Дети подрастали. С рук няньки мальчик был передан, как это было тогда принято, под наблюдение «дядьки» — крепостного Михайлы Шумилова. Первым учителем

---

[1] *Прелести* — прельщение, обещания, посулы.

стал отец. И. А. Фонвизин охотно читал «все русские книги, из коих любил отменно древнюю и римскую историю, «Мнения» Цицероновы[1] и прочие хорошие переводы нравоучительных книг». Немногими знаниями он охотно делился с детьми. Денис начал учиться грамоте с четырех лет. Когда мальчик овладел русской грамотой, отец заставил его читать церковные книги на славянском языке. За это Фонвизин, будучи зрелым писателем, с благодарностью вспоминал отца, так как считал, что без знания славянского языка нельзя знать и русского. Обучая чтению, Иван Андреевич применял нехитрый педагогический прием. Если мальчик чересчур быстро читал церковные книги, отец, желая слышать осмысленное чтение, сердился: «Перестань молоть, или ты думаешь, что богу приятно твое бормотание?» Когда же сын чего-то не понимал, отец терпеливо разъяснял прочитанное. «Словом, попечения его о моем научении были безмерны», — вспоминал Д. И. Фонвизин.

Заботы о «научении» старших сыновей (Дениса и Павла) все возрастали. По установленному при Петре I и императрице Анне Ивановне порядку каждый семилетний мальчик-дворянин был обязан явиться в так называемую Герольдмейстерскую контору Сената, сказать, сколько ему лет, чему он учился, где служили его предки, сколько крепостных душ у его родителей. Затем «недоросля», как называли тогда таких мальчиков, отпускали домой. Через пять лет на «втором смотре» ребенок должен был уже уметь читать и писать. После этого его отправляли на военную или гражданскую службу, разрешая оставаться дома только в том случае, если родители обязывались обучить сына иностранному языку, арифметике, географии, закону божьему. В 15 лет юноша являлся на новый смотр и его либо определяли в какое-нибудь учебное заведение, либо брали подписку, что он выучится географии, истории и военно-инженерному делу.

Как практически решалась проблема образования детей во многих дворянских семьях, Фонвизин позднее прекрасно показал в своих комедиях. Но сам он прошел иной путь. В семь-восемь лет он знал больше, чем пола-

---

[1] Цицерон (106—43 до н. э.) — древнеримский писатель, политический деятель и оратор.

галось знать к двенадцати. Что делать дальше? Высокообразованных гувернеров в России было мало, и содержание их стоило слишком дорого. Доверять воспитание детей немцу-кучеру или французу-парикмахеру Иван Андреевич не хотел. Узкоспециальные школы не прельщали Фонвизиных. Отец записал Дениса и Павла в Семеновский полк, но военная служба Дениса не интересовала, да и не давала она глубоких знаний.

Вопрос образования детей стоял остро не только в семье Фонвизиных. Над ним ломали голову очень многие дворяне и тем более разночинцы. С другой стороны, страна нуждалась в учителях, механиках, естествоиспытателях. Необходимо было поднять культурный уровень чиновничества.

Решение этой проблемы в целом сказалось на судьбе Дениса Фонвизина. В 1754 г. правительство приступило к организации университета в Москве. Узнав об этом, И. А. Фонвизин, «не мешкая ни часу», записал двух сыновей в гимназию при университете.

Идея создания Московского университета принадлежала великому сыну русского народа М. В. Ломоносову.

Немало сил потратил Ломоносов на оживление университета и гимназии при Академии наук в Петербурге. Задуманные еще Петром I, они захирели от равнодушия преемников Петра, от небрежения иноземцев, захвативших власть в Академии наук и не заинтересованных в подготовке русских ученых. Ломоносов пришел к мысли о необходимости создания нового учебного заведения, которое не зависело бы от Академии наук и, главное, открывало доступ к образованию всем сословиям.

Выбор, естественно, пал на Москву, старейший культурный центр России. В ней находились государственные учреждения с тысячами чиновников из дворян и разночинцев, которые хотели учить своих детей. И географически Москва, окруженная сухопутными и речными путями, являлась сердцем страны. Приехать сюда из провинции было проще и дешевле, чем в далекий Петербург. (Вспомним, что ездили тогда на лошадях и дорога от Москвы до Петербурга занимала 8—10 дней.) Благодаря тому же географическому положению продукты в Москве были гораздо дешевле, чем в Петербурге, дешевле обходилось и содержание детей.

Осуществить такой грандиозный замысел, как организация университета, могло только правительство. Но веселая и богомольная императрица Елизавета Петровна то истово молилась в церкви, то веселилась на балах и мало интересовалась судьбами просвещения. Президент Академии наук, граф К. Г. Разумовский, целиком полагался на враждебную Ломоносову Академическую канцелярию, заправилы которой сомневались в необходимости подготовки русских ученых. Ломоносов обратился к любимцу императрицы И. И. Шувалову.

В ту пору совсем молодой человек, И. И. Шувалов принадлежал к числу немногих вельмож, которые не ограничивались корыстными интересами. Беспечный красавец, щеголь, он умел сочетать страсть к нарядам и празднествам с искренней любовью к поэзии, искусству, подражание иноземным модам — с любовью к России, богомольность — с уважением к просвещению и просветителям. К чести своей он сумел понять величие многих замыслов Ломоносова и не раз помогал осуществлению их. Увлекшись идеей создания Московского университета, он добился согласия императрицы. Узнав об этом, Ломоносов предложил свой план. Большую часть его предложений приняли, но в один пункт внесли существенные изменения.

Ломоносов хотел открыть доступ к образованию всем сословиям и предложил организовать при университете три гимназии: для дворян, разночинцев и крестьян. Шувалов согласился с тем, что университет без гимназии «как пашня без семян», но допустить к учению крепостных ни он, ни правительство не хотели, боясь, что крестьяне, «познав вольности, восчувствуют более свое униженное состояние».

19 июля 1754 г. Сенат одобрил представленный Шуваловым проект организации университета с двумя гимназиями: дворянской и разночинской. Выбрали дом — здание бывшей аптеки на Красной площади[1]. Ремонт здания, оборудование кабинетов, лабораторий, подбор профессоров, учителей и учащихся заняли почти год. 12 января 1755 г. императрица подписала указ об учреждении университета, но только 26 апреля (7 мая), на другой день после празднования годовщины коронации

---

[1] На этом месте теперь находится Исторический музей.

Елизаветы, состоялось торжество по случаю «начинания» двух гимназий (в университете занятия начались позднее).

Древняя столица торжественно отпраздновала день, вошедший в историю русской культуры.

В восьмом часу утра первые русские гимназисты (среди которых были Денис и Павел Фонвизины) собрались в здании университета. Их разделили на классы. Прибыли родители и «знатные персоны, такожде иностранные и знатное купечество». После богослужения все вошли в большой зал. Учителя гимназии выступили с приветственными речами на русском, латинском, немецком и французском языках. Затем «знатные персоны» осмотрели внутренние покои, где их угощали «ликером и вином, кофием, чаем, шоколадом и конфетами». Незнатные москвичи могли принять участие в празднестве, любуясь иллюминацией и фейерверком, без которых в царствование Елизаветы не обходилось ни одно торжество.

В шесть часов вечера здание университета ослепительно засверкало. Замысловатые огненные картины славили императрицу, Шувалова, науки. В центре возвышался Парнас[1], на котором богиня мудрости Минерва ставила обелиск во славу Елизаветы. У подножия обелиска рисовались силуэты детей, упражняющихся в разных науках. Один из них писал имя Шувалова. Рог изобилия, источник вод, Минерва, любовно встречающая ученика, венцы и медали в руках у ребенка, обламывающего пальмовое дерево (дерево мудрости), — обещали награды будущим ученикам.

Центральная картина освещалась тысячами ламп, которые украшали трехэтажное здание с башней сверху донизу. В сочетании с подсветкой изнутри создавалась иллюзия сада с аллеями.

Внутри дома среди груд конфет стояли фигуры детей с книгами, географическими картами, математическими приборами. С утра до вечера гремела музыка. Несчетное множество народа толпилось вокруг здания до рассвета.

---

[1] *Парнас* — гора в Греции, где, по преданию, обитал бог поэзии и искусства Аполлон и покровительницы наук и искусств — музы.

Праздник кончился. Веселые огни, сулившие заманчивые перспективы, погасли. Утром пришли в классы Денис и Павел Фонвизины, а с ними — будущий издатель сатирических журналов и крупнейший деятель русского Просвещения Николай Новиков, будущий светлейший князь, генерал-фельдмаршал, вершитель судеб России Григорий Потемкин, будущие дипломаты Яков Булгаков и Аркадий Марко́в, будущие писатели, профессора, чиновники. А пока эти затянутые в мундиры дети и юноши сели за ученические столы.

Немало трудностей пришлось преодолеть руководителям и учащимся первого русского университета. Тесным и холодным оказался ветхий дом, построенный еще в XVII веке. Не хватало средств. Ученики, состоявшие на казенном содержании, плохо питались, нуждались в одежде. Недоставало книг, учебников, опытных и честных администраторов, квалифицированных преподавателей; многие кафедры оставались свободными.

«До 1757 года продолжался беспорядок в учении», — писал о разночинной гимназии один из ее воспитанников. Еще резче говорил о дворянской гимназии Фонвизин: «... учились мы весьма беспорядочно. Ибо, с одной стороны, причиною тому была ребяческая леность, а с другой — нерадение и пьянство учителей». Смеясь, вспоминал писатель об экзамене в нижнем латинском классе. Накануне экзамена учитель пришел в кафтане, на котором было пять пуговиц, а на камзоле четыре... «Пуговицы мои вам кажутся смешны, — говорил он, — но они суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле четыре спряжения... Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. С спряжениями поступайте, смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете».

Этот рассказ кажется невероятным. Но учителями «нижних», т. е. первых и вторых классов были студенты. А многие из них не были подготовлены даже к учению в университете, а не только к педагогической деятельности. Такие «учителя», боясь публичного экзамена, могли делать из пуговиц «стражей чести», но не они определяли лицо университета, не они дали Фонвизину добротные познания, которые позволили ему через два-

три года слушать трудный курс логики, читавшийся на латинском языке.

Недостатки устранялись на ходу усилиями людей, горячо заинтересованных судьбой русского просвещения. Уже в 1756 г. создали типографию, где печатались книги, учебники, газета «Московские ведомости». Затем при университете появилась книжная лавка, начала работать библиотека, пополнялось оборудование кабинетов. Вскоре стали строить новое здание на Моховой улице. Изобретатели пуговичных и иных шпаргалок сменялись более подготовленными учителями. С 1756 г. начали прибывать профессора — иностранцы, правда, тоже разные: одни думали лишь о личной выгоде, другие служили честно.

Так или иначе занятия шли. Гимназия делилась на три школы: русскую, латинскую и новых европейских языков. В школах изучались арифметика, алгебра, геометрия, география, история, философия, риторика, военные науки. Желающие могли учиться музыке и танцам. Система преподавания была такова, что можно было одновременно заниматься в двух школах и разных классах: одним предметом — в «нижнем», другим — в «среднем», третьим — в «высшем». Способные ученики продвигались быстро, невежды и лентяи застревали надолго.

Успехи питомцев университета предавались гласности. Каждое полугодие на торжественных собраниях студенты и ученики гимназии произносили речи на иностранных языках, принимали участие в заранее подготовленных диспутах. Газета «Московские ведомости» систематически сообщала о собраниях, печатала списки как награжденных и прилежных учащихся, так и исключенных за нерадивость. Все это привлекало внимание общества к университету и повышало ответственность самих учащихся, показывало, что они учатся не только для себя, но и для страны, которая следит за ними, ждет их.

Перелистывая через двести лет страницы газет, мы видим, что, несмотря на слабое здоровье, постоянные головные боли, плохое зрение, Денис Фонвизин учился превосходно. Почти так же учился и Павел.

25 апреля 1756 г. на торжественном собрании в присутствии «знатнейших духовных и светских особ»

Денису Фонвизину вручена золотая медаль с надписью «Достойнейшему». В июне 1757 г. он выступал с речью на немецком языке «О наилучшем способе к изучению языков» и вновь занесен в список награжденных. Через полгода оба брата названы среди прилежных учеников.

Позднее писатель смеялся над легкостью, с какой присуждались награды: «О вы, родители, восхищающиеся часто чтением газет, видя в них имена детей ваших, получивших за прилежность свою прейсы[1], послушайте, за что я медаль получил... Товарищ мой спрошен был: куда течет Волга? *В Черное море,* — отвечал он; спросили о том же другого моего товарища; *в Белое,* — отвечал тот; сей же самый вопрос сделан был мне; *не знаю,* — сказал я с таким видом простодушия, что экзаменаторы единогласно мне медаль присудили».

Фонвизин рассказал здесь об экзамене весной 1758 г., когда он был признан «достойным награждения» в классе историческом и географическом магистра Оттенталя. Но, как справедливо заметил советский исследователь, этому рассказу нельзя доверять полностью. Видимо, «экзаменаторы, удовлетворенные другими ответами Фонвизина, снисходительно отнеслись к тому, что он не смог ответить на вопрос, — правда, — элементарный, — куда впадает Волга»[2]. К этому можно добавить, что при присуждении медали учитывались, конечно, общие успехи, а в той же газете Фонвизин назван среди лучших в классе военной науки и фортификации[3] и сказано, что он с двумя соучениками «и в других классах так обучалися, что за достойных могут почитаться награждения».

В декабре того же года имена обоих братьев Фонвизиных значатся в списке «прилежнейших учеников по трем классам», а весной следующего 1759 г. Денис Фонвизин награждается золотой медалью «за первенство в высших классах». Через год братья признаются достойными золотых медалей, вместо которых получают «другое лучшее награждение» — повышение в воинских чинах. Так они становятся сержантами.

Несколькими месяцами раньше Денис и Павел Фонвизины получили самую памятную награду: директор

---

[1] Награды.

[2] К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 39.

[3] Т. е. военно-инженерного дела.

повез в Петербург десять избранных учеников, чтобы показать И. И. Шувалову — куратору университета — «плоды сего училища».

На приеме присутствовал человек, чей вид обращал на себя «почтительное внимание». Шувалов подвел к нему Фонвизина. «То был бессмертный Ломоносов!» — восклицал писатель через тридцать лет. Подростка ошеломило великолепие придворного праздника, с наслаждением слушал он «приятную музыку». Неизгладимое впечатление произвел театр, в который Фонвизин, по его словам, попал «первый раз отроду».

Правда, театральная жизнь была и в Москве. В 1756 г. в университете создали свой театр, а двумя годами позже открылся Оперный дом итальянца Локателли, где в свободные от профессиональных представлений дни ставились студенческие спектакли. Приезжали французские и немецкие труппы. «Московские ведомости» сообщали о воскресных представлениях в частных домах «аглинского» прыгуна и танцовщика, о спектаклях двухаршинных итальянских марионеток и т. п.

Однако «аглинские» танцовщики зачастую владели искусством в той же степени, как Вральман — мастерством учителя. А в Оперный дом подростка, видимо, не пускали — и не без оснований. Туда и ехать было далеко, и беспорядка там было немало. Нетерпеливые зрители, не успев купить билеты, срывали замки с лож и усаживались на чужие места. Владельцы билетов скандалили. В партере зрители стояли: сидячих мест не было. Каждый старался пробиться вперед, расталкивая соседей. Во время спектакля публика грызла орехи, громко разговаривала.

Таким образом, в Москве юноше были доступны лишь студенческие спектакли, которые ставились в самом университете. Вероятно, на них Фонвизин бывал. Но разве можно их сравнить с мастерским профессиональным спектаклем на сцене придворного театра! Потому-то посещение этого театра запомнилось на всю жизнь. «Тут видел я Шумского, который шутками своими так меня смешил, что я, потеряв благопристойность, хохотал изо всей силы. Действия, произведенного во мне театром, почти описать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актеров — великими людьми,

коих знакомство, думал я, составило бы мое благополучие. Я с ума было сошел от радости, узнав, что сии комедиянты вхожи в дом дядюшки моего, у которого я жил». Через несколько дней Фонвизин познакомился с основателем русского театра Ф. Г. Волковым и крупнейшим актером И. А. Дмитревским. Вскоре (в 1763 г.) Волков умер, а знакомство с Дмитревским переросло в дружбу, длившуюся до конца дней писателя.

Не все было так радостно в Петербурге. Один барич вздумал посмеяться над тем, что московский гость не знает французского языка. Заметив, что его противник по-французски и сам говорит плохо, а более ничего не смыслит, Фонвизин своими эпиграммами «загонял его так, что он унялся от насмешки». Вернувшись в Москву, юноша сел с новичками в нижний французский класс, — конечно, не только из-за насмешек высокомерного петербуржца. Французский язык был тогда общеупотребительным, он был языком лучших драматургов Европы, языком литературы и философии, несущих передовые идеи. В 1761 г. за успехи в немецком высшем классе Фонвизин получил золотую медаль, вскоре оба брата стали студентами.

Вспоминая годы учения, писатель подшучивал над недостатками преподавания, но заключил свой рассказ словами теплой благодарности университету за полученные знания, а главное за привитый «вкус к словесным наукам».

«Вкус к словесным наукам» в университете прививали весьма активно. Ведущую роль в первые годы играл профессор красноречия Н. Н. Поповский, не только талантливый ученый, но и переводчик и поэт. Может быть, в его стихах Фонвизин впервые прочитал то, о чем позднее так много думал, — об ответственности родителей за воспитание детей:

От вас, родители, потребуют отчета,
Что ваших жизнь детей позором стала света
И что в беспутствах дни свои ведут они, —

грозил поэт. Поповский верил в силу просвещения и выражал надежду, что из стен университета выйдут «судии, правду от клеветы отделяющие, полководцы, на море и на земле спокойство своего отечества утверждающие», ученые, способные проникнуть в тайны при-

роды, — люди, живущие не для себя, а для «пользы общества». Патриотически настроенный молодой профессор[1] настаивал на необходимости преподавания философии не на латинском, как это было принято, а на русском языке: «Нет такой мысли, кою бы по-российски изъяснить было невозможно!»

Спустя десятилетия Фонвизин назвал пламенные речи Поповского образцами национального красноречия; многие мысли учителя он развил и углубил.

Бережное отношение к родному языку, любовь к живой народной речи воспитывали уроки А. А. Барсова. Он занял кафедру красноречия после смерти Поповского в 1760 г., но его все хорошо знали и раньше как инспектора обеих гимназий. Ученики любили и уважали его, но пуще огня боялись его насмешек. Маленького роста, большеголовый, толстогубый, с глазами навыкате и большим носом, Барсов был, как говорит один из его учеников, «душевно добр и влюблен в изящество». Его огромной красной сумки, где помимо книг таились записи ученических «грехов», страшились все. «Что, сударь, на именинах погуляли, али по можжевельничку плясали?» — напускался он на провинившегося. Оратор, знаток литературы, создатель серьезных трудов по грамматике, он не терпел искажения русского языка и малейшую ошибку встречал градом насмешек, перемежающихся поговорками, пословицами. А знал он по меньшей мере 4291 пословицу, ибо столько включил в составленный им сборник. Надо ли говорить, как необходим был такой учитель среди профессоров-иностранцев, как обогащали учащихся его уроки.

Всегда приветливый, сдержанный, корректный, внешне чуть суховатый аристократ М. М. Херасков походил на угловатого разночинца Барсова только своей любовью к литературе и молодежи. Херасков не был учителем и отдал университету почти полвека, занимая административные посты. Под его наблюдением создавались типография, библиотека, газета, театр при университете. Выдающийся писатель, он объединял молодежь вокруг издаваемых им журналов «Полезное увеселение» и «Свободные часы». Как и Барсов, он принимал у себя дома способных юношей, знакомился с их

[1] Поповский родился в 1730, умер в 1760 г.

первыми литературными опытами, радовался успехам впоследствии. Фонвизин также навещал Хераскова в течение многих лет, хотя иногда и спорил с ним и отзывался иронически.

Тепло вспоминали воспитанники многих выпусков ректора гимназии профессора Шадена, о его «отменном» преподавательском даровании писал и Фонвизин. Одним из наиболее добросовестных профессоров-иностранцев был профессор Рейхель.

Лучшие учителя своим примером воспитывали любовь к литературе и поощряли талантливого юношу. «Склонность моя к писанию являлась еще в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на российский язык, достиг до юношеского возраста», — писал Фонвизин. Созданные им «в младенчестве» переводы неизвестны, а первой напечатанной книгой Фонвизина были изданные летом 1761 г. «Басни нравоучительные с изъяснениями господина барона Гольберга».

Основоположник датской литературы писатель-просветитель Гольберг пользовался большим успехом в Европе. Комедии его шли и на русской сцене (комедия «Генрих и Пернилла» привела в восторг Фонвизина во время петербургской поездки). В баснях Гольберг нападает на неправосудие, кичливость и тщеславие знатных особ, их неуважение к труженикам, ханжество духовенства, осмеивает лицемерие, трусость, самомнение, дурное воспитание.

Работа над переводом помогала начинающему писателю вырабатывать собственный стиль, учила ясности и краткости изложения мысли. Переведены тексты точно. Лишь кое-где усилена сатирическая направленность или сокращено то, что могло быть непонятно русскому читателю. Иногда сама манера изложения придавала басням русский колорит.

Книга пользовалась успехом. В 1765 г. Фонвизин переиздал ее, добавив сорок две басни, в 1787 г. вышло третье издание.

Наставники заметили способного юношу. Херасков напечатал в ноябрьском номере «Полезного увеселения» 1761 г. фонвизинский перевод рассказа «Правосудный Юпитер» (более деятельно участвовал в журнале Павел Фонвизин). С начала 1762 г. братья становятся

активными сотрудниками журнала «Собрание лучших сочинений...», издаваемого профессором Рейхелем.

Материал журнала был разнообразным. Фонвизин переводил статьи об употреблении зеркал в древности, о способах обучения рисованию, аллегорическую сказку «Торг семи муз», повествующую о страсти людей к золоту и пустым титулам, теоретическую статью французского критика «Рассуждение о действии и сущности стихотворства».

В университетские годы писатель обратился к жанру, который позднее стал ведущим в его творчестве.

После возвращения из Петербурга, взволнованный увиденным спектаклем, юноша стал принимать деятельное участие в студенческом театре. Есть свидетельства, что он выступал как актер. Вероятно, для этого же театра он (один или с братом и друзьями) начал писать комедию «Недоросль», от которой до нас дошли отрывки, и то написанные не рукой Фонвизина[1]. Пьеса сценически беспомощна, но она интересна по самой попытке поставить вопрос о значении воспитания и образования не отвлеченно, как это было у Поповского, а на конкретных примерах русских дворян.

Примечательно, что положительный персонаж Миловид, готовясь в будущем «служить на пользу обществу», изучает именно те предметы, которые входили в университетскую программу.

Быт отсталых помещиков рисуется сатирически. В образе Улиты намечены черты госпожи Простаковой: она полагает, что воспитание сводится к питанию и без устали подкармливает великовозрастного сынка Ивана. Любящая нежная мать — жестокая помещица. «Непотребные канальи, бестии! Всех велю пересечь до смерти», — грозит она слугам. Несомненна связь комедии с грубоватым юмором народной драматургии, образцы которой можно было видеть по праздникам в балаганах на народных гуляньях: на сцене происходит потасовка, Иван рыгает, заплевывает лица родителей блинами, колотит их палкой; объевшись, он хватается за живот и т. д.

---

[1] Это обстоятельство заставляет некоторых ученых (К. В. Пигарева) сомневаться в принадлежности комедии Фонвизину и относить ее к 1780-м годам.

Пьеса осталась незаконченной. Последние явления писались во время царствования Петра III, вступившего на престол после смерти императрицы Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г.

В 1762 г. Фонвизин начал работу над переводом трагедии великого французского писателя, философа-просветителя Вольтера «Альзира» и издал перевод первой книги романа французского писателя Террасона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского». Над остальными частями романа, в котором рисуется образ идеального мудрого государя, работа продолжалась до 1768 г.

«Весьма рано появилась во мне склонность к сатире. Острые слова мои носились по Москве; а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою... Меня стали скоро бояться, потом ненавидеть; и я, вместо того чтоб привлечь к себе людей, отгонял их от себя и словами и пером. Сочинения мои были острые ругательства: много было в них сатирической соли, но рассудка, так сказать, ни капли», — признавался писатель.

Эпиграмма на неизвестное лицо —

О Клим! дела твои велики!
Но кто хвалил тебя? Родня и два заики —

едва ли не единственная сохранившаяся эпиграмма Фонвизина начала 1760-х годов. Другие стихотворные сатиры, о которых упоминает он, известны только по заглавию («Матюшка-разносчик») или вовсе неизвестны, или не поддаются точной датировке. К последним относится такое значительное произведение, как басня «Лисица-казнодей» (проповедник), которое предположительно датируют 1762—1763 годом. Мы остановимся на ней в связи с творчеством Фонвизина 1780-х годов, когда она была напечатана.

«В 1762 году был уже я сержант гвардии; но как желание мое было гораздо более учиться, нежели ходить в караулы на съезжую [1], то уклонялся я сколько мог от действительной службы», — вспоминал писатель. Вскоре судьба его решилась.

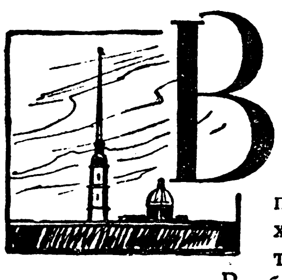
[1] *Съезжая* — полицейский участок.

28 июня 1762 г. жена Петра III Екатерина при поддержке гвардейских полков свергла с престола своего мужа. Осенью новая императрица и ее двор приехали в Москву для коронационных торжеств, которые всегда происходили в древней столице. Фонвизин подал прошение о зачислении на службу. После предварительного экзамена его зачислили в Иностранную коллегию на должность переводчика с латинского, французского и немецкого языков. Университетские годы остались позади. Навсегда отпала неприятная перспектива — «ходить в караул на съезжую».

В декабре 1762 г. на молодого чиновника возложили небольшое дипломатическое поручение — вручить орден герцогине Мекленбург-Шверинской. «Тогда был я еще сущий ребенок и почти не имел понятия о светском обращении; но как я читал уже довольно и имел природную остроту, то у шверинского двора не показался я невеждою».

Вернувшись в Россию с хорошими рекомендациями, Фонвизин стал получать для перевода «важнейшие бумаги» и жил уже больше в Петербурге, чем в Москве. Начался новый этап жизни писателя.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

В ПЕТЕРБУРГЕ на первых порах показалось тягостно. Не было захватывающего душу дела, без которого, по признанию Фонвизина, «жизнь скучна». В обществе он бывал часто, но петербургской молодежи не хватало широты интересов, которую воспитывал Московский университет. «С кадетским корпусом не очень обхожусь затем, что там большая часть солдаты, а с академией затем, что там большая часть педанты», — иронизировал Фонвизин. Хотелось настоящей дружбы — ее не было. «Рассуди, не скучно ль так жить тому, кто имеет чувствительное сердце!» Тоска усугублялась разлукой с семьей. В Петербурге жил только брат Павел, служивший на военной службе. Фонвизин скучал по семье, особенно по старшей сестре — испытанному другу детства и юности. Ей поверял он свои сомнения, думы. «Я знаю, что ты мне друг, и, может быть, одного я и иметь буду, которого бы я столь много любил и почитал... в сию минуту чувствую я то, что горячность и сердечная нежность произвесть может. Если мысли твои со мною одинаки, то пиши ко мне тоже, уверяй меня, что я не ошибаюсь, и храни то, что я навек хранить буду».

Эти нежные излияния кажутся неожиданными в устах «злого мальчишки», насмешника и острослова, но

искренность их подтверждается дошедшими до нас отрывками двадцатипятилетней переписки.

Круг знакомств веселого остроумного молодого человека скоро расширился. Фонвизин подружился с воспитанником Московского университета, почитателем Вольтера, убежденным безбожником, остроумным и злоязычным князем Ф. А. Козловским. Часто встречался он с сыном первого директора университета, В. А. Аргамаковым, который вскоре женился на любимой сестре Фонвизина, и с известным актером, переводчиком и драматургом И. А. Дмитревским, что коробило дворянскую гордость родителей писателя. Визит Дмитревского, приехавшего к Фонвизину с женой, актрисой А. М. Дмитревской, и их общей знакомой, тоже актрисой, привел почтенного Ивана Андреевича в ужас: «Батюшка изволит писать, что это предосудительно, хотя, напротив того, нет ничего невиннее», — оправдывался Фонвизин в письме к сестре. Юный писатель сумел подняться выше сословных предрассудков и отстоял сердечную дружбу, родившуюся на почве общей любви к театру.

Фонвизин посещал спектакли, маскарады, гулянья и работал немало. Он служил, готовил к изданию перевод французского романа «Любовь Кариты и Полидора», продолжал трудиться над «Сифом», завершил перевод «Альзиры».

Одна из лучших трагедий Вольтера «Альзира» исполнена гуманных идей. В ней осуждаются насилия испанских колонизаторов и религиозный фанатизм. Угнетателям-христианам противопоставлены свободолюбивые благородные перуанцы.

Не вполне удовлетворенный качеством своего труда Фонвизин не напечатал «Альзиры» и не отдал ее в театр. Считая, однако, что в переводе «есть хорошие стихи», он все же переписал рукопись, давал читать ее знакомым и, как это было принято в то время, поднес экземпляры трагедии фавориту императрицы графу Г. Г. Орлову и его брату Ф. Г. Орлову. Г. Орлов быстро прочел пьесу и одобрительно отозвался о переводе.

Способным переводчиком заинтересовался видный вельможа И. П. Елагин. 7 октября 1763 г. Фонвизина, служившего в Иностранной коллегии, определили на службу к Елагину, который пользовался особым

доверием императрицы, возглавлял Кабинет «при собственных ее величества делах у принятия челобитен» и занимал ряд других постов. В 1766 г. в его ведение был передан театр. Он поручил Фонвизину переводить прошения, написанные на иностранных языках, составлять черновики бумаг, в которых кратко излагалась суть дела, и т. п. С большой неохотой расставался писатель с Иностранной коллегией, вел переговоры о назначении в одно из посольств. Когда это не удалось, пытался выполнять поручения по двум учреждениям: переводил порученное Елагиным и участвовал в приемах послов как чиновник Иностранной коллегии. В конце концов пришлось смириться, а затем и новая служба на какое-то время увлекла молодого человека.

Фонвизин слышал немало разговоров о реформах, которые охотно вела в начале своего царствования Екатерина II, поверил в добрые намерения императрицы и старался привлечь внимание общества к трудам передовых европейских мыслителей. Он перевел сочинения немецкого просветителя Юсти, книгу французского писателя Куайе «Торгующее дворянство, противуположенное дворянству военному». В то время как многие считали, что дворянам непристойно заниматься торговлей, Куайе думал иначе. По его мнению, приняв участие в торговле и развитии промышленности, дворяне избавятся от праздности, принесут пользу и себе и государству. Фонвизин разделял эту точку зрения.

Несомненный интерес представляет статья «Сокращение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина». Существуют разные суждения об этой статье, но независимо от того, перевел Фонвизин сочинение какого-то иностранца, написанное для России, или изложил содержание разных работ, завершив собственной концовкой, в «Сокращении» высказаны важные положения. Оно начинается с рассуждения, что говорить о вольности дворянства бессмысленно, так как понятия «неволя» и «дворянство» так же исключают друг друга, как жизнь и смерть. Во второй части речь идет о значении «третьего чина» (то есть третьего сословия), который признается «душой общества». К нему относятся промышленники, купцы, горожане, вышедшие из народной среды чиновники, поэты, ученые, врачи и т. п. Дальше высказывается мысль о необходимости принять меры

для укрепления и расширения «третьего чина» в России. Источник «третьего чина» — крестьянство. Необходимо, говорится в статье, утвердить право беспрепятственного выкупа. Одновременно предлагается освобождать от крепостной зависимости всех, кто успешно заканчивает университет или имеет способности к занятиям искусством.

«Словом, в России надлежит быть: 1) дворянству, совсем вольному, 2) третьему чину, совершенно освобожденному и 3) народу, упражняющемуся в земледельстве, хотя не совсем свободному, но по крайней мере имеющему надежду быть вольным».

Едва ли не самое интересное в статье — воскрешение ломоносовского проекта. Ведь предложение Ломоносова о допуске крепостных в университет в свое время отклонили из опасения, что после обучения крестьяне не захотят вернуться в «прежнее состояние». В статье же предлагается для того и допускать крепостных в университет, чтобы наиболее способные из них становились вольными представителями «третьего чина». Неудивительно поэтому, что «Сокращение» не увидело света.

Служба и переводы отнимали много времени. Но Фонвизин был молод. Он любил театр и, несмотря на плохое зрение, без конца читал. Человек с обостренной впечатлительностью и ироническим умом, он мог плакать над страданиями персонажей и тут же издеваться: «Однако плюнем на них... Я сам горю желанием писать трагедию, и рукой моей погибнут по крайней мере с полдюжины героев, а если рассержусь, то и ни одного живого человека на театре не оставлю».

Занимала его и музыка. Он наигрывал на скрипке понравившиеся новые мелодии, прислушивался к напевам народных песен: «Да нынче попалась мне на язык русская песня, которая с ума нейдет: «Из-за лесу, лесу темного». Черт знает! Такой голос, что растаять можно...»

Не только мотивы «миноветов» [1] и песенные напевы приносил домой Фонвизин, возвращаясь в розовом домино с очередного маскарада. Щуря близорукие глаза, он зорко видел достойное осмеяния, в обществе острил, вышучивал, каламбурил, дома писал сатиры. Материала

[1] *Миновет* — т. е. менуэт — танец.

для сатир накапливалось тем больше, чем чаще бывал писатель в свете. А близость к Елагину, благосклонное отношение Орловых, репутация остроумного человека открывали путь и в дома вельмож и на придворные празднества.

Слухи о сатирах доходили до Москвы и беспокоили семью. «Сатир писать не буду; пожалуй, будь в том уверена, что я человек резонабельный. Ты меня привела в резон, и я сделал жертвоприношение Аполлону, сожегши ту в печи» [1], — отшучивался Фонвизин от упреков сестры.

Природное дарование сатирика, богатейший материал, который давали встречи в обществе, делали зарок непрочным. Через месяц, в январе 1764 г. Фонвизин писал: «Боюсь опять выговоров; только истинно, кажется бы, не за что».

Мы не знаем сатир, пугавших Федосью Ивановну. Но созданное около этого времени великолепное «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке», к счастью, известно.

«Послание» написано как сатирическая сценка. Ведет диалог автор-барин, спрашивая: «На что сей создан свет? И как мне в оном жить...» «На что ты создан сам?» В ответах раскрываются различные стороны русской действительности и характеры слуг.

Вопрос о смысле мироздания и цели жизни волновал людей эпохи Просвещения. Постановка его хотя бы в шуточной форме указывает на крушение религиозных устоев в сознании писателя: религия не дает права на сомнение, а ответы слуг — свидетельство, что мир устроен не так совершенно, как учит церковь.

Безропотно воспринимает жизнь лишь седой Шумилов, первый наставник, дядька, хранитель «и денег и белья» молодого барина. Он не может ответить на вопрос: «Мы созданы на свет и кем и для чего», — но убежден в незыблемости установленных порядков:

...нам быть должно век слугами
И век работать нам руками и ногами.

Молодой слуга Ванька сердито отвечает, что ему «тряско рассуждать о боге и о свете», сидя на запятках барской

---

[1] *Резонабельный* — здравомыслящий. *Резон* — разум, рассудок.

кареты. Неудобно размышлять на философские темы и на крыльце дворца, откуда слуг гоняют палками. Впрочем, объездив Москву и Петербург, Ванька сумел разглядеть ложь и обман, царящие во всех сословиях.

Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга — господа, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя.
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.
До денег лакомы посадские, дворяне,
Судьи, подъячие, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри[1] душ наших и сердец
Изволят собирать оброк с своих овец.
Овечки женятся, плодятся, умирают,
А пастыри притом карманы набивают.
За деньги чистые прощают всякий грех,
За деньги множество в раю сулят утех.
Но если говорить на свете правду можно,
То мнение мое скажу я вам неложно:
За деньги самого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь и овца.

Ванька говорит о жадности попов, которые наживаются на крестьянах, свадьбах, похоронах. Петрушка вовсе не верит в бога. Раю на небе, который сулит церковь, он предпочитает благополучие на земле:

Что нужды, хоть потом и возьмут душу черти,
Лишь только б удалось получше жить до смерти!

А живут лучше те, кто действует по принципу:

Бери, лови, хватай все, что ни попадет.

В отличие от Ваньки, Петрушка не негодует, а хочет в этом мире всеобщего обмана урвать кусочек блага и для себя. Неглупый человек, он дополняет картину современной жизни замечанием, что наряду со страстью к наживе, миром правит прихоть:

Не часто ль от того родится всем беда,
Чем тешиться хотят большие господа.

В эпоху бесчисленных фаворитов, в обстановке самодержавно-крепостнического государства акцентировать внимание на прихоти господ — значило говорить о произволе, о самодурстве.

---

[1] *Пастырь* — пастух; *духовный пастырь* — священник.

Имена слуг не выдуманы: Шумилов, Ванька, Петрушка — слуги Фонвизина, жившие с ним в Петербурге. Оттенки народного отношения к жизни переданы верно. Не случайно Пушкин ввел в «Капитанскую дочку», повесть, посвященную крестьянскому восстанию, образ преданного Савельича и подчеркнул связь между ним и Шумиловым строкой из фонвизинского «Послания»: «И денег, и белья, и дел моих рачитель». Насмешки над барами, судьями, попами запечатлены в народных сказках, пьесах, пословицах. В основе речи Ваньки лежат такие пословицы, как «Деньга попа купит и бога обманет», «Родись, крестись, умирай — за все попу деньги подавай», «Поп ждет покойника богатого, а судья тягуна вороватого» и т. д. Не чу́жды народу были и суждения безбожника-Петрушки.

Нельзя, однако, считать, что Фонвизин хотел лишь передать настроение своих слуг или только крестьян вообще. «Послание» и у́же и шире этих рамок. У́же — потому что в 1760-е годы народ не только смеялся над барами, но и жег их имения. Шире — потому что в «Послании» говорилось, что с миром корыстолюбия, лжи, произвола могут мириться лишь убежденные рабы и люди, живущие по принципу: «Бери, лови, хватай все, что ни попадет». И тех и других было достаточно во всех сословиях. В нападках на церковь Фонвизин не только использовал пословицы, но и опирался на опыт европейской и русской сатиры, опыт Вольтера, Кантемира, Ломоносова.

Рассуждение, что мир подобен детской игрушке, а люди — бестолково скачущим куклам, — не наивное сравнение неграмотного лакея, а злая пародия, созданная философски образованным человеком. В ней высмеяны философы, которые говорили, что бог дал начало жизни и что все в мире целесообразно и разумно. Эти теории и тем более доводы церкви с ее проповедью слепой веры опровергаются основным вопросом и ответом вольнодумца-барина, повторяющим ответы слуг:

И сам не знаю я, на что сей создан свет!

На вопросы, кто может сделать мир лучше? В чем смысл жизни человека? — Фонвизин не дает ответа. Но сила отрицания, острота сатиры, остроумие, живость характеров, широта охвата явлений русской действи-

тельности, превосходный язык, легкий стих делают «Послание» самой выдающейся русской стихотворной сатирой XVIII века. Оно заслужило ненависть реакционеров и широкое признание читателей, бережно переписывавших этот текст в свои тетради. Его не раз вспоминал Пушкин. Белинский пророчески сказал, что «злое послание» Фонвизина «переживет все толстые поэмы того времени».

Антицерковный характер «Послания к слугам» соответствовал настроениям Фонвизина 60-х годов. В одном из писем 1766 г. писатель иронически рассказывал сестре о соблюдении им поста перед праздником пасхи. «Ныне страстная неделя, и дух мой в едином богомыслии упражняется. В животе моем плавает масло древяно, такожде и орехово. Пироги с миндалем, снетки и гречневая каша не меньше помогают мне в приобретении душевного спасения». Издевательство над одним из самых обязательных предписаний церкви, над моралью, гласящей, что человеку достаточно несколько дней не есть мяса, чтобы «очиститься» от грехов, углубляется дальнейшей насмешкой над обрядностью: «Вчера и сегодня... слушал заутрени, часы и вечерни, также был у обеден [1], одним словом, делал все то, что должно делать согрешившему ведением и неведением».

При чтении этого письма вспоминается послание А. С. Пушкина В. Л. Давыдову.

Я стал умен, я лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов, и намедни
Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы...

Пушкин пошел дальше Фонвизина, осмеяв в написанной в том же 1821 году поэме «Гавриилиада» легенду, лежащую в основе христианства. Но то, что поэты разных столетий соприкасаются в атеистических настроениях, лишний раз характеризует, как высоко над общим уровнем своей эпохи поднялся писатель XVIII века.

[1] Утренние, дневные и вечерние церковные службы.

Интерес к литературе и театру сблизил на некоторое время Фонвизина с его начальником. Елагин писал стихи, сатиры, комедии, охотно вмешивался в литературные споры, часто затевал их сам. В начале 1750-х годов его сатира на Ломоносова, которому противопоставлялся Сумароков, положила начало длительной литературной полемике. Через десять лет он организовал нападки уже на Сумарокова.

Не удовлетворенный состоянием русского театра, Елагин искал путей обновления его и пытался объединить вокруг себя молодых писателей. Он добился перевода Фонвизина в свое ведомство, вторым секретарем Елагина был писатель и переводчик В. И. Лукин. К ним примкнули способные переводчики-драматурги: друг Фонвизина Ф. А. Козловский и приятель Лукина Б. Е. Ельчанинов.

В кружке живо обсуждались вопросы театра и драматургии. Русский театр, созданный на основе ярославской труппы Ф. Г. Волкова, начал свое существование в 1756 г. Репертуар его в начале 1760-х годов был еще очень беден. Особенно остро ощущался недостаток комедий, отражающих русскую жизнь. В театре шли преимущественно переводные комедии, три комедии родоначальника русской драматургии Сумарокова («Трессотиниус», «Чудовищи», «Пустая ссора») и две-три малоудачных комедии Хераскова и А. А. Волкова.

Деятельность елагинского кружка принесла плоды. В конце 1764 г. была поставлена комедия Фонвизина «Корион». Вскоре появились еще четыре пьесы: «Русский француз» Елагина, «Мот, любовию исправленный» Лукина, «Награжденная добродетель» Ельчанинова, «Одолжавший любовник» Козловского.

Комедии эти построены по одному принципу. Сюжет каждой из них заимствован из западноевропейских пьес, но действие перенесено в Россию, персонажи названы либо русскими именами, либо именами, характеризующими действующих лиц: Добросердов, Злорадов и т. п.

«Корион» — переработка пьесы французского писателя Грессе «Сидней». Она интересна прежде всего как первая русская стихотворная комедия. Сюжет ее искусственен. Корион, изменивший когда-то любимой девушке, раскаивается, но поздно: Зеновия исчезла. Не видя цели в жизни, Корион принимает яд. Через несколько

минут он видит у себя в доме любящую Зеновию. Он хочет жить, но яд принят. Драматическая коллизия разрешается комически: предусмотрительный слуга Андрей подменил яд водою.

Чтобы придать пьесе национальную окраску, Фонвизин несколько изменил ее: перенес место действия в подмосковную усадьбу и ввел отсутствующий в подлиннике и первый на русской сцене образ крепостного крестьянина. С ним пришли и просторечье и черты быта крепостной деревни. «Не дай вконец мне разориться!» «Да мы разорены», — твердит крестьянин, умоляя не посылать его в Москву с письмом Кориона. Помимо оброка, крестьяне платят бесчисленные подати,

От коих уже мы погибли-сто вконец.
Нередко ездит к нам из города гонец,
И в город старосту с собою он таскает,
Которого-сто мир, сложившись, выкупает...
Немало и того сбирается в народе,
Цем кланяемся мы поцасту воеводе,
К тому же сборщики драгуны ездят к нам
И без посцады бьют кнутами по спинам,
Коль денег-ста когда даем мы им немного.

Зрители могли посмеяться над корявой речью мужика, его цоканьем, но хоть на секунду должны были задуматься вместе с Андреем:

Какую бедную крестьяне жизнь ведут,
Коль грабят их и те, которым предан суд!

Андрей непохож на своего забитого деревенского собрата. Остроумный и насмешливый, он сочетает в себе черты всех слуг из «Послания»: он предан доброму барину, как Шумилов; подобно Петрушке, хочет жить весело, коль «в том не помешают черти»; как Ванька, настроен критически по отношению к господам.

Иной из них, служа и телеси и духу,
Во здравие свое до смерти гнет сивуху;
Иной и день и ночь, пролив струями пот,
Гоняясь за скотом и сам бывает скот,
И лучшие из них равняются со пнями, —

смеется Андрей над сельскими дворянами. Знает он и нравы столичного барства.

Вам счастья своего недолго будет ждать,
Коль станете во всем вы знатным угождать:

Известны вам самим больших господ законы,
Что жалуют они нижайшие поклоны;
Умножьте вы число особою своей
Стоящих с трепетом в передних их людей, —

уговаривает смышленый слуга своего барина.

Эти сатирические строки, жалкий облик разоренного крепостного, содержат во сто раз больше правды, чем надуманный сюжет, и показывают, о чем думал в молодости создатель «Недоросля».

На поставленный в «Послании к слугам» вопрос: в чем смысл жизни — отвечали слова друга Кориона Менандра:

Кто к общей пользе все старанья приложил
И к славе своего отечества служил,
Тот в жизнь свою вкусил веселие прямое.

Служению отечеству, «общей пользе» и отдал в дальнейшем свою жизнь писатель.

Появление пьес Фонвизина, Елагина, Ельчанинова вызвало различные толки. Одним переделки нравились, другие считали, что пьесы должны быть либо переводными, либо оригинальными.

С обоснованием теории «преложения» пьес «на русские нравы» выступил Лукин. Напомнив, что переделки были благосклонно встречены при дворе и бросив таким образом тень на тех, кто осмеливался думать иначе, чем императрица и ее приближенные, Лукин приступает к сути дела. Перевод, — говорит он, — не волнует зрителей, ибо он дает представление о жизни другого народа, а театр должен исправлять пороки своих единоземцев. Поэтому, заимствуя основу произведения, следует изменить положения, чуждые русскому быту, назвать героев русскими именами, место действия перенести в Россию.

Особенно заботили Лукина образы слуг, которые во французских комедиях часто оказываются умнее своих бар и философствуют, что, по мнению писателя, несвойственно русским крестьянам. Соответственно он создает в своей пьесе «Мот, любовию исправленный» образ идеального слуги, отказывающегося принять предложенную барином вольную. «Василий презирает вольность и остается при господине своем. Вот примерная добродетель и такая, которая и в боярах общею назваться не может».

Первое здание Московского университета (крайнее слева) на Красной площади в Москве.
Фотография 80-х гг. XIX в.

Д. И. Фонвизин и Е. И. Фонвизина. *Силуэты работы Сидо (F. G. Sideau). 1782-1784 гг.*

Чтение Фонвизиным комедии „Бригадир“. *Силуэтный рисунок неизвестного художника.*

Это рассуждение выдает идеологическую подоплеку спора и влияние доверенного лица императрицы — Елагина. Екатерине II и в 1760-е годы и позднее очень хотелось убедить и крестьян, которые бунтовали сотнями тысяч, и дворян, «зараженных» вольнодумием, что презрение к вольности — высшая добродетель человека.

Лукин нападает на Сумарокова. С одной стороны, он считает комедии Сумарокова плохими потому, что они напоминают «старинные наши игрища», т. е. народные русские пьесы. С другой, он говорит, что они чужды «русским нравам», так как действующие лица названы не русскими именами, а детали обстановки не соответствуют русской жизни. Так, в одной из комедий Сумарокова речь шла о свадебном контракте, в то время как в России браки заключались лишь в церкви.

Частные замечания Лукина совершенно справедливы. Мысль о необходимости придать комедии более определенные национальные черты была своевременной. Но угодливо подобострастная ссылка на благоволение двора, стремление доказать, что презрение к вольности является высшей добродетелью человека, беспардонная грубость по отношению к Сумарокову, создателю первых русских комедий, не могли не вызвать отпора.

Однако неудобно было сказать, что ссылка Лукина на одобрение двора — хвастовство. Возражать против лукинско-екатерининской трактовки понятия «примерная добродетель» — рискованно. Борьба пошла вокруг имени Сумарокова. Ее начал Я. Б. Княжнин, в будущем знаменитый драматург, создатель единственной русской республиканской трагедии «Вадим Новгородский», а в ту пору начинающий писатель. Он написал сатирическую поэму «Бой стихотворцев», которая распространялась в рукописи (до нас дошла лишь часть сатиры).

Княжнин прямо называет Елагина организатором и вдохновителем группы и с редкой смелостью высмеивает одного из наиболее близких императрице людей. Он вспоминает давние нападки Елагина на Ломоносова и вкладывает в его уста слова, без обиняков говорящие, что и тогда и теперь почтенным вельможей и мелким поэтом двигало черное чувство зависти:

«Все Сумарокова с восторгом похваляют,
Чтят Ломоносова... Вот чем меня терзают...»
И зависть бледная, усилившись, синела,

Которая в устах его всегда сидела;
Огнь ярости в глазах как молния блистал.
Пред жаром Визен сим зрак быстрый потерял,
С тех пор он помощи себе лорнета просит[1].

Княжнин осмеивает всю группу, но с особенной неприязнью говорит о Лукине и посвящает ему большую часть своей «поэмы».

Никто из членов кружка не мог лучше Фонвизина ответить на стихотворную сатиру стихотворной же сатирой. Он и пишет «Дружеское увещание Княжнину», в котором называет Княжнина бездарным дураком, советует не взбираться на поэтического коня (Пегаса) и скрыться «во рвы забвенья мрачны»[2].

При всей внешней остроте сатира менее зла, чем можно было ожидать. И главное, в ней нет ни одной строки в защиту Елагина, Лукина, всей группы. Почему?

Во-первых, как мы увидим дальше, принцип «преложения» иностранных пьес на «русские нравы» не удовлетворял Фонвизина, и «Корион» стоит особняком в его творчестве. Во-вторых, того единства мыслей, о котором говорит далекий от Елагина Княжнин, в кружке не было. Не могли сойтись во взглядах создатель образов Андрея, Ваньки, Петрушки и писатель, который считал, что русские слуги «неспособны» философствовать.

Фонвизин и Лукин не ужились и на службе. Вскоре после прихода Лукина в канцелярию Елагина между секретарями начались трения. «Принужден я иметь дело с злодеями или с дураками. Нет мочи более терпеть и, думаю, скоро стану делать предложение Ивану Перфильевичу о перемене моей судьбины. Честному человеку жить нельзя в таких обстоятельствах, которые не на чести основаны», — пишет Фонвизин сестре в январе 1766 г.

«Клянусь вам богом, что невозможно представить себе на мысль все те злости, все те бездельнические хитрости, которые употреблял он (Лукин. — *Л. К.*) к повреждению меня в мыслях Ивана Перфильевича и всей его фамилии», — продолжает писатель в другом письме.

---

[1] Фонвизин потерял остроту зрения и вынужден был носить лорнет (очки с ручкой).

[2] Исследователи сомневались в принадлежности «Дружеского увещания» Фонвизину. С полной уверенностью о его авторстве позволяет говорить найденная часть «Боя стихотворцев».

Интриги Лукина привели Фонвизина к решению оставить службу, хотя жалованье было основным источником его существования. Елагин не захотел выпустить из-под своего влияния талантливого подчиненного и изменил отношение к секретарям. «Любовь его к Лукину приводила меня в отчаяние. Слава богу, что теперь вышел он из заблуждения и узнает мало-помалу, что любил бездельника, а во мне узнает честного человека», — с надеждою говорил Фонвизин.

Елагин был неплохим человеком и капризным вельможей. О нем говорили, что он умен, образован, добр, но кроме слабости к женскому полу, имел еще одну слабость: он не любил, чтоб другие ели в то время, когда у него не было аппетита, ходили гулять, когда у него болела нога, ездили в театр, если он сам не мог почему-то поехать на спектакль. Мемуарист называет эту черту завистью, т. е. тем самым мелким чувством, которое, по мнению Княжнина, побудило Елагина организовать в 1750-е годы выступления против Ломоносова, а в 1760-е — против Сумарокова. Так или иначе Елагин «уравновешивал» отношения секретарей, покровительствуя им поочередно.

Четыре года маялся Фонвизин, переходя от надежды к отчаянию. «В производстве же моем надежды никакой нет. По крайней мере Иван Перфильевич о том, кажется, уже забыл... Он меня любит; да вся его любовь состоит только в том, чтоб со мною отобедать и проводить время», — сетовал Фонвизин летом 1768 г. Придерживая остроумного собеседника, Елагин играл с ним как кошка с мышью: то приласкает, то пригрозит. А другие сановники не хотели ссориться с влиятельным вельможей. «Такая беда моя, что никто прямо от него брать меня не хочет». В конце концов терпение иссякло. Фонвизин решил выйти в отставку, чтобы иметь возможность хоть через несколько лет переменить службу. «Мне жить у него несносно становится; а об отставке я не тужу: года через два или через год войду в службу, да не к такому уроду».

Неудовлетворенность личным положением сочеталась с возрастанием критического отношения к действительности. В ироническом тоне рассказывает Фонвизин сестре о петербургском свете. Большие баре любезны, когда их держат в черном теле, а попав в милость при

дворе, «всех людей становят прахом перед собою и думают, что их царствию не будет конца». Старые дураки творят новые дурачества. Корыстолюбие, сплетни, интриги, разврат, никчемные личные счеты составляют основное содержание петербургской жизни, в которой Фонвизин продолжает чувствовать себя одиноким. Писатель смеялся над всем, что вызывало смех. Окружающее давало повод и к иным чувствам. С горечью говорил Фонвизин о положении людей, попавших в беду. В театре «льются слезы о несчастии театрального героя», а живой несчастный человек забыт, а вдова заслуженного человека в нищенском платье ждет милостивой подачки в передней любимца императрицы.

Надеясь, что строптивый подчиненный угомонится после встречи с семьей, Елагин дал Фонвизину в 1768 г. полугодичный отпуск. Писатель уехал в Москву, где напряженно работал. Он завершил начатую ранее комедию «Бригадир», напечатал перевод сентиментальной французской повести «Сидней и Силли», перевел прозаическую поэму французского писателя Битобе «Иосиф», написал ряд стихов.

Докладывая обо всем этом Елагину, Фонвизин просил продлить отпуск еще на полгода. Просьбу свою он мотивировал одиночеством и болезнью стариков родителей, бедностью, которая обязывала его заниматься переводами, невозможностью продолжать службу рядом с Лукиным на прежних условиях.

Об одном умолчал писатель: о том, что в Москве его задерживала первая и единственная в его жизни настоящая любовь.

Вспоминая прошлое, Фонвизин, не щадя себя, рассказал, как еще в университетские годы, начитавшись книг, которые развратили его воображение, он начал без любви волочиться за одной девицей. Умом она была в матушку, набитую дуру. Матушка послужила прототипом бригадирши Акулины Тимофеевны, а от всей этой истории в душе писателя осталось чувство стыда.

Совершенно иною была московская встреча 1768 г. Женщина «пленяющего разума» возбудила в молодом человеке искреннее уважение, переросшее в большую любовь. Ей посвятил писатель перевод повести «Сидней и Силли»:

«К госпоже...

Следуя воле твоей, перевел я «Сиднея» и тебе приношу перевод мой. Что мне нужды, будут ли хвалить его другие? Лишь бы он понравился тебе. Ты одна всю вселенную для меня составляешь».

Любимая была замужем, не давала повода к объяснению, избегала Фонвизина, хотя он видел, что нравится ей, как нравятся и его шутки, и его сочинения. Лишь накануне отъезда писатель признался в своем чувстве и узнал, что он любим взаимно. Разлука была неизбежной, но «во все течение моей жизни по сей час сердце мое всегда было занято ею», — признавался Фонвизин незадолго до смерти.

Несмотря на все мольбы, Елагин не продлил отпуска, и весной 1769 г. писатель вернулся в Петербург. Вскоре, однако, в его жизни произошли изменения. То, чего нельзя было добиться просьбами, стало возможным благодаря комедии «Бригадир».

КОМЕДИЯ «БРИГАДИР»

Литературная деятельность Фонвизина началась в шестидесятые годы. Это было время социальных сдвигов и обострения классовой борьбы, которые повели и к некоторому изменению политики правительства, и к формированию русского Просвещения [1].

Вместе с ростом промышленности и развитием торговли усиливался и без того тяжкий крепостной гнет. Уменьшались земельные наделы крестьян, больше дней в неделю крепостные работали на бар, увеличивался оброк. Все невыносимее становилось положение «работных людей» на заводах и мануфактурах.

Народ отвечал массовыми побегами, убийством господ, бунтами. В момент воцарения Екатерины II бунтовало 250 000 крестьян.

«Намерены мы помещиков при их имениях нерушимо сохранять, а крестьян в должном повиновении содержать», — обещала Екатерина в манифесте, данном на пятый день царствования. Это слово, в отличие от мно-

[1] Европейским Просвещением называют идейное движение, направленное против феодализма в период подготовки буржуазных революций. Наиболее значительную роль в истории сыграло французское Просвещение.

гих других, она сдержала. Около двадцати полков было послано на усмирение голодных, замученных непосильным трудом людей.

Залив русскую землю слезами и кровью, императрица хвасталась: «Бунтовщики усмирены, работают и платят». Бахвальство было преждевременным. То и дело вспыхивали новые волнения, вновь шли войска усмирять непокорных. Один за другим издавались законы, укреплявшие власть помещиков: закон 1765 г. давал помещику право ссылать крестьян за «дерзость» на каторгу, по закону 1767 г. крестьянам запрещалось жаловаться на барина и т. д.

Однако правительство понимало, что одними репрессиями остановить собиравшуюся грозу нельзя. На помощь была призвана политика «просвещенного абсолютизма», целью которой являлось не только подавление, но и предупреждение восстаний. Отдельные указы владельцам заводов с призывом несколько улучшить чудовищно тяжкое положение работных людей, передача монастырских земель, а с ними и крестьян — государству, запрещение продавать крепостных во время рекрутских наборов, редкие случаи предания суду извергов, чьи злодеяния нельзя было утаить, использовались для внедрения мысли, что «милосердная государыня» равно заботится обо всех сословиях. Стремлением приспособить политику дворянского государства к условиям зарождающегося капитализма продиктовано покровительство промышленникам, купцам, организация банков и т. п.

Указ об увольнении взяточников, организация новых учебных заведений, воспитательных домов, переписка с французскими просветителями, издание их сочинений и многое другое должны были убедить, что Россией правит просвещенная монархиня. Такая монархиня, о которой мечтали лучшие умы Европы.

Широким жестом, утверждающим политику «просвещенного абсолютизма», явился созыв Комиссии по составлению Нового уложения, т. е. собрания представителей различных сословий для выработки нового свода законов.

Выборы в Комиссию проводились таким образом, что большинство депутатов избиралось от дворянства и купечества. Крепостные крестьяне не имели права посылать

своих представителей. И несмотря на это, хорошо подготовленный спектакль провалился. Депутаты, стоя, выслушали сочиненный императрицей «Наказ», в котором заимствованные у просветителей фразы использовались для доказательства, что в России возможна только самодержавная власть. Затем развернулись прения. Дворянство хотело новых льгот; купечество возражало против дворянских фабрик, требовало для себя исключительного права владеть промышленными и торговыми предприятиями и хотело получить право обладать крепостными. Критиковали судопроизводство, чиновничий аппарат. Особенно горячо спорили по вопросу о положении крестьян.

Среди депутатов нашлись честные и смелые люди. Они говорили о необходимости вмешательства государства в отношения между дворянами и крестьянами, о создании законов, которые ограждали бы имущество и личность крестьянина от бесконечных притязаний господина. Раздавались голоса о невыгодности рабского труда.

Никто не поставил прямо вопроса об отмене крепостного права. Но в выступлениях защитников крестьян звучала критика правительства, допускающего беззаконие.

Недовольная императрица решила похоронить непокорное детище. В 1768 г. под предлогом начавшейся войны с Турцией Комиссия была распущена. «Недостойно разыгранной фарсой», т. е. грубой комедией, назвал затею с Комиссией А. С. Пушкин.

И все-таки Комиссия сыграла известную роль. Она показала, что сама идея просвещенной монархии привлекала многих, но воплощение этой идеи правительством Екатерины II не удовлетворяло по разным причинам ни одно сословие. Прения доказали, что в России есть общественное мнение, которое отказывается следовать по путям, предписанным свыше.

Впечатление от споров в Комиссии было тем сильнее, что неудовлетворенность действительностью проявлялась и в печатных произведениях: так, юрист А. Я. Поленов писал, что русские крепостные не имеют «ни малой от законов защиты, подвержены всевозможным... обидам, претерпевают беспрестанные наглости, истязания и насильство».

Философ-просветитель Я. П. Козельский в книге «Философические предложения» выступил против самовластья, неравенства, угнетения человека человеком. Передовые общественные, философские и естественно-научные взгляды высказывались в трудах первых питомцев Московского университета: профессоров С. Е. Десницкого, И. А. Третьякова, С. А. Зыбелина и др.

Формировалось русское Просвещение. Русские просветители выступали против деспотизма, крайностей крепостничества, церковного фанатизма, сословных предрассудков. Они критиковали систему воспитания, чиновничий аппарат, требовали уважения к человеку «среднего» и «низкого» состояния, боролись за право литературы говорить истину и т. п. Не будучи революционерами, русские просветители готовили почву для декабризма, как их старшие французские учителя и собратья подготавливали буржуазную революцию 1789 г. Французские просветители — Вольтер, Монтескье, Руссо, Дидро и др. — оказали большое влияние на русских мыслителей. С Запада шли идеи вольности как «первого дара» природы, просвещенной монархии и многое другое.

Имело русское Просвещение и свои национальные черты. Хоть и родилось оно на почве проникновения буржуазных отношений (это определило уважительное отношение просветителей к торговле, промышленности), ведущую роль в нем, как позднее в движении декабристов, играли дворяне. Русская буржуазия, в отличие от французской, не была революционной ни в XVIII, ни в XIX веках. Отличие русского Просвещения от французского определялось и тем, что во Франции буржуазная революция произошла в 1789 г., а кризис самодержавно-крепостнического государства в России ясно обозначился гораздо позднее. Первое вооруженное восстание против самодержавия произошло лишь в 1825 г.

Переводы басен Гольберга, трагедии Вольтера «Альзира», трактата Куайе «Торгующее дворянство» и другие ясно говорят о сочувственном отношении Фонвизина к просветительству.

«Послание к слугам» и вся последующая деятельность характеризуют Фонвизина как одного из самых крупных и ярких представителей русского Просвещения со всеми его особенностями, сильными и слабыми сторонами.

Автор «Бригадира», «Недоросля» и в молодости и в зрелые годы считал, что дворянство несет ответственность за положение в стране. Но он видел, что в подавляющем большинстве дворяне недостойны этой высокой роли. Представители господствующего сословия, они бесчеловечны, корыстны, невежественны и меньше всего думают об интересах родины. Обличение дворян, недостойных быть дворянами, и выяснение причин, уродующих человеческую личность, занимает огромное место в творчестве писателя.

Точная дата написания комедии «Бригадир» неизвестна. Одни исследователи относят ее к 1766, другие — к 1769 г. Думается, что уточнение датировки не так уж и существенно. Ясно одно: работа над комедией связана с кругом вопросов, поднятых в период созыва Комиссии по составлению Нового уложения. Фонвизин присоединялся к тем, кто, подобно Я. П. Козельскому, считал необходимым при помощи «праведных речей» показать картину русской жизни. Одновременно в «Бригадире» по-новому решался вопрос о путях создания национальной комедии, поставленный в кружке Елагина.

Комедии Сумарокова, действительно, не могли вполне удовлетворить зрителя. Говорилось будто бы о России, а имена персонажей звучали не по-русски: Дюлиж, Ксаксоксимениус. Обстановка и отдельные детали не соответствовали русскому быту. Но когда в 1769 г. Екатерина II вслед за Лукиным попыталась зачеркнуть сделанное Сумароковым, в защиту старейшего русского драматурга выступил выдающийся русский просветитель Н. И. Новиков.

В сумароковских комедиях осмеивалось слепое подражание дворян Западу, неуважение к родине, их невежество, взяточничество, развращенность нравов, распад семьи, дурное отношение к слугам. В баснях и сатирах Сумароков бичевал неправосудие чиновников, спесь бездельников-дворян, требовал от них служения отечеству, говорил о природном равенстве людей.

Мужик и пьет и ест, родился и умрет,
Господский также сын, хотя и слаще жрет,
И благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах, должно ли людьми скотине обладать?

В трагедиях драматург предъявлял высокие требования к монархам и вельможам, обличал тиранию и фаворитизм. За все это и за попытки вмешиваться в государственные дела Екатерина невзлюбила Сумарокова, всегда стремилась унизить его и охотно поддерживала Лукина.

Фонвизин подсмеивался над вспыльчивостью и заносчивостью Сумарокова, но сумароковская сатира была ему ближе, чем пьесы Лукина с их реакционной идеей, что добровольное рабство есть высшая добродетель человека. Однако остановиться на том, что было сделано Сумароковым, Фонвизин не мог. Не удовлетворяла его и теория «переделок». Отдав ей дань в «Корионе», он пошел на поиски новых путей, учитывая опыт европейской драматургии, опыт предшественников и современников.

Писатели эпохи классицизма, стремясь к простоте и ясности, соблюдали строгое деление на жанры. В драматургии высоким жанром считалась трагедия, призванная вызвать ужас и сострадание путем изображения борьбы между долгом и страстью в душах сильных людей, грандиозного столкновения страстей, государственных переворотов. Ее герои — выдающиеся личности. Обыкновенные люди, их жизнь и страдания считались недостойными трагедии. Задача комедии («низкого жанра») — исправление нравов при помощи осуждения бытовых пороков таким образом, чтобы персонажи заставляли только смеяться: ни негодования, ни жалости, ни сострадания они вызывать не должны.

В целях большей ясности каждая комедия посвящалась осмеянию одного из пороков. Так великий французский писатель Мольер осмеял скупость в комедии «Скупой», лицемерие в «Тартюфе», развращенность — в «Дон-Жуане» и т. д. Соответственно и внутри комедии каждый персонаж являлся воплощением какой-нибудь одной черты, одного порока. Именно эту особенность классицизма подчеркивал А. С. Пушкин, противопоставляя персонажам Мольера разнообразные и многосторонние характеры Шекспира.

Нельзя, однако, забывать и другого. Построенные на широчайшем обобщении явлений действительности, лучшие образы французского драматурга переросли в образы-типы, и имена их стали нарицательными

(Гарпагон, Тартюф). Иногда, нарушая принцип, Мольер наделял отрицательный персонаж привлекательными чертами (Дон-Жуан), делал своего героя одновременно и смешным, и драматичным (Альцест в «Мизантропе»). Некоторые его комедии связаны с народным театром, что очень смущало теоретика французского классицизма Буало.

Мольер оказал огромное влияние на европейскую драматургию. Но многие его современники и последователи восприняли лишь внешнюю форму классицистической комедии. Отсутствие широкого обобщения превращало персонажи в безжизненную схему какого-либо порока. Обязательные единства времени, места и действия[1] прикрывали бедность сюжета. Следуя за Буало, который советовал писателям изучать нравы горожан и придворных, а не простых людей, комедии теряли остроту и связь с народным театром. Обличение сменилось бездумной развлекательностью, картины реальной жизни — салонным остроумием. В противовес произведениям такого рода начала создаваться «слезная комедия»: в ней трогательный элемент преобладал над комическим, большое место занимали нравоучительные рассуждения добродетельных персонажей.

По мере развития европейского Просвещения отношение к комедии изменилось еще более. Смех стал казаться недостаточно сильным средством исправления нравов. Учить людей добру примерами добра казалось более целесообразным и действенным. Бесконечное изображение дворян и придворных не отвечало назревшим

---

[1] Единство действия не допускало введения событий и обстоятельств, отвлекающих от основного конфликта. Единство места требовало, чтобы действие происходило в одном месте (комната, площадь, дворец). Единство времени означало, что время событий, происходящих на сцене, должно приближаться ко времени спектакля или в крайнем случае не выходить за пределы 24 часов. Все эти правила основывались на требовании «правдоподобия», на желании заставить зрителя поверить в действительность происходящего и на стремлении не привлекать внимания к тому, что не имеет непосредственного отношения к переживаниям героев. Одним из основных правил было также соответствие каждому жанру стилевых особенностей. Высокому содержанию трагедии соответствовал величавый напевный стих, лишенный просторечия язык. Комедия, воссоздающая жизнь обыкновенных людей, могла быть и стихотворной, и прозаической; язык персонажей приближался к разговорному.

задачам демократизации театра. Выразить уважение к народу, делая его в лучшем случае объектом насмешек, было невозможно. Так родилась «серьезная комедия» и (что почти одно и то же) «мещанская драма». Ее положительные персонажи в большинстве случаев — лица третьего сословия, часто противопоставленные испорченным аристократам.

С теоретическим обоснованием нового искусства выступил великий французский просветитель Дидро. Из высказанных им положений наиболее важно было требование приблизить искусство к действительности, уделить особое внимание «добродетели», «долгу человека» и создать в пьесах типы представителей разных общественных групп, или, как он говорил, «общественного положения». Дидро хотел видеть на сцене коммерсантов, судей, адвокатов, чиновников. В равной степени он считал важным изображать семейные отношения, создать типы отцов семейства, супругов, сестер, братьев.

Дидро не отрицал «веселой комедии, предметом которой является смешное и порочное», но его основной задачей было — обосновать жанр «мещанской драмы».

Откровенно враждебно отнесся к «слезной комедии» и «мещанской драме» Сумароков: они казались ему чем-то вроде «чая с горчицей» или «щей с сахаром». Сумароков считал, что они снижают воспитательное значение драматургии, и не допускал смешения комического и драматического. Позиция Фонвизина была более сложной.

Новое литературное направление — сентиментализм — не воспринималось им враждебно. Он перевел сентиментальную повесть «Сидней и Силли». О желании учить добру примерами добра говорит перевод поэмы Битобе «Иосиф». В основе ее лежало растрогавшее писателя в детстве предание о юноше, который испытал много горя, но сумел сохранить доброе сердце. Первый опыт в драматургии — пьеса «Корион» была типичной «слезной комедией». Смешение комического и драматического, но в ином сочетании, есть и в «Бригадире», и в «Недоросле».

Однако жанры «слезной комедии» и «мещанской драмы» не помогали решить задачу создания национальной драматургии по ряду причин. Перед Дидро она и не стояла: идеалы французской буржуазии казались

просветителю общечеловеческими. Не мог довольствоваться Фонвизин и только утверждением добродетели: слишком много было вокруг беззакония, мерзости, нравственного уродства. Он верил в воспитательную силу смеха и создал остро обличительные сатирические комедии. Развивая национальные традиции сатирического направления, он неизмеримо обогатил их, перенеся на русскую почву то новое, что помогало более глубокому воспроизведению жизни.

Художественное новаторство «Бригадира» начинается с первой сцены.

В дофонвизинской комедии декорациям и костюмам не придавалось большого значения. Первому явлению «Бригадира» предпослана большая ремарка[1], которая сразу вводила зрителя в обстановку дворянской усадьбы.

«Театр представляет комнату, убранную по-деревенски. Бригадир, в сюртуке, ходит и курит табак. Сын его, в дезабилье, кобенясь, пьет чай. Советник, в казакине, смотрит в календарь. По другую сторону стоит столик с чайным прибором, подле которого сидит советница в дезабилье и корнете и, жеманяся, чай разливает. Бригадирша сидит одаль и чулок вяжет. Софья также сидит одаль и шьет в тамбуре»[2].

Мы еще не знаем, кто эти люди, но ясно, что это русские дворяне; в какой-то степени намечены их взаимоотношения и характеры. Бригадир, привыкший к движению солдат, ходит по сцене. Советница, хозяйка дома, разливает чай. Родство душ Иванушки и советницы чувствуется и в однотипных заграничных туалетах, и в манерах, выразительно определенных словами «кобенясь» и «жеманяся». Домовитая бригадирша и в гостях вяжет чулок.

Первая фраза советника, хозяина дома, как бы продолжает разговор, начавшийся до того, как мы познакомились с персонажами: «Так ежели бог благословит, то двадцать шестое число быть свадьбе».

---

[1] *Ремарка* — пояснение автора к тексту пьесы.

[2] *Бригадир* — военное звание выше полковника и ниже генерала. *Статский советник* — звание чиновника одного ранга с бригадиром. *Дезабилье* — модное утреннее платье, предмет особой заботы щеголей XVIII века. *Корнет* — нарядный чепчик. *Тамбур* — вышивание в пяльцах.

Из последующего мы узнаем, что семья бригадира приехала с целью женить Иванушку на дочери советника Софье. Предполагаемый брак не по душе ни жениху, ни невесте. Софья любит другого человека, Добролюбова. Иванушке не нравится умная и добродетельная Софья. Он волочится за ее молодой мачехой, такой же щеголихой, как и он. Советница приглянулась и бригадиру, но она предпочитает сына. Советнику, в свою очередь, понравилась бригадирша, чего та никак не может понять. К концу пьесы все шашни раскрываются. Бригадир с семьей уезжает. Советник соглашается на брак Софьи с Добролюбовым, который выиграл тяжбу и стал владельцем большого имения.

В комической фабуле как будто бы нет ничего серьезного и ничего национального. Но содержание комедии гораздо шире. В ней воссоздается нарисованная рукой сатирика неприглядная картина русской жизни 60-х годов XVIII века.

Показывая своих героев в кругу семьи, писатель раскрывает их нравственные качества и создает представление об их общественном лице. Бригадир, советник, советница и Иванушка отличаются друг от друга некоторыми чертами характера, но по основным свойствам они родственны. Это круглые невежды и противники просвещения. Бригадир не читал ничего, кроме военного устава, советник ограничивается указами, Иванушка и советница — любовными романами, бригадирша — тетрадками для записи расходов.

Страшнее невежества — корыстолюбие, беспредельный эгоизм. Советник искренне считает, что, так как все люди грешны, обирать надо правого и виноватого: «Я сам бывал судьею: виноватый, бывало, платит за вину свою, а правый за свою правду».

Насколько типичны были убеждения советника, свидетельствует указ императрицы Елизаветы Петровны 1761 г. В нем говорится о том, что «места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем» (т. е. местом торговли), о «лихоимстве и пристрастии судей», о беззаконии, о «бедных, угнетенных неправосудием» людях.

Этот печальный итог двадцатилетнего царствования был подведен Елизаветой незадолго перед смертью. Екатерина II, вступив на престол, предписала отстранять пойманных взяточников от службы. А сколько оставалось

не пойманных? Впрочем частные указы не меняли основы судопроизводства. «Большая часть судей нынче взяток хотя не берут, да и дел не делают», — с горечью говорит Добролюбов. Не делают, потому что рассуждают, как советник: «Как решить дело даром, за одно свое жалованье? Этого мы как родились и не слыхивали! Это против натуры человеческой».

Воруя днем, советник вечером молится, ставит свечи перед иконами и полагает, что бог тоже взяточник: за свечи и молитву простит обман, воровство и другие грехи. А их немало. Старик женат на молодой женщине и еще волочится за чужой женой. Волочится, вздыхая о «погибели души» своей, но тем не менее хочет выдать дочь замуж для того, чтоб самому быть поближе к «возлюбленной сватье». Он по-настоящему боится лишь кулаков бригадира. С богом же можно поладить: «Несть греха, иже не может быти очищен покаянием». «Согрешим и покаемся», — «с нежностью» предлагает он бригадирше.

Классический тип ханжи и лицемера создан Мольером в образе Тартюфа. Советник не повторение его. Он русский чиновник-взяточник, русский дворянин, выжимающий прибыль из своих крестьян. Труд их он оплачивает скудной мерой хлеба, который выдает сам, ибо другим не доверяет. И его представление о семье — тоже русское. С недоумением выслушав слова Софьи, что жених ее не любит и не имеет ни малейшего почтения, Артамон Власьевич удивляется: «Мне кажется, ты его почитать должна, а не он тебя. Он будет главою твоею, а не ты его головою. Ты, я вижу, девочка молодая и не читывала священного писания».

Язык — средство характеристики действующих лиц. Это понял уже Сумароков, который пытался индивидуализировать язык персонажей своих комедий. Фонвизин углубляет индивидуализацию речи. Старый чиновник и ханжа, советник мыслит понятиями судебных указов и церковных книг, что отражается в самом строе его языка: «Вышед замуж, почитай свекровь свою... первую по бозе [1], угождай во всем быстропроницательным очам ее и перенимай у нее все доброе. О таковом вашем согласии и люди на земле возвеселятся, и ангели на небесах

---

[1] *По бозе* — после бога.

возрадуются», — заговаривается Артамон Власьевич, желая, чтобы дочь передала его слова будущей свекрови.

В том же стиле он и сам объясняется в любви, завидев бригадиршу:

Советник: Ох!

Бригадирша: О чем ты, мой батюшка, вздыхаешь?

Советник: О своем окаянстве.

Бригадирша: Ты уж и так, мой батюшка, с поста да молитвы скоро на усопшего походить будешь, и долго ли тебе изнурять свое тело?

Советник: Ох, моя матушка! Тело мое еще не изнурено. Дал бы бог, чтоб я довел его грешным моим молением и пощением до того, чтоб избавилося оно от дьявольского искушения: не грешил бы я тогда ни на небо, ни пред тобою.

Бригадирша: Передо мною? А чем ты, батюшка, грешишь предо мною?

Советник: Оком и помышлением.

Бригадирша: Да как это грешат оком?

Советник: Я грешу пред тобою, взирая на тебя оком...

Бригадирша: Да я на тебя смотрю и обем. Неужели это грешно?

В том же духе и далее продолжается этот великолепный диалог, характеризующий и двоедушие богомольного волокиты, и граничащую с глупостью наивность бригадирши, которая не может понять, о чем толкует ее собеседник.

В заключение заметим, что этот лицемер искренен в своем отношении к бригадирше. В ней, скупой и жадной, он улавливает родственную душу, «нечто отменно разумное, которое другие приметить не могут». Эта искренность проявляется и в его рассуждениях с самим собой, и в момент расставания, когда он горестно всплескивает руками и восклицает: «Прости, Акулина Тимофеевна!»

Последняя сцена несколько усложняет образ советника, но в целом он еще укладывается в рамки комедии эпохи классицизма. Образы бригадира и в особенности бригадирши сложнее.

Бригадира мы застаем в отставке, но из ряда реплик понятно его прошлое, которым объясняются основные черты характера.

Игнатий Андреевич не зря гордится своим чином. Он начинал с солдатчины, и, покуда дотянул до бригадирства, ему едва «голову не проломили». И в сражениях он побывал и «потаскался» с воинской частью по тылам. Путь этот требовал если не ума, то по крайней мере практической смекалки. Она-то и позволяет отцу Иванушки высказывать порой неожиданно здравые суждения, трезво оценивать глупость сына.

Жизненный опыт поселил в бригадире презрение к просвещению, без которого и он, и его сослуживцы успешно делали карьеру. Успех сделал его самонадеянным, самовлюбленным. Власть над людьми воспитала в нем жестокость и грубость. Жесток и груб он был с солдатами, таков он и по отношению к жене, которую не называет иначе как свиньей и дурой и которая отлично знает силу его кулака. Бригадирша выразительно рассказывает, как муж вымещал на ней «вину каждого рядового», а однажды, не сердясь, «в шутку», так ударил в грудь, что она едва жива осталась. «А он, мой батюшка, хохочет да тешится».

Софья возмущена тем, что бригадир имеет «варварство пользоваться правом сильного». В этих словах — ключ к образу бригадира.

Игнатий Андреевич, действительно, глубоко убежден в том, что право сильного — основа человеческих взаимоотношений. Убежден и в том, что он и ему подобные являются «солью» земли, заслуживают всеобщего почтения. Потому, в отличие от советника, он не хитрит, не лицемерит, а идет напролом. Таков он на службе, в семье, в отношениях с понравившейся ему женщиной.

«Я чинов не люблю, я хочу одного из двух: да или нет», — решительно подступает он к советнице.

«Да чего вы хотите? Что вы так переменились?» — жеманничает кокетка.

«Глаза твои мне страшнее всех пуль, ядер и картечей. Один первый их выстрел прострелил уже навылет мое сердце, и прежде, нежели они меня ухлопают, сдаюся я твоим военнопленным», — переходит на язык привычных сравнений бригадир.

И хоть Авдотья Потапьевна делает вид, что не понимает речей Игнатия Андреевича, он уверен в успехе.

«Постой, матушка. Я тебе вытолкую все гораздо яснее. Представь себе фортецию [1], которую хочет взять храбрый генерал. Что он тогда в себе чувствует? Точно то теперь и я. Я как храбрый полководец, а ты моя фортеция, которая как ни крепка, однако все брешу [2] в нее сделать можно».

Объяснение в любви при помощи военной терминологии смешно. Но в целом бригадир менее смешон, чем другие персонажи комедии, и в какой-то степени страшнее их. Его воспоминания о шпицрутенах [3], опасение бригадирши — «раскроит череп разом», ее рассказ о судьбе капитанши Гвоздиловой, зависть, что Софье не придется «отвечать дома за то, чем в строю мужа раздразнили», подчеркивает типичность характера бригадира, рядового представителя русской военщины XVIII века. И не только XVIII. Как воплощение грубости, тупого солдафонства, ненависти к просвещению, убежденности, что сила превыше всего, образ бригадира предвосхищает основные черты грибоедовского Скалозуба.

Название комедии подчеркивает, что в бригадире изображен тип «общественного положения». Одновременно Фонвизин делает Игнатия Андреевича «отцом семейства». Только создает он не идеальный образ, который хотел видеть на сцене Дидро, а его противоположность.

«Отец семейства! Какая тема для такой эпохи, как наша, когда нет, кажется, ни малейшего представления о том, что такое отец семейства», — писал французский просветитель.

Бригадир — представитель тех, кто не имеет ни малейшего представления об обязанностях отца семейства. Он знает лишь свои права главы семьи, требует повиновения, походя бьет жену. Он готов поколотить и сына, но поздно: перед ним дурак, но дурак взрослый, который с откровенным неуважением относится и к отцу и к матери.

---

[1] *Фортеция* — крепость.

[2] *Бреша* — брешь, пролом.

[3] *Шпицрутены* — гибкие палки, которыми били наказываемых солдат.

На типичность образа бригадирши указывали еще современники. Выход за пределы норм драматургии классицизма в нем еще более ясен, чем в образе бригадира.

Глупая, грубая, донельзя жадная, готовая за рубль вытерпеть «горячку с пятнами», Акулина Тимофеевна — смешная «дурища». Но в этой нелепой тупой женщине Фонвизин увидел страдающего человека. Много натерпелась она, таскаясь за мужем «по походам без жалования», знает и поныне крутой нрав своего благоверного. «Резнет меня чем ни попало», — не без основания опасается она и уходит «поплакать в свою волю» подальше, чтоб муж не видал. «Закажу и другу и ворогу идти замуж», — говорит она в горькую минуту.

Как человек, испытавший горе, Акулина Тимофеевна умеет и других пожалеть: ее нелегкая доля — обычная судьба офицерских жен.

«Вить я, мать моя, не одна замужем. Мое житье-то худо-худо, а все не так, как, бывало, наших офицершей. Я всего нагляделась. У нас был нашего полку первой роты капитан, по прозванью Гвоздилов; жена у него была такая изрядная, изрядная молодка. Так, бывало, он рассерчает за что-нибудь, а больше хмельной: так, веришь ли богу, мать моя, что гвоздит он, гвоздит ее, бывало, в чем душа останется, а ни дай ни вынеси за что. Ну, мы, наше сторона дело, а ино наплачешься, на нее глядя», — печально повествует Акулина Тимофеевна.

«Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о том, что возмущает человечество», — останавливает ее Софья. На это бригадирша с законным упреком отвечает: «Вот, матушка, ты и слушать об этом не хочешь, каково же было терпеть капитанше?»

И до этого рассказа, показывающего типичность судьбы Акулины Тимофеевны, и после него зритель потешается над ее чудачествами. Но заставив пожалеть бригадиршу, почувствовать ее совсем не глупые жалобы, Фонвизин создавал образ, выходящий за пределы воплощения невежества, глупости и скупости. Перед нами забитый человек, несчастная жена и любящая мать. В угождении мужу и сыну состояла и состоит вся ее жизнь. Презираемая и обижаемая ими, она заботится о них. У нее одной есть какое-то дело, и не случайно она одна не участвует в любовной путанице.

Драматичны и отношения бригадирши с сыном. Выйдя замуж по приказанию родителей за человека, которого она и в глаза не видела, Акулина Тимофеевна по мере сил старается быть хорошей женой. Она бережет копейку, делит с мужем невзгоды, покорно сносит побои и ругань. Ее внутренний человеческий протест против пережитого сказывается в настойчивом противодействии мужу, когда решается будущее сына. Желая ему лучшей доли, она восстает против решения отца сделать Ивана военным.

«Ах, батюшка! нет, мой батюшка! что ты с младенцем делать хочешь? не умори его, свет мой!» — передразнивает ее былое заступничество бригадир.

У любящей матери хватает сил отстоять сына. Но чему эта невежественная женщина может его научить? Что, кроме слепой привязанности и баловства, может она ему дать? Накормить получше, одеть понаряднее, по примеру других пригласить гувернера-француза, конечно такого, который не будет «мучить» ее драгоценного сыночка, прикопить для него деньжат побольше, раскошелиться на поездку его за границу, невесту побогаче подобрать.

И вырос оболтус, достойный сын своих родителей, достойный воспитанник среды невежества, своекорыстия, эгоизма. Избалованный матерью, Иванушка унаследовал грубость отца. Уроки парикмахера-француза привили отвращение к родине. Кратковременное пребывание в Париже окончательно вскружило голову.

Сходясь с родителями в полном отвращении к наукам, Иванушка презирает и отца и мать за невежество. Они оба для него «скоты», «животные», «свиньи». Заодно он презирает всех русских, все русское, отрекается от России. «Тело мое родилося в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской», — решительно заявляет он.

Иванушка не одинок. Он находит единомышленницу в советнице, достойной дочери той же среды. Оба они презирают окружающих, перемывают им косточки, оба мечтают о Париже, скучают в «невежественной» России:

Сын: Madame![1] Скажите мне, как вы ваше время проводите?

---

[1] Сударыня, госпожа.

Советница: Ах, душа моя, умираю с скуки. И если бы поутру не сидела я часов трех у туалета, то могу сказать, умереть бы все равно для меня было; я тем только и дышу, что из Москвы присылают ко мне нередко головные уборы, которые я то и дело надеваю на голову.

Сын: По моему мнению, кружева и блонды[1] составляют голове наилучшее украшение. Педанты думают, что это вздор и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Черт ли видит то, что скрыто, а наружное всяк видит.

Советница: Так, душа моя: я сама с тобою одних сентиментов[2]; я вижу, что у тебя на голове пудра[3], а есть ли что в голове, того, черт меня возьми, приметить не могу.

Сын: Pardieu![4] Конечно, этого и никто приметить не может.

Щеголи-галломаны (т. е. люди, преклоняющиеся перед всем французским) — постоянные объекты русской сатиры и до «Бригадира» и после него. Назначение этих образов — заклеймить презрением тех, кто отрекается от своей родины. При всей сатирической заостренности, а подчас и карикатурности, они были отражением реального и очень распространенного зла. Это их кровные и духовные внуки доведут до исступления Чацкого своим преклонением перед первым встречным «французиком из Бордо».

Смелый художник, Фонвизин сочетает сатиру с большой человечностью. Он почувствовал горе бригадирши, услышал умные реплики бригадира, увидел горестно всплеснувшего руками в минуту расставания советника. И даже пародийные фигуры галломанов озарены на мгновение светом человеческого чувства.

В конце комедии, в разгар скандала, в последнюю секунду перед разлукой, Иванушка и советница, не сговариваясь, кидаются друг к другу с одним восклицанием: «Прости, la moitié de mon âme!»[5] — «Adieu[6], полдуши

---

[1] *Блонды* — шелковые кружева.
[2] Т. е. одних чувств, одного мнения.
[3] В то время носили парики, осыпанные пудрой.
[4] Черт возьми!
[5] половина души моей.
[6] Прощай.

моей!» Смешон их искалеченный язык, но несомненно то, что в эту минуту они искренни. В привычный флирт людей, смеющихся над любовью и постоянством, на секунду ворвались проблески искреннего чувства. Такая ситуация осталась неповторенной во всей литературе о галломанах XVIII и XIX веков.

Утерявшие чувство любви и уважения к родине галломаны не стали привлекательнее после сцены расставания. Олицетворение грубой силы, бригадир не делается симпатичнее после разумных высказываний. Глупая жадная бригадирша, несмотря на свои беды и слезы, — отрицательный персонаж. Смех остается в «Бригадире» основной обличительной силой. Но, наделяя персонажей хоть какими-то человеческими чувствами, Фонвизин вносил новое в русскую комедию эпохи классицизма.

«Бригадир» показал, что пути создания национальной комедии идут не через переделку иностранных пьес, а через сатирическое отображение типических явлений русской действительности, создание образов, действующих в привычно русской обстановке, использование богатств русского языка.

Представленная в «Бригадире» картина русской жизни начала царствования Екатерины II говорила о просветительских убеждениях автора и о его критическом отношении к действительности. Комедия ставила вопрос о необходимости широкого просвещения, коренного пересмотра системы воспитания, показывала необходимость серьезных реформ в армии и судопроизводстве.

В МИРЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И ПРИДВОРНЫХ ИНТРИГ

Напряженная литературная работа в Москве во время отпуска 1768—1769 г. сказалась на здоровье писателя. «Все медики единогласно утверждают, что стихотворец паче всех людей на свете должен апоплексии[1] опасаться. Бедная жизнь, тяжкая работа и скоропостижная смерть — вот чем пиит от прочих тварей отличается», — грустно иронизировал Фонвизин, впервые с большой определенностью относя себя к профессиональным писателям и невольно предсказывая свою судьбу.

Вскоре обстоятельства оторвали драматурга от литературы на несколько лет.

В письмах Елагину из Москвы Фонвизин, наряду с просьбой об отпуске, сообщал о том, что он завершил комедию, говорил о желании познакомить с нею своего начальника, о готовности учесть его критические отзывы. Что было потом? Несмотря на все просьбы, отпуск продлен не был. Писатель вернулся в Петербург. Дал ли он после этого свое детище для прочтения Елагину?

---

[1] *Апоплексия* (апоплексический удар) — внезапный паралич вследствие кровоизлияния в мозг или спазма сосудов головного мозга.

Как отнесся тот к комедии? Казалось, она должна была ему понравиться: в «Бригадире» развивались мотивы, поднятые в «Русском французе» Елагина; комедия блестяще решала задачу создания национального театра, поставленную в елагинском кружке.

Однако позднее, вспоминая это время, Фонвизин не упоминает о Елагине и о его отношении к комедии. А ведь писатель не мог обойти Елагина и как начальника, и как своего бывшего литературного наставника, и как «директора театра и музыки», без разрешения которого ни одна пьеса не могла проникнуть на сцену. Но «Бригадир» вошел прочно в репертуар только после отставки Елагина в 1779 г. Видимо, недовольный строптивостью подчиненного, вельможа не захотел помочь молодому писателю. А комедия все-таки стала известной.

Великолепный чтец, Фонвизин начал читать «Бригадира» в домах своих друзей. Слухи об отличном чтении интереснейшего нового произведения пошли по столице. Комедией заинтересовался граф Г. Г. Орлов, знавший писателя как переводчика «Альзиры», и рассказал о ней императрице. Автора пригласили в Петергоф, где летом находился двор. 29 июня после бала писатель прочел свою комедию в присутствии Екатерины II и ее приближенных. В первую минуту он оробел, но затем читал с обыкновенным для него искусством. Императрица слушала доброжелательно, шутила и похвалила писателя.

Дня через три к Фонвизину подошел воспитатель наследника престола граф Никита Иванович Панин и поздравил с успехом:

— Ныне во всем Петергофе ни о чем другом не говорят, как о комедии и чтении вашем... Государыня похваляет сочинение ваше, и все вообще очень довольны.

Панин добавил, что и наследник выразил желание услышать комедию.

Чтение у Павла состоялось немедленно после возвращения в Петербург. Комедия понравилась. Наиболее тонкого и умного ценителя — Панина — привлекла типичность образа бригадирши.

— Я вижу, — сказал он, — что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всем родня; никто сказать не может, что такую же Акулину Тимофеевну не имеет или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу.

По окончании чтения Панин развил свою мысль:

— Это в наших нравах первая комедия, — говорил он, — и я удивляюсь вашему искусству, как вы, заставя говорить такую дурищу во все пять актов, сделали, однако, роль ее столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сия комедия столь много имеет успеха; советую вам не оставлять вашего дарования.

Панин попросил прочитать комедию на другой день у него. Затем крупнейшие вельможи и титулованные дамы стали наперебой приглашать Фонвизина. Он читал «Бригадира» у графа П. И. Панина, в домах графов Чернышевых, у почитателя Ломоносова графа А. П. Шувалова, у матери выдающегося полководца графини М. А. Румянцевой, у родственницы Паниных графини Е. Б. Бутурлиной, у графини А. К. Воронцовой и др. Словом, писатель «вседневно зван был обедать и читать» и так устал, что потом «с неделю отдыхал».

Вскоре слухи о комедии проникли в печать. 25 августа 1769 г. сатирический журнал Н. И. Новикова «Трутень» с похвалой писал о «новой русской комедии, сочиненной одним молодым сочинителем». «Трутень» относил «молодого сочинителя» к продолжателям Сумарокова и противопоставлял его пьесу «дурным переводам», имея в виду в первую очередь Лукина.

Через год Новиков перепечатал в журнале «Пустомеля» фонвизинское «Послание к слугам» без подписи. В заметке к «Посланию» говорится, что имя автора не названо, так как оно хорошо известно «всем любящим словесные науки» как имя автора многих сатир. Высоко оценивая сатиры, Новиков выражал надежду, что автор достигнет больших успехов, если обстоятельства позволят ему «упражняться во словесных науках». Далее с похвалой вспоминался «Бригадир». Заканчивалась заметка словами: «Но я умолчу, дабы завистников не возбудить от сна, последним благоразумием на них наложенного».

Новиков знал Фонвизина с детских лет, так как они были соучениками по гимназии, и, видимо, имел основания говорить об «обстоятельствах» и о «завистниках», имена которых (за исключением Лукина) не известны.

Возникает вопрос, почему за комедию и ее автора не заступилась императрица. Ведь, судя по воспоминаниям

Фонвизина, «Бригадир» был принят благосклонно. Однако благосклонность эта была относительной. Екатерина всю жизнь играла роль покровительницы искусств и щедро одаривала авторов понравившихся ей произведений золотыми табакерками, перстнями, сотнями червонцев. А Фонвизину пришлось довольствоваться милостивыми шутками — и только.

Впрочем, писатель должен был быть доволен и этим. Ведь выступил он со своей комедией в то время, когда вопрос о характере сатиры и правах сатирика стал предметом острой полемики.

Распустив в 1768 г. Комиссию по составлению Нового уложения, Екатерина II понимала, что удержать возбужденное мнение от критики трудно. Чтобы указать критике определенное направление, она предприняла в 1769 г. издание журнала «Всякая всячина» (официальным издателем считался секретарь императрицы Г. В. Козицкий).

«Всякая всячина» имела видимость сатирического журнала. А на самом деле ее задачей было объяснение политики правительства и подавление серьезной критики, серьезной сатиры.

Вскоре появилось еще семь журналов, но общественное мнение не пошло на поводу у правительства. Непримиримую позицию по отношению к «Всякой всячине» занял «Трутень». Он издавался, как мы уже знаем, выдающимся русским просветителем Н. И. Новиковым.

«Всякая всячина» либо осуждала прогрессивных деятелей Комиссии по составлению Нового уложения, либо излагала скучные истины о вреде общечеловеческих пороков. Иногда она осмеивала такие «серьезные» недостатки, как громкий смех, некрасивую манеру сидеть.

«Трутень» писал о крепостниках, отнимающих у крестьянина последний кусок хлеба, о жестоких наказаниях, о голодных детях и больных стариках. В десятках статей обличались чиновники-казнокрады, судьи-взяточники, воеводы, продавшие совесть. Как и Фонвизин, Новиков уделял большое внимание воспитанию, осмеивал преклонение перед Западом. В «Трутне» было помещено пародийное объявление, в котором кратко характеризовалась сущность иванушек всех времен: «Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с

пользою, возвратился уже совершенно свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».

Короче говоря, «Трутень» каждой строкой противостоял «Всякой всячине». Вскоре между журналами завязалась и прямая полемика.

Желая установить путь, по которому должна идти литература, «Всякая всячина» яростно нападала на сатиру, доказывала ее вред. Она звала к человеколюбию, советовала снисходительно относиться к слабостям.

«Трутень» не согласился с этими положениями и отстаивал права общественно-политической сатиры. Он доказывал, что сатира должна касаться всех тех людей, чьи действия беззаконны, независимо от их чина и звания.

Полемика захватила все журналы. В разгар ее Фонвизин приехал в Петербург.

Драматург читал свою комедию в присутствии императрицы спустя десять дней после того, как «Всякая всячина» поучала: «Человек, который всегда веселится насчет других, достоин сам всякого уничтожения». А через несколько дней после петергофской встречи во «Всякой всячине» появилась статья, в которой утверждался идеал писателя. В ней говорилось, что «добросердечный сочинитель» более всего боится «оскорбити человечество» и старается исправлять слабости путем положительного примера. Он рисует «твердого блюстителя веры и закона, хвалит сына отечества, пылающего любовию и верностию к государю», т. е. слугу церкви и престола.

Могла ли Екатерина II, устанавливая такой идеал писателя, искренне приветствовать «Бригадира»? Подходил ли автор комедии под нормы «добросердечного сочинителя»? Конечно, нет. Чтение «Бригадира» состоялось в покоях императрицы. У нее хватило ума и такта, чтобы милостиво шутить. Но как издательница «Всякой всячины» она не могла не понять, что перед нею очень сильный союзник Новикова, сатирик, чье разящее и острое слово может стать еще более опасным, чем выступления сатирических журналов.

Ну, а если так, зачем же награждать писателя и торопиться печатать его пьесу? Можно и повременить, проверив, к какому лагерю примкнет молодой драматург.

Выступление «Трутня» с похвалами новой комедии подлило масла в огонь.

Осторожность императрицы оправдала себя. Есть основания полагать, что автор «Бригадира» принимал непосредственное участие в журналах Новикова. В частности, ему приписываются замечательные сатирические «Письма к Фалалею» в журнале «Живописец» 1772 г. Этот вопрос остается в науке не решенным. Но совершенно достоверно, что вскоре Фонвизин оказался в лагере других противников Екатерины II, которых она опасалась не менее, чем Новикова.

Как мы уже знаем, комедия привлекла внимание воспитателя наследника престола и начальника Иностранной коллегии Н. И. Панина. На протяжении нескольких месяцев вельможа присматривался к молодому человеку. «Я приметил, что он в разговорах своих со мною старался узнать не только то, какие я имею знания, но и какие мои моральные правила», — вспоминал писатель. Впечатление было благоприятным. В конце того же 1769 г. Фонвизин был зачислен на службу в качестве секретаря Панина по Иностранной коллегии. Так исполнилось наконец желание расстаться с Елагиным. Новая служба была интереснее по характеру поручений. Неизмеримо выше Елагина по своему нравственному облику был новый начальник писателя.

Н. И. Панин — выдающийся государственный деятель второй половины XVIII века. Екатерина II не любила его как сторонника ограничения монархии, но около двадцати лет доверяла ему руководство внешней политикой России.

Неподкупно честный, проницательный человек, несколько медлительный, осторожный, «один из самых любезных людей», как говорили о нем, — Панин твердо и последовательно проводил намеченную политику.

Ближайшими задачами, которые требовалось решить со времен Петра I, было воссоединение с Россией украинских и белорусских земель, находившихся под властью Польши, укрепление положения в Прибалтике и продвижение к Черному морю. Но на пути стояла Франция. Заключив в 1761 г. союз с Австрией, она стремилась использовать Польшу, Турцию и Швецию как оплот против России.

В 1764 г. Россия заключила союз с Пруссией, что вызвало недовольство многих: ведь за три года перед этим только смерть Елизаветы Петровны и вступление на престол Петра III спасли Пруссию от полного разгрома; Фридрих II сам говорил, что ему по ночам снится «любезный визит казаков и калмыков» в Берлин в 1760 г.

Дело в том, что союз с Пруссией был первым шагом к задуманному Паниным «Северному аккорду» (объединению вокруг России северных государств), созданному в противовес франко-австро-испанскому союзу. По мысли Панина, члены «Северного аккорда» должны были поддерживать друг друга, защищать слабых и таким образом содействовать укреплению мира в Европе. Благородная идея, характеризующая направленность мыслей Панина, конечно, не могла осуществиться: слишком противоположны были интересы государств, но частные соглашения Россия заключила почти со всеми из намеченных стран.

На первых порах службы в Иностранной коллегии Фонвизин знакомился с обстановкой и не сразу почувствовал трудность своего положения.

«Я весьма скучаю придворною жизнью. Ты ведаешь, создан ли я для нее», — сетовал Фонвизин вскоре после перехода на новую службу. Молодость, однако, брала свое. «Между тем, я положил за правило стараться вести время свое так весело, как могу; и если знаю, что сегодня в таком-то доме будет мне весело, то у себя дома не остаюсь: словом, когда б меня любовь не так смертельно жгла, то б жил я изряднешенько.

Но страсть моя меня толико покорила,
Что весь рассудок мой в безумство претворила», —

балагурил писатель в письме к сестре.

Присмотревшись к новому секретарю, Панин стал давать ему больше поручений. В письмах все чаще мелькают ссылки на «множество стекшихся вдруг дел», на невозможность писать «за крайними недосугами».

Дел по Иностранной коллегии в начале 1770-х годов было действительно много, дел запутанных. Через письма Фонвизина проходят два связанных между собою вопроса: положение в Польше и русско-турецкая война 1768—1774 гг.

Давно было ясно, что белорусские и украинские земли должны быть воссоединены с Россией. К середине XVIII века этот вопрос осложнился. Когда-то сильное государство, Польша находилась в состоянии развала. Правящая страной знать просила помощи то у России, то у Австрии, то у Пруссии. После того как русское влияние на польское правительство усилилось, противники России, получив помощь от Франции, подняли мятеж.

В июне 1771 г. Фонвизин выражал надежду, что разумные действия русского посла сумеют остановить «смятение». Дело оказывалось не простым. Поляки продолжали бунтовать, а русские войска без особой охоты шли в сражение ради чуждых им целей. «Недавно при атаке... наша пехота легла на землю и не пошла к своей должности», — сообщал Фонвизин.

За трудностями и успехами русской политики следили явные враги и тайные недруги. Французские и австрийские дипломаты подстрекали Турцию к войне с Россией. Турция усилила претензии на Украину, а в конце 1768 г. объявила войну.

Русское правительство не ожидало этого. И потому вначале военные действия для России были малоуспешны. Затем русские войска и флот одержали ряд блестящих побед, ошеломивших Западную Европу. Вероломный союзник — Пруссия пошла на сближение с Австрией, которая заключила союз с турками. Франция интриговала в Швеции и Дании. Положение осложнялось тем, что России приходилось воевать и с турками и в Польше. «Словом сказать, отовсюду хлопоты, могущие иметь следствия весьма неприятные. К тому же и здесь сколь мудрено соглашать и прилаживать умы разнообразные...»

Сетуя на трудность «прилаживать умы», Фонвизин имеет в виду, в частности, осложнения в отношениях с турками.

Победы Румянцева на Дунае, завоевание Крыма и Кавказа поставили Турцию перед угрозой разгрома и вынудили ее начать мирные переговоры. В качестве посла выехал Г. Г. Орлов. Зная «норов» Орлова, Фонвизин тревожился, но надеялся, что не случится так, «чтоб от одной збалмошной головы проливалась еще кровь человеческая».

Переговоры были неудачными, но не от взбалмошности Орлова. Турция отказывалась признать независимость Крыма и предоставить русским судам право свободного плавания в Черном море. Переговоры были прерваны, затем вознобновились. Теперь их вел А. М. Обресков, также не добившийся результатов. Вновь начались военные действия.

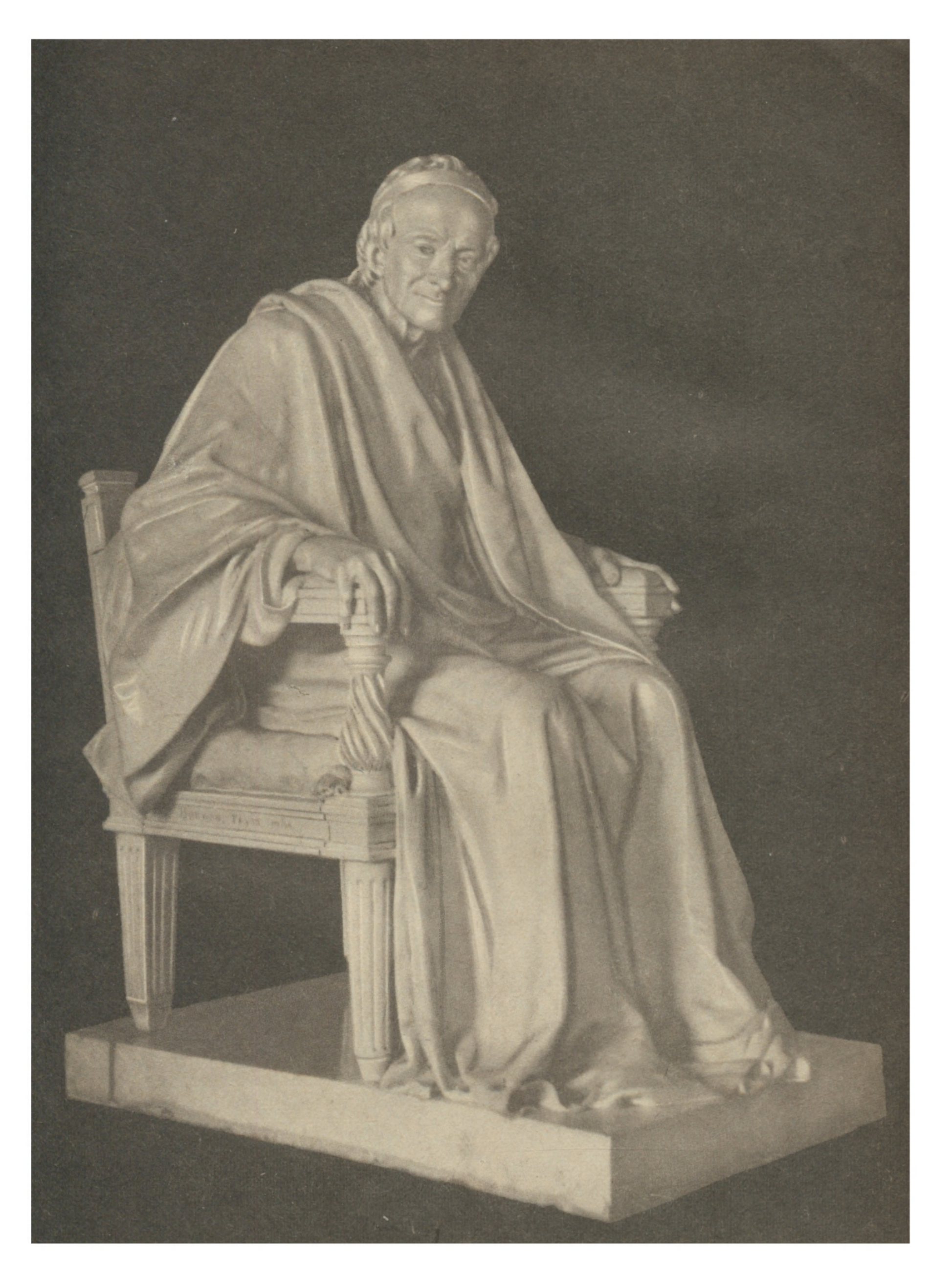
Почему же полуразгромленные турки ставили свои условия? В известной мере на этот вопрос отвечает письмо Фонвизина от 4 августа 1772 г. «...Нет сомнения, что медленность турецких полномочных... происходит от коварных внушений Франции, которая... питает турков надеждою скорой революции в Швеции и, следственно, новой у нас с шведами войны».

Русское правительство считало угрозу войны со Швецией реальной и старалось получить в качестве союзника Данию.

Сказанным не исчерпываются вопросы, над которыми приходилось задумываться Фонвизину, как ближайшему сотруднику Панина. В Польше и Турции война шла при помощи оружия. С пером в руках надо было отстаивать интересы России, имея дело с искуснейшими дипломатами Европы. Прославленные своей хитростью главы французского и австрийского кабинетов — Шуазель и Кауниц, английские дипломаты, то сообщающие Панину секретные документы, то исподтишка вредящие России, носящий маску друга и всегда готовый к измене прусский король, бряцающая оружием Швеция держали настороже кабинет Панина.

Какова была роль Фонвизина в этом мире дипломатических интриг?

Конечно, важнейшие дела Панин вершил сам, согласуя их с императрицей. Но, ведя дипломатическую войну с врагами России, окруженный завистниками, испытывая неприязнь Екатерины и ее фаворитов, он нуждался в близком человеке, верном, неподкупном, скромном и умном. Фонвизин и был таким человеком. Через его руки проходили все дела. Проводя политику Панина, он держался скромно, но высказывал, когда считал необходимым, собственное суждение. Не случайно П. И. Панин из трех секретарей своего брата избрал в качестве корреспондента именно Фонвизина. Живя в Москве, П. Панин следил за событиями и в письмах к Фонвизину

Жан Антуан Гудон. Вольтер. *1781*.

Д. И. Фонвизин. С портрета, писанного с натуры К. Фогелем. *1785 г.*

сообщал свои соображения для того, чтобы повлиять на решение вопроса, хотя братья переписывались и между собою.

Фонвизин вел переписку не только с П. Паниным. Он являлся посредником между своим начальником и русскими дипломатами. Ему писал и обиженный секретарь посольства в Варшаве А. И. Марков, и обидчик Маркова грубый Сальдерн, и дипломат Я. И. Булгаков, и посланник в Испании (потом в Польше и Швеции) граф Стакельберг, и посол в Англии граф А. М. Мусин-Пушкин, и надменный генерал-фельдмаршал князь Н. В. Репнин, и рядовые служащие посольств, и требующий немедленно решения дела нетерпеливый А. П. Сумароков и многие другие.

Одним нужны советы дипломатического характера, других беспокоит карьера, третьим не хватает жалованья и т. д. Почтенный дипломат Обресков волнуется, что не удалось заключить мир с турками, и напоминает, что «денежек маленько здесь остается, а все пить и есть хотят!» А то вдруг просит человека на 25 лет моложе себя проследить за воспитанием детей, «дать им хорошие наставления к учению и поведению, да и учителя их... побуждать ко всевозможному их обучению». А у знатных дам свое представление о задачах дипломатии: для графини М. Р. Паниной нужно достать шелка непременно из Ливорно...

Фонвизин занимался подбором служащих для посольств. «Верю, что... пришлешь ко мне человека хорошего: выбору твоему верю», — писал посол в Испании Зиновьев.

Фонвизин отвечал на письма, хлопотал о людях, независимо от их чина и ранга: «Я почел бы себе за особенное счастие, если бы... мог оказать вам услугу», — писал он одному из служащих посольства в Париже, находившемуся в стесненном положении.

Деятельностью в Иностранной коллегии писатель-дипломат снискал уважение очень многих. Это сказалось не только в приеме, оказанном ему за границей во время поездки 1777—1778 гг., когда он был доверенным лицом крупного вельможи. В 1787 г. в Вене, в последние годы жизни в Петербурге, его, тяжелобольного, полунищего человека, чиновника в отставке, гонимого правительством писателя, выручал из беды Марков, навещали служащие

посольств и Иностранной коллегии, крупные дипломаты-вельможи.

Знаки внимания, уважения, признательности были ответом на деятельность в молодости, когда наряду с делами государственной важности, Фонвизин помогал людям, старался все успеть, все выполнить. Только время от времени постоянные головные боли от вечного напряжения делались нестерпимыми. Наступал вынужденный перерыв, после которого оказывалось еще больше дел. Изредка срывался отчаянный вопль: «Бог и честные люди тому свидетели, что я веду жизнь в некотором отношении хуже каторжных, ибо для сих последних назначены по крайней мере в календаре дни, в кои от публичных работ дается им свобода».

Жизнь могла быть проще и легче, если бы Фонвизин ограничивался исполнением обязанностей по Иностранной коллегии, но размышления и неустанные заботы о международном авторитете России заставляли пристальнее вглядываться в ее внутреннее положение. Подобно большинству мыслителей XVIII века, писатель считал наиболее совершенным способом правления просвещенную монархию, а чем более мужал он, тем яснее понимал, что правление Екатерины II являлось деспотическим, несмотря на громкие слова императрицы, отдельные мероприятия и указы. Теоретически отличие монархии от деспотии состояло в строжайшем соблюдении законов, ограничивающих власть государя и делающих невозможным произвол чиновников всех рангов. Власть Екатерины II была неограниченной, упорядоченного законодательства Россия не имела ни до Комиссии 1767 г., ни после ее роспуска.

Основа основ просвещенной монархии — покровительство государя всем сословиям. Екатерина покровительствовала в известной степени купечеству и промышленникам, конечно, не ущемляя интересов дворян. Но к речам депутатов Комиссии, говоривших о крестьянстве, она прислушалась ровно настолько, чтобы распустить Комиссию. Сами крестьяне за жалобы ссылались на каторгу.

Согласно теории, фаворитизм [1] — отличительная особенность деспотизма. Пребывание при дворе не остав-

[1] *Фаворитизм* — покровительство, которое монархи оказывали своим любимцам (фаворитам) путем предоставления им титулов, привилегий, права вмешательства в государственные дела.

ляло у Фонвизина сомнений на этот счет. Конечно, Екатерина II не последовала примеру Анны Ивановны, передоверившей управление Россией Бирону. Екатерина была умнее, хитрее, тщеславнее и в основном правила сама. Но Г. Орлов, Потемкин, впоследствии Зубов играли огромную роль. Другие фавориты менее влияли на ход дела, однако возвышение и падение каждого из них стоило стране миллионы. Все это бросалось в глаза и возмущало Фонвизина. Близость к Панину позволила поверить в возможность бескровного переворота.

После двенадцатилетнего пребывания на посту посла в Швеции Панина в 1760 г. назначили воспитателем Павла Петровича. Противник Петра III, он принял непосредственное участие в перевороте 28 июня 1762 г. В Екатерине он видел лишь временного правителя, опекуна при малолетнем наследнике. Он предложил учредить «Постоянный императорский совет», состоящий из 6—8 членов, и реформировать Сенат. Сенат по проекту Панина должен был иметь право возражать против «высочайших повелений», если они «могут утеснить законы или благосостояние народа». Через Совет предполагалось проводить все дела. И хотя решающее слово оставалось за императрицей, целью реформ было наблюдение, чтобы «добрый государь... ограничивал себя в ошибках, свойственных человечеству».

Нуждавшаяся в поддержке в момент вступления на престол Екатерина согласилась на поставленные условия. Став императрицей, она отвергла их.

Сила Панина, который опирался на лиц, занимавших важные государственные посты, его ум, честность, авторитет в международных дипломатических кругах, личное влияние на Павла не позволили Екатерине II до поры до времени подвергнуть вельможу открытой опале. Она сделала попытку переключить его внимание на внешнюю политику.

Однако Панин не оставил мысли о реформах. Он не скрывал от наследника тяжелого положения страны, стремился воспитать из него достойного просвещенного правителя. Осторожно, но настойчиво он объединял вокруг Павла людей, недовольных правлением Екатерины. Оппозиционные нотки, прозвучавшие в «Бригадире», обратили его внимание на Фонвизина, и он попытался

сделать писателя своим единомышленником, что в значительной степени ему и удалось.

Недружелюбно относился к Екатерине и Петр Панин. Крупный военный деятель, но человек менее широкого кругозора, чем брат, он считал себя обойденным наградами, в 1770 г. вышел в отставку, поселился подобно многим противникам императрицы в Москве, где открыто выражал недовольство. Екатерина считала его личным врагом, «дерзким болтуном», «персональным оскорбителем».

Затихшая после 1762 г. борьба за власть возобновилась в начале 1770-х годов. В сентябре 1772 г. Павлу исполнилось 18 лет. Как достигнувший совершеннолетия он получал права на престол. Этим и хотел воспользоваться Н. Панин.

Попыткой организовать общественное мнение в пользу наследника престола было написанное Фонвизиным «Слово на выздоровление его императорского высочества государя цесаревича и великого князя Павла Петровича в 1771 годе».

Автор «Слова» говорит о болезни Павла как бедственном для России событии. Он рисует детей и стариков, женщин и мужчин, плачущих и стонущих: «Гибнет отечество наше... Что с нами будет, когда его (Павла. — *Л. К.*) лишимся». Эти слащавые картины выдавали желаемое автором за действительное: Павла не знали и уже поэтому особенно любить не могли. Но «Слово» впервые с такой определенностью напоминало: в Зимнем дворце, помимо монархини-матери, живет юный государь, с жизнью которого «сопряжено благо народа, им любимого и ему усердного».

В «Слове» не обойдена и Екатерина. Только комплименты в ее адрес не ослабляют общей мысли. Перед читателем вставал образ матери, скорбящей о болезни сына. Образ своевременный, поскольку ходили слухи об отравлении наследника. Образ величественный, но он мог казаться насмешкой тем, кто знал, как не любила Екатерина своего сына, как опасалась его притязаний на престол.

Похвалы императрице уравновешивались славословием Панину. Мать дала Павлу жизнь, добродетельного человека и государя воспитал Панин, «муж истинного разума и честности, превыше нравов сего века». Он научил

своего воспитанника любить народ. Его скорбь не меньше скорби матери. «Когда Панин рыдает о Павловой опасности, Россия должна пролить источники слезные».

Писатель обращается к Павлу так, будто бы тот скоро займет престол: «Люби россиян... Буди правосуден, милосерд, чувствителен к бедствиям людей... Любовь народа есть истинная слава государей... Внимай единой истине и чти лесть изменою».

Верил ли Фонвизин тому, что говорилось в «Слове»? В это время, вероятно, верил. Павлу было семнадцать лет. Воспитанный и руководимый людьми, желавшими блага отчизне, он мог, казалось, воплотить в себе качества просвещенного государя. Позднее эта вера пошатнулась. А когда Павел вступил на престол, писателя не было в живых и о полном крушении своих надежд он не узнал.

Смысл «Слова» — призыв к объединению вокруг Павла и его воспитателя — был понят современниками. В 1772 г. Новиков перепечатал «Слово» в журнале «Живописец».

В 1772 г. «Слово» стало еще более злободневным. Близилось совершеннолетие Павла. Решался вопрос о престоле. Противники Екатерины группировались вокруг Паниных [1], сторонники — вокруг братьев Орловых.

Екатерина придумала ловкий ход. Торжества по случаю совершеннолетия Павла были отложены на год. Встал вопрос о женитьбе.

Понимая, что сам Павел опасности не представляет, решили отдалить от него Панина, сплетничали, клеветали, плели интриги. «Князь Орлов с Чернышевым злодействуют ужасно». «Все плохо, а последняя драка будет в сентябре, то есть брак его высочества, где мы судьбу нашу совершенно узнаем», — сообщал сестре писатель.

Для начала Панину предложили освободить покои во дворце, где он жил как воспитатель наследника. С ним выехал и его секретарь Фонвизин. Стали подыскивать нового воспитателя: прочили Елагина, Ф. Орлова. Панин решил немедленно выйти в отставку. Фонвизин не знал, как сложится в этом случае его судьба, и желал

---

[1] Племянник писателя, декабрист М. А. Фонвизин сообщал со слов отца, что Панин стоял во главе заговора в пользу Павла; никаких документов, подтверждающих это, до сих пор не найдено.

только «жить и умереть честным человеком». Павел сочувствовал своему наставнику, но не мог ничего сделать, да и занят был другим: «Великий князь смертно влюблен в свою невесту, а она в него».

Рассказывая обо всем в письмах к сестре, Фонвизин заключал: «Развращенность здешнюю описывать излишне. — Ни в каком скаредном приказе нет таких стряпческих интриг[1], какие у нашего двора всеминутно происходят, и все вертится над бедным моим графом... Ужасное состояние. Я ничего у бога не прошу, как чтоб вынес меня с честию из этого ада».

Слухи о происходившем проникали за границу. Сетуя на сложность внешнеполитической обстановки и ожидая решения своей судьбы, командующий русскими войсками в Польше Бибиков писал Фонвизину: «Пусть буду там, где судьбе угодно: только к вам не хочу. О вас, и здесь живучи, слышать неприятно. Долго ль пиву бродить, пора уставиться».

Пиво в конце концов перебродило. Власть осталась за Екатериной. В сентябре 1773 г. была торжественно отпразднована свадьба Павла, оставшегося в прежнем положении наследника престола. Момент для переворота был упущен.

Должность воспитателя ликвидировали. Вознаграждение Панину за труды было настолько щедрым, что самые злые языки не могли упрекнуть императрицу-мать в неблагодарности. Иностранные дипломаты, потиравшие руки в предвидении падения своего умного противника, приуныли: руководство Иностранной коллегией оставалось за Паниным.

Сохранив позу полнейшей объективности и благожелательности, Екатерина с облегчением вздохнула. «Дом мой очищен», — удовлетворенно писала она одной из своих иностранных корреспонденток.

Фонвизин тоже был доволен и относительно благополучным исходом междоусобной войны при дворе, и тем, что его начальник «занят будет теперь одними делами». Первоочередным, жизненно важным для страны вопросом он считал заключение мира с турками. Оно тормозилось, по его мнению, как внешнеполитическими

[1] Т. е. ни в какой мерзкой канцелярии нет таких чиновничьих интриг.

обстоятельствами, так и непомерным славолюбием русского правительства.

«Для истинного блага отечества нашего мир необходимо нужен. Войну ведем не приносящую нам ни малейшей пользы, кроме пустой славы... А что всего хуже, то мы и конца войне не видим. Турки ничего не дают, и нам помириться не любо».

После окончания придворных «бурь» Фонвизин получил возможность заняться личными делами. Материальное благосостояние его к этому времени упрочилось. Во время службы у Елагина он считал каждый рубль и с нетерпением ожидал денег за переводы. Когда он перешел к Панину, необходимость в приработке отпала, но и только. В 1774 г. он стал состоятельным человеком: Панин, получив среди прочих наград 9000 крепостных, тут же передарил почти половину своим секретарям. На долю Фонвизина пришлось имение в Белоруссии с 1180 «душами» крестьян.

«Ежели б я знал, что ты живешь домом, то я б тебе прислал вина шампанского; но думаю, что живешь *по-калмыцки*, даром, что знатный помещик», — шутил в начале 1774 г. приятель писателя.

Фонвизину и самому надоела кочевая жизнь, одиночество. Хотелось жить «домом». К этому времени он вел тяжебное дело молодой вдовы Екатерины Ивановны Хлоповой. Тяжбу он выиграл наполовину, а сердце доверительницы завоевал целиком.

Отец не одобрил выбора сына. Сомневалась и сестра, но, как истинный друг, она пожелала жениху и невесте счастья. Фонвизин поступил мудро: первое письмо разорвал, а второе послал Е. И. Хлоповой.

«Возвращаю вам, батюшка Денис Иванович, письмо вашей сестрицы. Уверяю вас, что мне обещание дружбы ее очень приятно и что я все употреблю к снисканию ее любви и дружбы», — отвечала тронутая невеста.

В конце 1774 г. состоялась свадьба. Молодые выехали в Москву.

Отец ошибся. Е. И. Фонвизина была любящей терпеливой женой, умным, образованным, тонко чувствующим человеком. Она умела приноровиться к нелегкому характеру мужа, к его вспыльчивости, успокоить в минуты тоски и гнева. Она любила искусство, была прекрасной спутницей во время путешествий, гостеприимной

хозяйкой петербургского дома. Она осталась верным другом, когда пришли болезнь и бедность. Но горе пришло потом. Пока же в их доме царил покой.

А время было крайне неспокойное. Покуда во дворце дрались за власть, нищий, голодный народ, на плечи которого ложились и тяготы двух войн, и награждения фаворитов, и блеск двора, и содержание собственных бар, пошел на поиски своей, справедливой власти, своего «мужицкого царя». Подавленные в 1772 г., крестьянские волнения с новой силой вспыхнули в 1773 г. Начались они с восстания яицких (уральских) казаков под предводительством Емельяна Пугачева, принявшего имя императора Петра III. После взятия крепости Татищевой в сентябре 1773 г. Пугачев пошел на Оренбург. Восстание охватило все Заволжье от Самары до Казани, перебросилось в Приуралье. Ряды войск Пугачева пополнялись крепостными крестьянами и крестьянами, приписанными к заводам, а также башкирами, марийцами, удмуртами и русскими раскольниками.

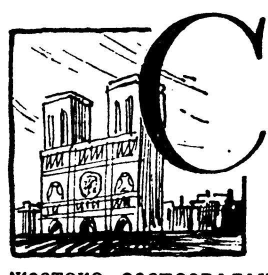
Поражение первых карательных отрядов заставило правительство встревожиться.

На усмирение послали прибывшего незадолго перед этим из Польши генерала Бибикова. В ответ на тревожные вопросы Фонвизина о состоянии дел Бибиков писал, что самое страшное — это широкое распространение восстания, а главная трудность — успокоить «почти всеобщее черни волнение». Боялся Бибиков также, чтобы его солдаты, подобно солдатам некоторых местных гарнизонов, не сложили оружия.

Бибикову удалось достичь некоторых успехов. Пугачев снял осаду Оренбурга, но двинулся вдоль Прикамья. Затем, оставив Казань, перешел на правый берег Волги. Зарево пожаров помещичьих усадеб полыхало все ближе к центру России. Перепуганные придворные уговаривали Екатерину бежать в Ригу.

В этой обстановке наскоро заключили мир с Турцией и направили против Пугачева регулярные войска с фронта. Так как Бибиков умер, Н. И. Панин предложил назначить командующим карательной армией своего брата. Приказ о назначении Петра Панина Екатерина подписала с крайним неудовольствием, но перед лицом восставшего народа пришлось отложить старые счеты. Противники на время стали союзниками.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ФРАНЦИЮ

СТИХИЙНАЯ крестьянская война закончилась неизбежным поражением. 10 января 1775 г. Пугачев был казнен. Карательные войска жестоко расправлялись с населением бунтовавших районов.

Страх перед новой «пугачевщиной» побудил правительство принять ряд мер для укрепления самодержавно-крепостнического государства. Проводником политики «сильной руки» стал новый фаворит Екатерины II, ее советчик и помощник, умный и властный Г. А. Потемкин.

Крестьянская война и установившаяся после нее политическая реакция оказали непосредственное влияние на общественно-политическую мысль и литературу России. В официальных журналах послепугачевское время рекламировалось как период «особого благополучия и спокойствия», писателям и поэтам рекомендовалось «воспеть победоносную государыню, прославить мир, тишину и блаженство ее подданных».

Прославлять «мир» страны, залитой кровью, воспевать «блаженство» нищего народа соглашались далеко не все. Но многие писатели уходили и от широкой общественной проблематики. Среди части дворян усиливались

религиозные настроения, некоторое время царила атмосфера растерянности.

Фонвизин также был потрясен и растерян. Хотя непосредственные его отклики на крестьянскую войну почти не сохранились, мы знаем о живом интересе писателя к происходившим событиям по ответам Бибикова. И как можно судить, он полностью усвоил мысль своего корреспондента: «Ведь не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование; а Пугачев — чучела, которою воры яицкие казаки играют».

Фонвизин — дворянин, поэтому он отзывался о Пугачеве так же пренебрежительно, как и Бибиков, и считал, что победа крестьянства означала бы гибель государства. Но вместе с тем писатель искал путей, которые могли бы предотвратить «всеобщее негодование». Он еще и еще раз возвращался к мысли о политическом строе России, о несоответствии Екатерины II облику государя, который может заслужить любовь и уважение народа.

В этот период напряженных размышлений Фонвизин перевел «Слово похвальное Марку Аврелию» [1] французского писателя-просветителя А. Тома.

В годы, предшествовавшие французской революции, писатели часто прославляли исторических деятелей прошлого, чтобы противопоставить их царствующим монархам. Сатирой на французского короля Людовика XV было и «Слово» Тома.

Фонвизин, переводя похвальное слово древнеримскому императору, думал о России и вновь высказывал свое представление об идеальном государе. Добродетельный монарх помнит, что люди от природы равны и свободны. Он открывает доступ к должностям способным, а не знатным людям, чтит труд земледельцев и не отягощает их налогами, избегает роскоши, не раздаривает государственных богатств любимцам. Его власть ограничена законами. Только все это, вместе взятое, может заставить подданных уважать правителя. Силой любовь не покупается: «Царь мира! ты можешь меня заставить умереть, но не можешь заставить сердца моего почитать тебя», — так говорил Тома, так думал переводчик.

---

[1] Марк Аврелий (121—180) — римский император и философ, считавшийся образцом добродетельного и мудрого монарха.

Есть ли на свете правители, заслуживающие почтение? Лучше ли живется в других странах? Чему они могут научить? — Ответить на эти вопросы можно было, совершив путешествие. Просветителя привлекала Франция, центр европейского Просвещения. Он хотел своими глазами увидеть то, о чем знал из рассказов путешественников и книг, которые читал и переводил. Драматурга интересовала культура Франции, ее блестящая драматургия, ее театр. В течение многих лет мечта о путешествии оставалась неосуществленной. Мешала материальная необеспеченность в 60-е годы, напряженная служебная деятельность в 70-е.

После заключения мирного договора с Турцией в делах Иностранной коллегии наступило относительное затишье, хотя русская дипломатия пристально следила за двумя событиями: назревающим конфликтом между Пруссией и Австрией и освободительной войной американского народа. Последняя привлекала внимание и правительства, и передовых русских людей.

В 1775 г. началась война за независимость колоний в Северной Америке против угнетавшей их Англии. 4 июля 1776 г. новое государство — Соединенные Штаты Америки — официально объявило о своем существовании. Французское правительство рассматривало американцев как мятежников, но оказывало им поддержку, чтобы ослабить свою противницу Англию. Пользуясь этим, прогрессивно настроенные круги стали организовывать помощь американскому народу. В Америку отправлялись деньги, оружие и отряды французских добровольцев. Русское правительство не сочувствовало мятежникам. Но оно не желало усиления Англии и до поры до времени выжидало.

Не исключено, что эти события ускорили давно задуманную поездку. Как сотрудник Иностранной коллегии, Фонвизин на месте мог скорее разобраться в позиции Франции. Как просветителя, его интересовало происходящее в Америке.

Интересы общественного и служебного характера сочетались с личными. Болезнь Е. И. Фонвизиной требовала лечения именно во Франции.

Заехав в свое имение, Фонвизины отправились в путешествие в августе 1777 г. Девятьсот верст пути от

Смоленска до Варшавы заняли шестнадцать дней. Первые впечатления были безотрадными. Неприятно поразило писателя суеверие, насаждаемое католическим духовенством. С удивлением и возмущением автор «Послания к слугам» рассказывал сестре о жуликах, которые якобы при помощи мощей[1] популярного в Польше святого изгоняли чертей из душевнобольных людей. «Удивления достойно, какие плуты, из каких плутов ничего не изгоняя обогащаются».

Ехать было тяжко. Дорога проходила через дремучие леса и болота. Шли дожди, карета едва-едва тащилась, иногда утопая в воде так, что колес не видать было. Ночевать большею частью приходилось в карете. В одном местечке «легли было в горнице; но, увидя несколько лягушек, около нас пляшущих, решились перейти в карету».

В Варшаве Фонвизиных приняли как почетных гостей. В их честь русский посол Стакельберг и польская знать устраивали приемы. Король любезно заявил, что он давно знает Фонвизина «по репутации». Эти проявления любезности примечательны потому, что Фонвизин ехал как частное лицо, и пышный прием не обязывался этикетом[2]. Он не был ни знатен, ни богат, ни чиновен, ни взыскан милостями императрицы. Зато его роль в делах Иностранной коллегии была известна и Стакельбергу, и другим современникам лучше, чем нам. Надменная польская знать не стала бы любезничать с техническим исполнителем поручений даже очень сильного министра.

Через три месяца после выезда Фонвизины приехали на юг Франции, в город Монпелье, где Е. И. Фонвизина начала лечиться. Фонвизин приступил к изучению философии и юриспруденции, его жена совершенствовала знание французского языка и брала уроки музыки. После четырех месяцев пребывания в Монпелье и недолгого путешествия по южным провинциям Фонвизины поехали в Париж, где пробыли пять месяцев.

---

[1] *Мощи* — высохшие останки людей, которых церковь считала святыми.

[2] *Этикет* — форма поведения и обращения с другими людьми в дипломатических и придворных кругах.

Во время более чем годичного путешествия писатель вел дневник, куда заносил подробное описание всего увиденного. К сожалению, «журнал вояжа» (т. е. путешествия) исчез бесследно. Сохранилась лишь часть писем к сестре и П. И. Панину. Значение этих писем неоценимо. С их страниц встает образ любознательного человека, внимательного наблюдателя и трезвого мыслителя. Его интересует все: природа, искусство, литература, театр, памятники старины, промышленность, земледелие, больницы, воспитание и образование, система взимания налогов, быт и нравы различных сословий, философия, церковь, общественно-политическая жизнь и внешняя политика.

Увиденное редко оставляло писателя равнодушным и потому бесстрастно-описательных страниц в переписке нет. В письмах переплетаются лукавый юмор, откровенная издевка, горькое негодование и теплая задушевность.

Фонвизин ждал от поездки многого. Страна древней, высокой культуры, страна, где не было крепостного права, страна философов должна была, казалось, чему-то научить, показать возможные пути развития России, о которой писатель думал неустанно.

Фонвизину и понравилось многое. Его привело в восторг хорошее состояние дорог, так непохожее на российское бездорожье. Он отмечал высокое развитие промышленности во Франции. Ему понравились театры, картинные галереи, некоторые памятники архитектуры, отличный госпиталь в Лионе, акведук[1] в Монпелье. Понравился Марсель, город, «в котором можно жить с превеликим удовольствием», и его «общество, приятное и без всякой претензии», и т. д.

Но писатель не принадлежал к числу тех, кто только хвалит или только порицает чужое за то, что оно чужое. Он увидел рядом с хорошим дурное. В главном его постигло разочарование: «Я думал сперва, что Франция, по рассказам, земной рай, но ошибся жестоко».

Неудовлетворенность никак не обуславливалась личной обидой. Принятые в Монпелье «первыми людьми королевства» Фонвизины были окружены вниманием. Круг знакомств расширялся благодаря остроумию писателя; дам пленяли манеры, умение комически изображать

[1] *Акведук* — сооружение с трубопроводом для подачи воды.

других людей. Соболий сюртук с золотыми петлями, горностаевая муфта, перстень с крупным бриллиантом заставляли подозревать в их владельце неслыханно богатого русского вельможу, что усиливало любезность окружающих. Известный авантюрист граф Сен-Жермен сулил золотые горы, обещая открыть «важнейшие секреты для обогащения и интересов России» [1].

Обо всем этом, потешаясь, рассказывал в письмах сам Фонвизин. Но этот щеголь, остроумный собеседник был внимательным наблюдателем и думал свою серьезную невеселую думу.

На родине оскорбляло бескультурье. Иванушки благоденствовали и во Франции. «Дворянство, особливо, ни уха ни рыла не знает... Можно сказать, что в России дворяне по провинциям несказанно лучше здешних, кроме того, что здешние пустомели имеют наружность лучше».

Народ в России был вконец разорен поборами. А под синим небом Монпелье Фонвизин наблюдал, как комендант провинции «в орденском платье Святого Духа», бароны в рыцарских доспехах, архиепископы в пышных облачениях торжественно и на разные лады доказывали одно и то же: долг верноподданных, ясность неба и милость господня обязывают жителей исправно платить подати. Затем в церкви отслужили «благодарный молебен всевышнему за сохранение в жителях единодушия к добровольному платежу того, что, в противном случае, взяли бы с них насильно», — зло иронизировал писатель.

Россия — страна, где царит беззаконие. С этим убеждением Фонвизин жил и умер. Чтобы понять, где же люди имеют человеческие права, он изучал юриспруденцию вообще, французское законодательство в частности. Выработанное веками, оно в каких-то принципах казалось мудрым. Но злоупотребления так потрясли основание этого здания, «что жить в нем бедственно, а разорить его пагубно». Особым злом была система продажи государственных должностей, которыми король мог торговать по своему усмотрению. Провинции доставались в удел бессовестным чиновникам.

---

[1] В «Пиковой даме» Пушкина рассказывается, что Сен-Жермен открыл графине тайну трех карт.

«В рассуждении правосудия вижу я, что везде одним манером поступают». «Тяжебные дела во Франции так же несчастны, как и у нас». И в той и в другой стране оказывается виноватым тот, кто беспомощен.

Фонвизин писал, что отец его не унижался в передних знатных господ. Скромность и высокоразвитое чувство собственного достоинства характерны и для писателя. В Париже он, секретарь Панина, известил о своем приезде секретаря посольства. В ответ немедленно прискакал верхом сам посланник князь И. С. Барятинский и принял гостя как родного брата. «Без чинов» отнеслись к Фонвизиным известный собиратель картин, монет и книг граф А. С. Строганов, его жена и др. Узнав, что знакомство с парижской придворной знатью покупается ценой «исканий, низости», Фонвизин отказался от него и нашел в столице Франции «множество других интереснейших вещей».

Он прослушал курс лекций по экспериментальной физике видного ученого профессора Бриссона, жена продолжала занятия музыкой. Почти ежедневно они бывали в театре. Французская комедия привела русского драматурга в вострог. «Нельзя, смотря ее, не забываться до того, чтоб не почесть ее истинною историею, в тот момент происходящею». Несомненно, что среди особенно понравившихся писателю комедий была не сходившая в эти годы со сцены комедия Бомарше «Севильский цирюльник». Русский драматург Фонвизин и француз Бомарше творили в различных исторических условиях, но оба они утверждали на сцене обличительно-сатирическую комедию. Бомарше от веселой сатиры «Севильского цирюльника» вскоре шагнул к «Женитьбе Фигаро». Фонвизин — от «Бригадира» к «Недорослю».

Для Барятинского, Строганова Фонвизин и был не только сотрудником Иностранной коллегии, но и автором «Бригадира», переводчиком, поэтом. Они познакомили его с французскими художниками, писателями, философами, учеными.

Фонвизин бывал на собраниях Академии наук. «Вольтер присутствовал; я сидел от него очень близко и не спускал глаз с его мощей», — шутил, как всегда, писатель.

Фонвизина пригласили участвовать в деятельности общества, которое пыталось объединить ученых и

писателей разных стран. Здесь он сделал сообщение «О свойствах нашего языка». О докладе писали в газетах, Фонвизина приглашали на последующие заседания, просили стать постоянным корреспондентом. Заседание было тем интереснее, что Фонвизин делал сообщение в присутствии английского физика Магеллана и одного из самых крупных ученых, политических деятелей и замечательных людей XVIII века Франклина, первого посла молодой Американской республики.

О первом после Соединенных Штатов Фонвизин пишет скупо. О событиях в Америке говорит лишь, поскольку они касаются обострения отношений между Францией и Англией. Но ведь часть писем не дошла до нас. А Франклин и Американская революция были в центре внимания Парижа. Кроме того, Фонвизин дружил с известным скульптором Гудоном, который сочувствовал событиям в Америке и в это время работал над бюстом Франклина. Нет никакого сомнения, что приятели — русский писатель-дипломат и французский скульптор — касались волновавшей их обоих темы.

Фонвизину нравился автор переведенного им «Похвального слова Марку Аврелию» кроткий и честный Тома. С уважением говорил он о Вольтере, о его предсмертном триумфе в Париже. Он принимал у себя дома многих других философов. Но, присматриваясь к ним, Фонвизин пришел к выводу, что как люди они значительно ниже созданных ими теорий. Его возмутило, когда д'Аламбер, Мармонтель и другие явились к приехавшему в Париж брату очередного фаворита Екатерины II «засвидетельствовать свое нижайшее почтение». «Они сею низостью ласкались (т. е. надеялись. — *Л. К.*)... достать подарки от нашего двора».

Фонвизин несправедлив. Он забыл, что д'Аламбер отказался от многих соблазнительных предложений русской императрицы. Но пренебрежительный отзыв о философах вызывался уважением к самой философии. Писателю казалось обидным, что философы ищут покровительства, и на свете трудно найти что-нибудь менее похожее друг на друга, чем «философия на философов».

С большим нетерпением ожидал Фонвизин встречи с Руссо, одним из наиболее демократически настроенных мыслителей, человеком, который не только отверг

предложенные ему Екатериной II щедрые дары, но и счел их попыткой «русского тирана» обесчестить его имя.

Философ знал о приезде Фонвизина, обещал встретиться с ним, но свидание не состоялось. Руссо внезапно умер. Сообщая об этой смерти сестре, горячей почитательнице великого гуманиста, Фонвизин с грустью писал: «Итак, судьба не велела мне видеть славного Руссо! Твоя, однако ж, правда, что чуть ли он не всех почтеннее и честнее из господ философов нынешнего века. По крайней мере бескорыстие его было строжайшее».

«Ты не можешь себе представить, как время летит в той земле, где никогда не бывал и где, следственно, любопытство все видеть, все узнать, занимает каждую минуту», — писал он далее.

Фонвизин ежедневно часами бродил пешком по Парижу и был потрясен кричащими противоречиями. Не забыв очарования вечернего спектакля, «каких совершеннее быть не может», он утром наталкивался на зрелище публичной казни, сопровождаемое громом аплодисментов палачу, «...как в комедии актеру. Не могу никак сообразить того, как нация, чувствительнейшая и человеколюбивая, может быть так близка к варварству». В каретах едут распутницы, сверкающие бриллиантами, а подле домов стоят вдовы и сироты, смиренно ждущие, когда «из седьмого этажа (ибо добрые люди живут на чердаках)» им кинут «куски хлеба, как собакам. В первых же этажах обитают люди богатые с окаменелыми сердцами». Он посещал приюты для неизлечимо больных в средневековых рыцарских замках и возмущался бесчеловечным обращением служителей с несчастными больными. Великолепные образцы архитектуры и полуразвалившиеся лачуги, мавзолеи — «верх искусства человеческого», а неподалеку от них, на главной улице толпа, обжигающая свинью. Богатство и нищета, прекрасные сады и омерзительные запахи — вопиющие контрасты повсюду поражали писателя в городе, где нельзя сделать ни шагу, чтоб не увидеть «чего-нибудь совершенно хорошего, всегда, однако ж, возле совершенно дурного и варварского».

«Совершенно дурным» во Франции Фонвизин считал пренебрежение к воспитанию, что, по его мнению, как и мнению всех просветителей, является основным источником народных бедствий. Попы вселяют в головы детей

предрассудки, подобострастие к духовенству — и только. Даже «первые особы в государстве» немногим отличаются от «бессловесных», т. е. от животных.

Высказав эту мысль, Фонвизин в качестве примера приводит ни более ни менее как... королевскую семью. «Нынешний король трудолюбив и добросердечен; но оба сии качества управляются чужими головами». Вторая половина фразы начисто убивает кажущуюся благожелательность первой. На троне пешка. Не все ли равно, каковы личные качества Людовика XVI?

А рядом кто? Одного из братьев короля[1] попы уверили, что, «не отрекшись вовсе от здравого ума, нельзя никак понравиться богу, и он делает все возможное, чтоб стать угодником божиим». Другой брат короля[2] «победил силу веры силою вина: мало людей перепить его могут». Сверх того он «первый петиметр», т. е. щегольволокита. Молодые люди подражают его тону, «который состоит в том, чтоб говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить переваливаясь, разинув рот... толкнуть всякого, с кем встретится; смеяться без малейшей причины, сколько сил есть громче».

Эти строки без изменения могли бы появиться в «Живописце» Новикова рядом с портретом Волокиты, который видит свою науку в том, чтобы «хохотать громко, сидеть разбросану», который «волен до бесстыдства, смел до наглости». Случайно или нет использовал Фонвизин приемы сатирической журналистики, но смешное у него перерастает в страшное. Трудолюбивая бездарность, дурак-святоша и дурак-петиметр — настоящие и будущие правители Франции.

Неограниченность власти тех, кто достоин быть лишь комедийным персонажем, — источник трагедии страны. «Король, будучи не ограничен законами, имеет в руках всю силу попирать законы». По его примеру каждый министр — деспот в министерстве, глава провинции — деспот в провинции.

Верхушка дворянства — аристократия — развращена. Стремление подражать двору, роскошь приводят к разорению и полному падению нравственности. Дворянство

---

[1] Принц Ксавье. С 1814 по 1824 г. король Франции Людовик XVIII.

[2] С 1824 г. — король Карл X, свергнутый с престола июльской революцией 1830 г.

в большинстве своем бедно и невежественно. Духовенство развратно, власть его чудовищна. «В рассуждении злоупотребления духовной власти... Франция несравненно несчастнее всех прочих государств», — пишет Фонвизин, готовый предпочесть невежественных русских попов французским попам-тиранам.

Единственно, о ком Фонвизин говорит с явным сочувствием, — народные массы. Правда, по милости попов, «народ... пресмыкается во мраке глубочайшего невежества». Правда, в Париже ежедневно вешают и колесуют преступников, а на улицах грабят, режут в домах. Но источник преступлений — положение народа: «Французы, по собственному побуждению сердец своих, нимало к злодеяниям не способны и одна нищета влагает у них нож в руку убийцы».

Так, проблема воспитания, с которой начинает Фонвизин, оттесняется мыслью о решающей роли экономических и политических условий.

Тяжко народу в Париже. Не лучше и в провинции. В самых плодородных районах страны царит нищета. Бесконечные налоги, «безрезонные, тяжкие, частые», лишают крестьянина плодов его труда, сводят на нет юридическую свободу: «Подать в казну платится неограниченная и, следственно, собственность имения есть только в одном воображении».

Фонвизин обнаруживает недюжинную для человека XVIII столетия проницательность, говоря, что экономическая зависимость является одной из форм рабства. Но он не прав, называя состояние русских крепостных «в лучших местах» несравненно более счастливым. И хотя под «лучшими местами» подразумеваются деревни, находящиеся под властью «добрых» бар, сам вывод продиктован сознанием русского помещика, который не способен понять, что юридическая свобода — шаг вперед по сравнению с узаконенным рабством.

Сознание русского дворянина XVIII века сказывается и в насмешках Фонвизина над некоторыми особенностями быта французов, его удивлении по поводу активной роли массового зрителя в театре и т. п. И все-таки В. Г. Белинский высоко оценивал письма Фонвизина: «... Читая их, вы чувствуете уже начало французской революции в этой страшной картине французского общества, так мастерски нарисованной нашим путеше-

ственником, хотя, рисуя ее, он, как и сами французы, далек был от всякого предчувствия возможности или близости страшного переворота»[1].

Фонвизин действительно не уловил в шуме парижских улиц рокота нарастающего народного гнева. Он считал, что у французов можно учиться любви к отечеству и своему государю, что «последний трубочист вне себя от радости, коли увидит короля своего». Он не догадывался, что через одиннадцать лет любовь к отечеству поведет французский народ на штурм Бастилии, а еще через три года тот же самый «трубочист» будет вне себя от радости, увидев своего короля на эшафоте.

В 1778 г. предвидели это немногие. Но ощущение общего неблагополучия пронизывает письма Фонвизина. Так жить, как живет Франция, нельзя — это русский писатель понял. Он понял, что «рабская работа» сводит на нет юридическую вольность, что в этих условиях «первым божеством являются деньги», а «право сильного остается правом превыше всех законов».

Размышляя о Франции, Фонвизин ни на секунду не переставал думать о России: «Что видел я в других местах (т. е. в России. — *Л. К.*), видел и во Франции. Кажется, будто все люди на то сотворены, чтоб каждый был или тиран, или жертва».

Разочарование во Франции не примирило писателя с тем, что творится в России, хотя он и писал порой: «Научился я быть снисходительнее к тем недостаткам, которые оскорбляли меня в моем отечестве». «Из России в другой раз за семь верст киселя есть не поеду». «Славны бубны за горами».

Наиболее искренний вывод, определяющий отношение и к Франции, и к России, Фонвизин сделал в письме не к родным, которых пугало свободомыслие сына, не к Панину, человеку все-таки иных взглядов, а к своему сверстнику Я. И. Булгакову: «Если здесь прежде нас жить начали, то по крайней мере мы, начиная жить, можем дать себе такую форму, какую хотим, и избегнуть тех неудобств и зол, которые здесь вкоренились. Мы начинаем жить, а они кончают. Я думаю, что тот, кто родился, посчастливее того, кто умирает».

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. М., Изд-во АН СССР, т. VII, 1955, стр. 119.

Мысль об особом пути России будет высказана неоднократно в XIX веке. Фонвизина она спасает от пессимизма, хотя какой должна быть эта особая «форма», он не говорит. Ясно только, что она не должна быть такой, какова она была в годы екатерининского царствования. Не став поклонником Франции, Фонвизин не примирился с тем, что оскорбляло его на родине. Лучшим доказательством этого явилась литературная деятельность Фонвизина 1780-х годов.

По возвращении в Россию начался самый блестящий этап творчества Фонвизина и период тяжких испытаний, горьких обид.

Внешне все обстояло благополучно. Здоровье Е. И. Фонвизиной окрепло. В доме на Галерной улице (ныне — Красной) все дышало уютом, говорило не только о состоятельности, но и о культуре и вкусе его владельцев. Среди мебели красного дерева стояли клавикорды, на которых играла жена писателя. Были и скрипка, и флейта, принадлежавшие самому Фонвизину. Стены украшены большими, средними, малыми зеркалами в золоченых рамах и маленькими зеркальцами, в которых отражался свет прикрепленных к ним свечей. И на стенах же было бесчисленное количество картин и гравюр. Мы не имеем, к сожалению, их перечня. Одно достоверно: со стен смотрели тридцать портретов лучших французских актеров, чья игра так полюбилась писателю, и более двадцати эстампов «с лицами в русских платьях». Были в доме и три карточных столика, за которыми собирались друзья в часы досуга. И было множество шкафов для книг, комод для бумаг, пюпитр для фолиантов. В кабинете стояло бюро, обитое тонким зеленым сукном, большие кожаные кресла.

Здесь писатель оставался один. Здесь он вскоре после возвращения в Россию начал писать комедию «Недоросль». Здесь, закончив ее, написал заявление об отставке.

Более трех лет после возвращения Фонвизин еще продолжал служить. В центре внимания Иностранной коллегии в 1779—1780 гг. была война в Центральной Европе и война между Соединенными Штатами и Англией.

В путешествии Фонвизина был один внешне незначительный эпизод. По дороге в Париж он задержался на три недели в Дрездене, без остановки проехал другие

германские княжества и отдал визит к Мангейме курфюрсту пфальцскому. Курфюрст принял его радушно, толковал о своем «усердии» к России, уважении к Панину. Надо учесть, однако, что вскоре из-за притязаний этого курфюрста на Баварию, против которых выступила Саксония, началась война между Пруссией и Австрией. Вполне вероятно, что в этой обстановке задержка Фонвизина в Дрездене, столице Саксонии, и визит в Мангейм были выполнением дипломатического поручения.

Война была погашена вмешательством России, которая выступила инициатором мирных переговоров. Тешенский мир 1779 г. явился триумфом русской дипломатии. Едва ли случайно, что в связи с ним Фонвизин впервые за десять лет получил повышение в чине.

Авторитет России в международной жизни возрос еще более в связи с декларацией о морском «вооруженном нейтралитете» 1780 г.

Война между США и Англией шла с переменным успехом. Англия захватывала суда нейтральных держав, которые торговали с ее противниками. Английский король обратился за помощью к России. Потемкин был склонен оказывать ее. Екатерине II интересы короля Георга III были ближе интересов Вашингтона и Франклина. Но русская императрица не могла не понять, что ослабление морского владычества Англии выгодно для России. Этим воспользовался Панин.

По инициативе России было создано объединение северных стран, готовых силой боевых судов защитить нейтральные суда в случае нападения английского флота. К России присоединились Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия.

Таким образом, соперничество крупных держав объективно оказало помощь молодой республике.

«Вооруженный нейтралитет» явился обновленным вариантом старой мысли Панина об объединении северных держав ради поддержания мира. Он стал лебединой песнью выдающегося русского дипломата. В дальнейшем руководство внешней политикой осуществлялось непосредственно Екатериной II и Потемкиным. В центре их внимания был «греческий проект», предполагавший изгнание турок из Европы и восстановление Греческой империи. Корона ее предназначалась младшему внуку

Екатерины, которого предусмотрительно назвали Константином, традиционным именем греческих императоров.

В мае 1781 г. Панин взял отпуск. Вернувшись осенью, он узнал, что его место в Иностранной коллегии занято бездарным И. А. Остерманом. Панин тяжело заболел.

Фонвизин еще в 1773—1774 гг. страстно желал заключения мира. С тревогой следил он за слухами о новой войне, находясь за границей: «Рассуждают многие, что мы сами ее желаем для усугубления нашей славы». В статье, написанной после смерти Панина, писатель подчеркивал, что союзы, мирные договоры, «вооруженный нейтралитет» были основными достижениями панинского кабинета.

Убежденность в необходимости мира для России не позволила Фонвизину подчинить свою деятельность осуществлению авантюры, задуманной Екатериной и Потемкиным. Он решил уйти из Иностранной коллегии. Его попытались задержать: после выхода Панина в отставку произвели в статские советники, назначили членом Департамента почтовых дел. Фонвизин подготовил проект реорганизации почт, который лег в основу почтовой реформы 1782 г., и больше оставаться на службе не захотел. Ссылаясь на «жестокую головную болезнь», он подал 7 марта 1782 г. прошение об отставке.

Крупные неприятности сочетались с мелкими злобными укусами.

При всей занятости служебными делами Фонвизин и до поездки во Францию и после нее бывал частым гостем в светских салонах и литературных кругах. Желанный гость и собеседник для одних, он легко наживал врагов. Насмешливый, остроумный, он напоминал в спорах коршуна: пользуясь минутным замешательством противника, опережал его, брал верх. «Взлетит ли Херасков под облака, коршун замысловатым словом, неожиданною насмешкою, как острыми когтями, сшибет его на землю», — вспоминал современник.

Умные люди прощали одаренному человеку его подчас злые насмешки или отшучивались. Фонвизин сохранил добрые отношения с Херасковым, И. Ф. Богдановичем и многими другими писателями, в том числе с Княжниным, хотя, как мы знаем, знакомство их началось с весьма недружественной полемики; сдружился он с баснописцем И. И. Хемницером, позднее Г. Р. Державиным

и др. Бездарные не прощали превосходства и перешли в наступление, когда пошатнулся престиж Н. Панина, а с ним и положение его секретаря. Ничтожный стихоплет написал эпиграмму, в которой пытался острить над «мнимым наместником и министром» (т. е. послом). Писатель не остался в долгу и осмеял пустое самодовольство незадачливого автора в «Послании к Ямщикову»:

...Как то нашлось в тебе, чего и в умных нет?
Доволен ты своей и прозой и стихами,
Доволен ты своим рассудком и делами,
И, цену чувствуя своих душевных сил,
Ты зависти к себе ни в ком не возбудил.
О чудо странное!..

Ямщиков не играл никакой роли ни в обществе ни в литературе, но Фонвизин нажил немало влиятельных врагов. По их наущению поэт А. С. Хвостов выступил с длинным «Посланием к творцу „Послания“». Он высмеял все до единого переводы и произведения Фонвизина, силясь доказать бездарность автора «Бригадира», вспомнил какое-то неудачное выступление Фонвизина в качестве актера и не забыл подчеркнуть скромную должность писателя: «почты член».

«Послание к творцу „Послания“» распространялось в рукописи. Враги Фонвизина были довольны, друзья возмущены. Неизвестный автор прозаического ответа Хвостову писал: «Многие Фонвизина не любят; ибо кроме некоторых умных людей, не любящих его по особенным причинам, не любим он генерально всеми дураками, в толпу которых лезете вы из доброй воли».

Баснописец Хемницер, до этого находившийся в приятельских отношениях с Хвостовым, иначе объяснил его поступок. В личной переписке и большом стихотворном письме Хемницер без обиняков говорил, что Хвостов подкуплен врагами драматурга:

Хвостов подкуплен был Фонвизина ругать,
Я передам ему, чтоб больше не бранился,
Стихи бы не срамил и сам бы не срамился:
«Чем больше будешь ты Фонвизина бранить,
Тем больше будешь ты его чрез брань хвалить.
Ты сам его, скажу, хоть втайне почитаешь,
Да въявь затем бранишь, что плату получаешь...

Во время этой перепалки, служебных и личных неприятностей, отнимавших силы и здоровье, Фонвизин заканчивал комедию «Недоросль».

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

НАЧАЛ Фонвизин работу над «Недорослем» вскоре после возвращения из Франции. Одним из первых узнал об этом И. А. Дмитревский. Ознакомившись с замыслом и написанными сценами, Дмитревский пришел в восторг. «Денис Иванович пишет комедию с превеликим успехом, как говорит Иван Афанасьевич», — распространяется слух в литературных кругах Петербурга уже в 1779 году.

Комедию ждут. Ждут, потому что в этом же году готовился к открытию «Вольный российский театр», который должен был стать более общедоступным, чем официальный придворный театр. А национальный комедийный репертуар, хотя и расширился несколько, не удовлетворял зрителя. Ждут, потому что долго молчавший автор «Бригадира» стоял в сознании умных и беспристрастных современников выше многих плодовитых писателей. Когда в 1773 г. Дидро приехал в Россию, он, наслышавшись о «Бригадире», обратил внимание Екатерины II на автора ненапечатанной комедии в записке, специально посвященной вопросу, какими должны быть театральные пьесы: «Мне сказали, что он (Фонвизин. — *Л. К.*) хорошо знает нацию, ее нравы и обладает живостью и веселостью».

У нас теперь один Фонвизин,
Который солью острых слов
И меткой силой укоризен
Срывает маску с шалунов, —

писал в 1779 г. поэт М. Н. Муравьев.

Фонвизин работал над комедией около трех лет и сделал больше, чем от него ждали. Укоры его стали еще более меткими, острые слова окрасились гневом и горечью. Он сорвал маски не только с «шалунов», т. е. ошалевших от безделья и баловства молодцов, но и с системы воспитания, законодательства, общественных и семейных отношений, обнажил причины, превращающие существо, рожденное быть человеком, в человекообразного скота.

Фонвизин так издевается над невежеством Митрофана, Скотинина, господ Простаковых, что иногда кажется, будто бы он ставит знак равенства между воспитанием и образованием. Нет. Отставной солдат Цыфиркин не ахти как образован, но в отличие от своего ученика он человек. Образование, по мнению писателя, необходимо, но само по себе оно не превращает ребенка в человека. В письмах из Франции он сурово судит французов именно за разрыв между образованием и воспитанием. Юношество «учится, а не воспитывается». Из ребенка делают богослова, придворного, художника, столяра, «но чтоб каждый из них стал человеком[1], того и на мысль не приходит. Итак, относительно воспитания Франция ни в чем не имеет преимущества пред прочими государствами», — приходит Фонвизин к выводу, печальному для Франции и неутешительному для «прочих государств», т. е. для России.

Человек — понятие многогранное, звание самое высокое из всех имеющихся на земле. Борьбе за человека и посвящен «Недоросль», комедия, вскрывающая условия, которые с детства уродуют, растлевают, убивают душу человеческую.

Нравственный уровень Митрофана наиболее ясно раскрывается в двух основных сценах: в IV явлении 1-го действия и заключительной сцене комедии. Припомним первую. Простакова приказывает Еремеевне накормить «робенка». Из робких возражений Еремеевны выясняет-

[1] Разрядка моя. — *Л. К.*

ся, что объевшийся с вечера обжора «протосковал всю ночь».

«Ночью то и дело испить просил. Квасу целый кувшинец выкушать изволил», — сочувственно докладывает Еремеевна.

Митрофан: И теперь как шальной хожу. Ночь всю така дрянь в глаза лезла.

Г-жа Простакова: Какая ж дрянь, Митрофанушка?

Митрофан: Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова: Как же это?

Митрофан: Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаков *(в сторону)*: Ну, беда моя! Сон в руку!

Митрофан *(разнежась)*: Так мне и жаль стало.

Г-жа Простакова *(с досадою)*: Кого, Митрофанушка?

Митрофан: Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова: Обойми меня, друг мой сердечный! Вот сынок, одно мое утешение.

В этой сцене смешны отношения между мужем и женой, смешон Митрофан, великовозрастный оболтус, которого, словно младенца, пестует «мама» Еремеевна, смешно его обжорство, но ясно, что он не так уж глуп. Увидев, что мать озадачена характеристикой («дрянь»), он ловко выпутывается из затруднительного положения, зная, на чьей стороне сила, за что и награждается объятием матери.

Проходят сутки. У Простаковой за жестокое обращение с крестьянами отбирают имение. В отчаянии она обнимает сына: «Один ты остался у меня, мой сердечный друг, Митрофанушка!» Со стороны матери чувства, движения, слова те же. Только теперь, когда она действительно нуждается в утешении, Митрофан злобно отталкивает ее: «Да отвяжись, матушка, как навязалась...»

Кто же (или что) повинен в том, что Митрофан не знает даже чувства привязанности к матери? Конечно, баловство, слепая любовь сыграли свою злую роль. Но не только они. Тем и отличается «Недоросль» от «Бригадира» и других комедий эпохи классицизма, что

Фонвизин попытался показать всю сумму обстоятельств, под влиянием которых формируется характер.

В первых трех явлениях пьесы Митрофан меряет кафтан, бегает за отцом и только. Но эти сцены вводят зрителя в обстановку крепостной усадьбы, где отношения между людьми основываются на ненавистном писателю праве силы.

«Мошенник», «вор», «скот», «болван», «воровская харя» так и сыплется из уст госпожи Простаковой в адрес крепостного портного. Узок ли, мешковат ли, хорош ли кафтан, Тришке спасибо не скажут: госпожа Простакова «холопям потакать не намерена». «Собачья дочь», «скверная харя», «старая ведьма» — честит она и кормилицу своего сына. Не удивительно, что и Митрофан вслед за матерью кричит на Еремеевну «стара хрычовка». А Простакова не способна понять, что отношение Митрофана к женщине, вскормившей его, не предвещает добра той, которая его родила.

Намеченная в первых явлениях характеристика Простаковой подтверждается. Печально рассказывает Еремеевна о получаемом ею жалованьи — «по пяти рублей на год, да по пяти пощечин на день». Не только трусливый семинарист Кутейкин, но и бывалый солдат Цыфиркин испытывают страх перед «беглым огнем» и ежедневными «баталиями» в доме Простаковых. Гнев барыни по поводу болезни «девки Палашки», постоянные угрозы «прибить досмерти», сетования на мужа, который не может «наказать путем виноватого», хвастовство самоуправством: «С утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тем и дом держится», — заставляют зрителя все время помнить о тех, кто своим трудом создает благосостояние Простаковых, получая в награду лишь пощечины, пинки, зуботычины, розги.

Неограниченная власть над крестьянами превратила Простакову в «презлую фурию». Лишиться власти — значит для нее лишиться смысла жизни. «Ты сама себя почувствуешь лучше, потеряв силу делать другим дурно», — наивно утешает Стародум, «видя в тоске госпожу Простакову» в конце пьесы. «Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда в моем доме моим же рукам и воли нет!» — убежденно отвечает она.

Отношение к крепостным превращает образ Простаковой из смешного в страшный. Не боясь упреков в смешении комического и драматического, Фонвизин сливает их воедино так же органично, как сливались они в действительной жизни крепостной усадьбы. Зрители смеются над любовью Скотинина к свиньям, его желанием «своих поросят завести», над обжорством Митрофана, его ленью, тупостью, решительным заявлением: «Час моей воли пришел. Не хочу учиться, хочу жениться». Смешно, когда на вопрос Скотинина «Хочешь ли ты жениться?» Митрофан, «разнежась», признается: «Уж давно, дядюшка, берет охота...», — а через мгновение, испугавшись Скотинина, прячется за няню: «Мамушка, заслони меня!»

На приемах открытого внешнего комизма строятся сцены обучения Митрофана и образы его учителей, особенно Кутейкина и Вральмана.

Цыфиркин и Кутейкин пришли в комедию из «старинных наших игрищ», о которых с презрением говорил Лукин. Цыфиркин, как и в народной драматургии, — бравый солдат, стоящий головой выше бар. Кутейкин, недоучившийся семинарист «из церковничьих детей», многоречивый, жадный и часто попадающий впросак, — постоянный объект насмешек народной сатиры. «Убояся бездны премудрости», он подал челобитье об увольнении, «на что и милостивая резолюция вскоре воспоследовала, с отметкою: „Такого-то-де семинариста от всякого учения уволить; писано бо есть, не мечите бисера перед свиньями, да не попрут его ногами“». Впрочем, «не мечите бисера перед свиньями» в не меньшей мере относится и к Митрофану, который после трех лет обучения с трудом складывает «нуль да нуль», а у Кутейкина «зады мямлит... без складу по складам».

Бывший кучер Вральман — классическое воплощение невежественного учителя-иностранца, постоянного объекта сатиры XVIII века. Единственным признаком его «образованности» является безбожное коверканье русского языка. Его задача — учить Митрофана французскому языку и «как шить ф сфете». Первого он сделать не может и завоевывает симпатии Митрофана и Простаковой рассуждениями о вреде науки. «Рассути ш, мать мая, напил прюхо лишне: педа. А фить калоушка-то у нефо караздо слапе прюха...»

При всей сатирической заостренности образ Вральмана жизненен. Известно, что когда И. И. Шувалов выписал из Франции восемь лакеев для Пажеского корпуса, то петербургские баре тотчас переманили их к себе для воспитания детей. А в Москве был случай, когда житель одной из прибалтийских провинций выдал себя за француза и обучал воспитанников вместо французского языка своему родному. Так и Вральман, потеряв место кучера, стал «учителем». Ему платят не десять, как русским, а триста рублей в год; он обедает с господами, его одного Митрофан не бранит, а Простакова называет по имени и отчеству.

Ремесло кучера пошло Вральману на пользу. С высоты козел он разглядел, что среди российских дворян немало дураков и невежд, продвигающихся по службе и без знания русской грамоты и арифметики. «Не крушинься, мая матушка, не крушинься, — утешает он Простакову, — какоф тфой тражайший сын, таких на сфете миллионы, миллионы».

Лень Митрофана, умноженная на «знания» учителей, рождает бессмертные ответы в сцене экзамена. На вопрос Правдина, какой частью речи является дверь — именем существительным или прилагательным, Митрофан спрашивает: «Дверь, котора дверь?

Правдин: Котора дверь! Вот эта.

Митрофан: Эта? Прилагательна.

Правдин: Почему же?

Митрофан: Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест существительна.

Стародум: Так поэтому у тебя слово дурак прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку?

Митрофан: И ведомо.

Под историей Митрофан разумеет истории, которые рассказывает скотница Хавронья. О географии он и не слыхал. Тут на выручку приходит госпожа Простакова. Она с присущей ей решительностью заявляет, что «еоргафия» наука не дворянская. «Да извозчики-то на что ж? Это их дело... Дворянин только скажи: повези меня туда, — свезут, куда изволишь».

Эти сцены не могут не вызвать смеха. В духе народных фарсов представлены потасовки между русскими учителями и Вральманом, драка Простаковой со Скотининым и т. п. Жалок и смешон досмерти боящийся жены господин Простаков со своим подобострастным признанием: «При твоих глазах мои ничего не видят».

Смеяться можно над всем, что характеризует Простаковых в их отношениях между собою, но когда Простакова, узнав о болезни служанки, кричит: «Лежит! Ах, она бестия! Лежит! Как будто благородная!.. Бредит, бестия! Как будто благородная!» — смех в зале затихает. Он затихает и тогда, когда Простакова жалуется, что с тех пор, как у крестьян отобрано все, что у них было, она ничего больше с них содрать не может. «Такая беда!» Двойственное чувство вызывает признание Скотинина: «Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали, я ни на кого не бил челом, а всякий убыток, чем за ним ходить, сдеру с своих же крестьян, так и концы в воду». В четырех строчках сказано о трусости этого крепколобого дядюшки, его расчетливости, о характере судопроизводства, которое оберет и правого и виноватого, о полнейшем бесправии крестьян. Что ни возьми с крестьян, «концы в воду» — ведь по закону 1767 г. крестьяне за жалобу на своего помещика ссылались на каторгу.

Показ бесконтрольной власти помещиков как основной причины народных бедствий и нравственного разложения дворян является тем существенно новым, что отличает «Недоросль» от «Бригадира».

Правда, и в «Бригадире» есть сцена, напоминающая о том, что персонажи ее являются владельцами поместий. Акулина Тимофеевна, пытаясь перевести разговор на доступную ей тему, спрашивает хозяйку дома: «Пожалуй, скажи мне, что у вас идет людям, застольное или деньгами? Свой ли овес едят лошади или купленный!» — на что следует презрительный ответ: «Шутишь, радость. Я почему знаю, что ест вся эта скотина», — и разъяснение Советника: «Матушка Акулина Тимофеевна, люди наши едят застольное. Не прогневайся на жену мою. Ей до того дела нет: хлеб и овес я сам выдаю». Этот беглый разговор — дополнительный штрих, характеризующий и щеголиху-советницу, которой нет дела до людей, чьим трудом окупаются ее наряды, и обоих домовитых

персонажей, также на один уровень ставящих крепостных крестьян и лошадей.

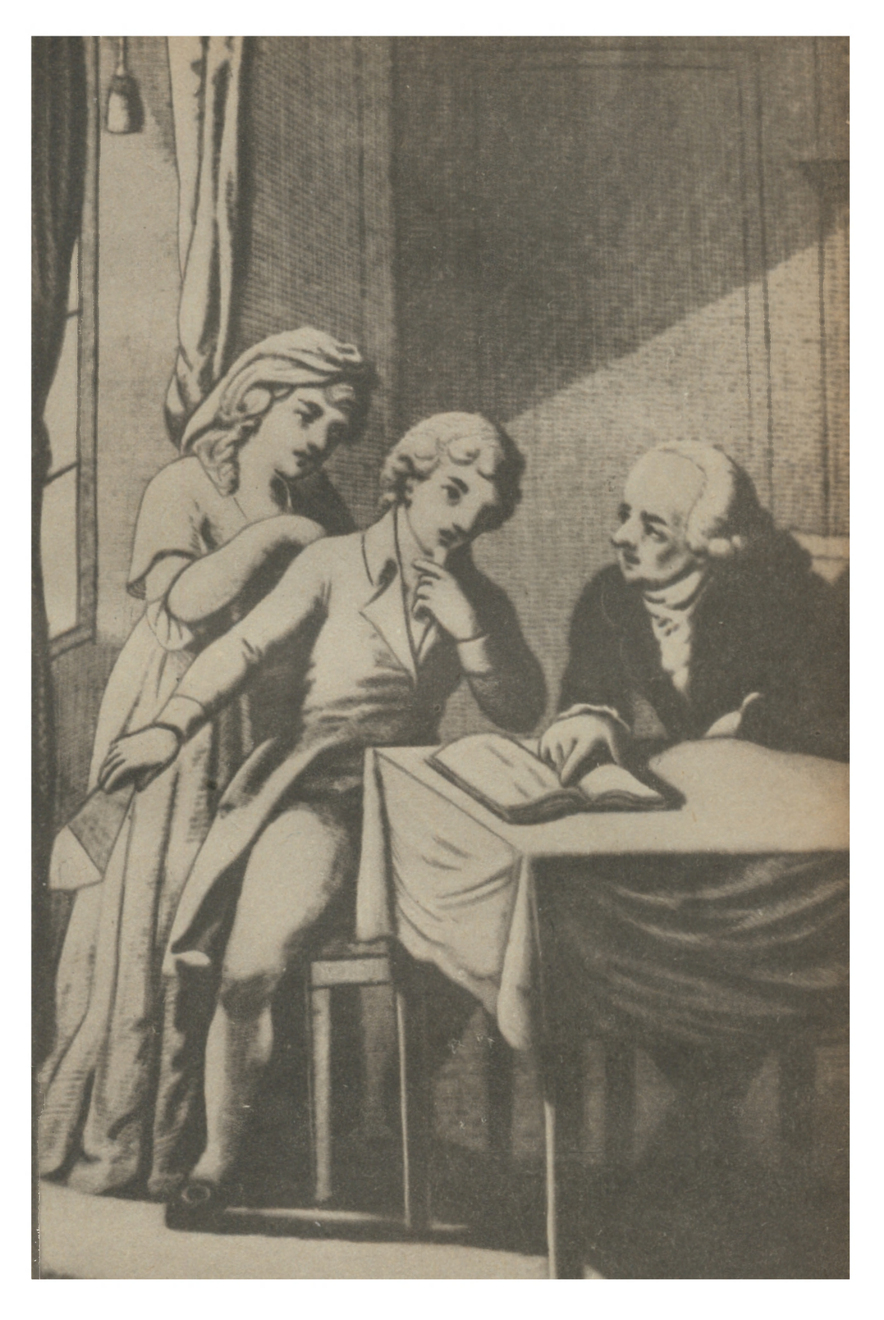
И все-таки это важный, но только штрих. В целом же усадьба советника представлена без крестьян, что обедняло картину жизни дворянства, делало ее односторонней.

«Недоросль» же от первой до последней сцены построен так, что зрителю ясно: неограниченная власть над крестьянами — источник тунеядства, самодурства, ненормальных отношений в семье, нравственного уродства, безобразного воспитания, невежества. Митрофану незачем изучать науки, готовиться к службе: у него есть сотни рабов, обеспечивающих ему сытую жизнь. Так жил его дед, так живут его родители, так будет жить и он. И Митрофан, и его мать, и его дядя с детства привыкают считать себя полновластными владельцами крестьян, видят в них двуногую скотину, и это в первую очередь превращает в скотов их самих.

Фонвизин не поставил вопроса об отмене крепостного права. Через несколько лет после него это сделал А. Н. Радищев. Автор «Недоросля» требовал лишь человеческого отношения к крепостным. «Угнетать рабством себе подобных беззаконно», — говорит Стародум.

Подобные мысли высказывались раньше Кантемиром, Сумароковым, Новиковым. Фонвизин понял, что моральная проповедь не доходит до сознания крепостников, что одними убеждениями нельзя воздействовать на самодуров, развращенных бесконтрольной властью. По мнению писателя, необходимо вмешательство правительства, и вмешательство активное, ибо на замечание Правдина: «Тиранствовать никто не волен», — Простакова с искренним возмущением отвечает: «Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?»

Указ о вольности дворянства не давал дворянам юридического права издеваться над крестьянами, но в словах Простаковой есть доля правды. Закон на ее стороне. Закон запрещал лишь убийство крестьянина, а мать Митрофана никого не убила, не искалечила. Она не жгла раскаленными щипцами своих горничных, как это делала княгиня Козловская, не заставляла лакеев щекотать в своем присутствии девушек, пока те испускали дух, не выгоняла обнаженных на мороз, не пришивала пальцев

Обучение Митрофана. *Гравюра Бёма. Конец XVIII в.*

Я. Д. Шумский — исполнитель роли Еремеевны.

неумелой швеи к ее телу, даже не засекала до смерти, как это делали многие и многие дворяне. Простакова не Салтычиха, замучившая 140 крестьян. Она обычная рядовая помещица, и в том, что Фонвизин изобразил ее именно такой — большая сила комедии, ее глубокая жизненная правда. О Салтычихе, Козловской и других извергах говорили как об исключениях. Образ Простаковой, вобравший в себя черты тысяч помещиков, должен был, по замыслу автора, стать живым укором господам, в чьих домах творилось то же самое. И не только господам. Заставив в конце комедии Правдина взять имение Простаковой в опеку, Фонвизин подсказывал правительству выход: все помещики, жестоко обращающиеся с крестьянами, должны быть лишены права владеть крепостными. Все, а не только оголтелые убийцы.

Если бы Фонвизин лишь показал разлагающее влияние крепостничества, то и тогда он бы сделал очень много. Но он сделал больше. Он уловил огромное влияние на человеческие отношения еще одной страшной силы — власти денег. В «Бригадире» он посмеялся над мелочной скупостью Акулины Тимофеевны, способной за рубль вытерпеть «горячку с пятнами». В письмах из Франции он с неприязнью говорил об экономической зависимости, превращающей юридическую вольность в рабство, о деньгах как источнике разврата, подлости, лицемерия. В «Недоросле» он показал, что «деньги суть первое божество» не только во Франции. Полновластные господа над крепостными — сами рабы денег.

Госпожа Простакова груба со всеми, кто зависит от нее, и она лебезит перед Стародумом, узнав, что у него есть десять тысяч. Она помыкает Софьей в начале пьесы и заискивает перед Софьей — богатой невестой. Она с гордостью вспоминает отца, умевшего взятками нажить состояние, и, не стесняясь, поучает сына: «Нашед деньги, ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка».

Идя по пути, намеченному в «Бригадире», Фонвизин с исчерпывающей полнотой воспроизвел в «Недоросле» один тип общественного положения — тип русского помещика, а затем вскрыл обусловленность семейных отношений тем же общественным положением. Ситуацию он взял не совсем обычную. В центре пьесы не отец, а мать семейства. Женщина. Жена. Сестра. Мать. Кощунственно называть госпожу Простакову этими святыми именами,

но жестокий в своей беспощадной правде художник сделал свою неприглядную «героиню» и женой, и сестрой, и матерью. Сделал для того, чтобы показать: родство, рассудок, совесть, честь, честность, стыд, человечность — понятия, недоступные для Скотининых и Простаковых. Отношения между мужем и женой, братом и сестрой, сыном и матерью — все исковеркано там, где деньги являются верховным божеством. Уважаем, почитаем тот, в чьих руках деньги, власть. Нет их — и уважение сменяется презрением, человек обречен на одиночество. Именно так и случилось с госпожой Простаковой.

Единственная черта, смягчающая ее образ, — это любовь к сыну. Любовь животная, физиологическая, но все же материнская любовь. Простакова заботится о сыне гораздо больше, чем заботились о детях ее собственные родители. Ведь у тех из восемнадцати детей умерли от недосмотра шестнадцать: «Иных из бани мертвых вытащили. Трое, похлебав молочка из медного котлика, скончались. Двое о святой неделе с колокольни свалились; а достальные сами не стояли...» А живых — Простакову и ее брата — ничему не учили. «Не будь тот Скотинин, кто чему-нибудь учиться захочет», — таков завет покойного отца.

Как видим, известный «прогресс» в воспитании Митрофана есть. Мать по-своему, нелепо, но заботится о его здоровье: кормит до колик. Как волчица разъяряется она, узнав, что Скотинин обидел Митрофана: «Ну... а ты, бестия, остолбенела, а ты не впилась братцу в харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...» — кричит она на Еремеевну. А через несколько минут Милону едва удается оттащить Простакову от Скотинина. «Дай мне до рожи, до рожи... Дай додраться», — вопит она.

Для сына Простакова копит деньги, обирает Софью, лебезит перед Стародумом. Скупая, жадная, она содержит трех учителей, сама учит Митрофана всему, что считает полезным в жизни, воспитывает по образу и подобию своему [1].

Воспитание приносит свои плоды. Гораздо более хитрый, чем Иванушка, который откровенно презирает обоих родителей, Митрофан приноравливается к обстановке. Подобно матери, он третирует отца, вслед за матерью

---

[1] «Митрофан» по-гречески и означает «подобный матери».

унижает выкормившую и вынянчившую его Еремеевну, а в трудную для самой матери минуту он с презрением и злобой отворачивается и от нее.

Горе Простаковой на этот раз настоящее горе. Оно вызывает сочувствие и Софьи, и Правдина, и Стародума, и зрителей. Но оно — плод воспитания ребенка в волчьих нравах среды, где во имя денег идут на любую подлость. И если в душе, где таилась материнская любовь, хоть на мгновение рождается стыд, то Митрофан, не знающий никаких человеческих привязанностей, не знает и стыда. Он лишь огрызается в ответ на упреки Правдина и, подчиняясь привычному для него праву силы, равнодушно машет рукой в ответ на приказание: «Пошел-ко служить...»

Найти в дворянском поместье людей, наделенных человеческими чувствами, скорее можно среди слуг. Хотя Еремеевна, подобно Шумилову, искалечена рабством, хотя она убежденная раба, ее сердце — сердце человека, женщины. Ее перепалка со Скотининым не только смешна. Она защищает Митрофана как из страха перед Простаковой («Ах, уходит он его! Куда моей голове деваться!»), так в еще большей степени потому, что он для нее «дитя», воспитанное ею. В вопле «Мамушка, заслони меня!» — Еремеевна слышит голос мальчика, которого она нянчила тогда, когда он еще не знал слов «стара хрычовка». Своим худеньким телом она заслоняет великовозрастного труса и своими (пусть смешными) угрозами заставляет отступить здоровенного крепколобого дядюшку. Тем горше, тем обиднее выслушивать ей упреки Простаковой, и слезы ее — искренние горькие слезы обиды.

С несомненным уважением относится писатель к отставному солдату Цыфиркину, чья жизнь прошла не в угождении барам, а в непосредственной службе отечеству, что и воспитало в нем честность, прямоту, чувство собственного достоинства.

В отличие от Дидро Фонвизин не усомнился в силе смеха и превратил его в воистину грозное оружие. Но в «Недоросль» он привнес черты «серьезного жанра», введя образы носителей добродетели: Стародума и Правдина. Усложнил он и традиционные положительные образы влюбленных — Софьи и Милона.

Им доверены мысли, чувства самого драматурга и близких ему людей. Они говорят о том, что дорого автору:

о необходимости прививать человеку с детства сознание долга, любовь к отчизне, непогрешимую честность, правдивость, чувство собственного достоинства, уважение к людям, презрение к низости, лести, бесчестности. Они выдвигают прямо противоположные простаковым всех рангов понятия о чести, знатности и богатстве. «...Гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожаловану». «Степени знатности рассчитаю я по числу дел, которые большой господин сделал для отечества... Богач... тот, который отсчитывает у себя лишнее, чтобы помочь тому, у кого нет нужного», — говорит Стародум. В их речах вскрывается произвол правительства, порождающий в России людей, недостойных быть людьми, дворян, недостойных быть дворянами.

Стародум не скрывает своего оппозиционного отношения к екатерининской монархии. В армии награждаются знатные бездельники, не бывавшие ни в одном бою, а боевые офицеры находятся в пренебрежении. При дворе царят лесть, соперничество, взаимная ненависть. Тот, кто не хочет лгать, лицемерить, льстить в борьбе за теплое место, выходит в отставку, как сделал Стародум. На замечание Правдина — «Итак, вы отошли от двора ни с чем?» — Стародум отвечает: «Как ни с чем? Табакерке цена пятьсот рублев. Пришли к купцу двое. Один, заплатя деньги, принес домой табакерку. Другой пришел домой без табакерки. И ты думаешь, что другой пришел домой ни с чем? Ошибаешься. Он принес назад свои пятьсот рублев целы. Я отошел от двора без деревень, без ленты, без чинов, да мое принес домой неповрежденно, мою душу, мою честь, мои правилы».

Итак, чтобы быть в милости при дворе, надо быть бесчестным. Трудно более резко охарактеризовать положение. И хотя Стародум ни слова не говорит об императрице, ясно, что награды бесчестным могут сыпаться при дворе либо глупого, либо бесчестного монарха. Глупой Екатерину II никто не считал...

Фонвизин не понаслышке знал то, о чем писал. Как секретарь Елагина, он бывал при дворе. Как секретарь Панина, он до 1773 г. жил во дворце и воочию видел лютую борьбу придворных групп и отдельных лиц на узкой дороге к милостям государыни, где «двое, встретясь, разойтиться не могут. Один другого сваливает».

Продолжение разговора Стародума с Правдиным завершает мрачную картину. На слова Правдина, что людей, подобных Стародуму, надо призывать ко двору с той же целью, с какой к больным вызывают врача, Стародум отвечает: «Мой друг! Ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится».

Это написано в дни, когда при дворе готовились торжественно праздновать двадцатилетие со дня вступления на престол Екатерины II. За два десятка лет менялись фавориты. Одни играли бо́льшую роль, другие меньшую. Значит, беда была не в Орловых, как думал Фонвизин в 1772—1773 гг., не в Васильчикове, не в Зориче, даже не в Потемкине, тем более не в их прихлебателях и прислужниках. Двор был болен неизлечимо вследствие системы фаворитизма, произвола верховной власти, отсутствия законности.

Произвол правительства, как результат неограниченной власти императрицы и ее фаворитов, произвол чиновничества, естественный в стране, где нет твердого законодательства, произвол в крепостной усадьбе, где власть одних людей над другими ничем не ограничена и никем не контролируется, произвол в семье — первой ячейке общества, в которой в миниатюре находят отражение общегосударственные порядки, повсюду погоня за властью, неутолимая жажда богатства, мера которого определяет силу власти, — таковы звенья единой цепи, воспитывающей раболепие, низость души, подлость — все, что угодно, кроме человечности.

Что может противопоставить всему этому Фонвизин? Веру в добрые начала души человеческой, способной, по мнению просветителей, отличить дурное от хорошего, надежду на силу совести — верного друга и строгого судьи человека, моральную проповедь: «Имей сердце, имей душу и будешь человек во всякое время» и т. п. Мысли эти принадлежат Стародуму. Они близки и к рассуждениям Фонвизина в письмах из Франции о том, что как ни плохо в отечестве, в нем можно жить счастливо, если спокойна совесть. Оставался открытым вопрос, когда успокаивается совесть: тогда ли, когда человек довольствуется тем, что сам не совершает подлых поступков, или когда он вступает в борьбу с подлецами,

или — что еще значительнее — с условиями, в которых подлецы воспитываются и благоденствуют.

Стародум выходит в отставку. Не желая угнетать рабством «себе подобных», он уезжает в Сибирь, приобретает там небольшое состояние и, вернувшись, проповедует свои взгляды в узком кругу близких ему людей. Фонвизин поступает мужественнее: он пишет «Недоросля». И он понимает значение своего поступка, устами Милона поставив неустрашимость государственного деятеля, который говорит правду государю, рискуя его разгневать, выше бесстрашия солдата, идущего в бой. Смерть в бою почетна. Опала грозит бесчестием, клеветой, обреченностью на бездействие, нравственную смерть.

Фонвизин не побоялся опалы. Но произнеся суровый приговор екатерининской России, что он мог предложить взамен? Каковы те новые, не похожие на европейские, пути и формы жизни, о которых он писал Булгакову? Драматург не поднялся выше идеи замены плохих советников царя — Стародумами, дурных чиновников — Правдиными, карьеристов военных — Милонами, скверных помещиков — хорошими.

Несостоятельность этих идей была понята современником Фонвизина А. Н. Радищевым. Писатель-революционер показал в «Путешествии из Петербурга в Москву», что честность и доброта отдельных чиновников и помещиков ни в малой степени не облегчает судьбы крестьян (главы «Зайцово» и «Городня»).

Широта отрицания и узость положительных идеалов сказались в художественном методе Фонвизина. Отмечая это, мы ни в коем случае не должны повторять ошибок тех, кто считал и считает, что Стародум, Правдин, Милон, Софья — надуманные образы, не имевшие своего подобия в действительности.

В положительных персонажах драматург воплотил черты хорошо знакомых и близких ему духовно людей. В образе Стародума отразились нетерпимое отношение к лжи, подличанью, вспыльчивость отца Фонвизина, резко критическая настроенность по отношению к екатерининскому двору самого писателя и многих-многих других лиц.

«Люди, способные к труду и заслуживающие общественное уважение, по щекотливости своей в честности,

не могут входить в совместничество[1] об отличиях с пресмыкающимися тунеядцами и глупцами».

«Величество мое в душе моей, а не в титлах, не в мнениях других людей. Но служить человечеству, обществу своему есть истинная знатность».

Размышления эти легко вписываются в монологи Стародума, хотя первое — отрывок из письма русского посла в Польше Стакельберга 1772 г., второе — запись в интимном дневнике молодого офицера в 1780 г.

Нетрудно привести множество других примеров, свидетельствующих, что в речах Стародума, Правдина, Милона переданы мысли и чувства значительной группы дворян екатерининской эпохи. Не выдуманы и действия честного чиновника Правдина, которому, как показал позднее Фонвизин, не удалось облегчить участь крестьян, как не удалась попытка радищевского судьи Крестьянкина судить по совести.

Немало прототипов можно подыскать и для образа Софьи. Первый из них — сестра писателя, его самый близкий и верный друг. В 19—20 лет она следила за выходом из печати переводов брата, обменивалась с ним книгами, знала французский язык, была и «по-немецки мастерица», писала стихи, слог ее писем и прозы удивлял знатоков. С ней делился писатель интимными переживаниями, от нее не скрывал придворных интриг и тайн; по ее настоянию искал путей знакомства с Руссо. Возражая брату, который критически отзывался в письмах о французских просветителях, она указала ему на безукоризненную честность Руссо.

Ровесница Софьи Н. П. Сумарокова добровольно поехала в Сибирь за сосланным братом и принимала деятельное участие в издаваемом им в Тобольске журнале. За любимым человеком последовала в изгнание Е. В. Рубановская, вторая жена А. Н. Радищева.

Поразительны по широте интересы Ф. Н. Муравьевой, в будущем матери декабриста М. С. Лунина.

Таким образом, рисуя пытливость, живость ума, пылкость, нежность и лукавство Софьи, Фонвизин не идеализировал свою героиню. Напротив, он скорее обеднил ее интересы, заставив читать только Фенелона в то

---

[1] соперничество.

время, как ее сверстницы зачитывались «Новой Элоизой» Руссо и «Страданиями молодого Вертера» Гёте, а некоторые интересовались и философией, и математикой, и физикой.

Современники слышали в речах положительных персонажей «Недоросля» отзвуки своих убеждений. Монологи Стародума воспринимались ими как самые значительные места комедии и неоднократно прерывались аплодисментами. Но в отличие от Простаковой и Митрофана положительные персонажи быстро старели, скоро стали казаться более бледными, чем их недобрые противники. Они не выдержали испытания временем, явились доказательством, что не наличием прототипов, не отдельными верно схваченными чертами определяется типичность образов.

«Характеры той и другой среды обрисованы с обычной для Вас четкостью индивидуализации; каждое лицо — тип, но вместе с тем и вполне определенная личность, *«этот»*, как сказал бы старик Гегель; так оно и должно быть», — писал Ф. Энгельс немецкой писательнице Минне Каутской [1].

Отрицательные персонажи «Недоросля» являются первыми в русской драматургии образами-типами, сочетающими типическое и индивидуальное. В положительных — индивидуальные особенности почти неразличимы, ибо они оттеснены тенденциозностью автора.

Превращая часть персонажей в рупоры своих идей, Фонвизин не отдавал дани классицизму: ни в мольеровской, ни в сумароковской комедии резонеров [2] типа Стародума не было. Их привел на русскую сцену Фонвизин, опираясь на опыт «серьезного жанра» Дидро. И по характеру, и по идейной значимости Стародум ближе к идеальному «отцу семейства», чем к персонажам драматургии классицизма. Сами длинные стародумовские монологи находят обоснование в драматургической теории Дидро.

Надолго утвердил Фонвизин в драматургии принесенную из елагинского кружка манеру называть персо-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1. М., «Искусство», 1957, стр. 8—9.

[2] *Резонер* — литературный персонаж, выражающий отношение автора к событиям путем длинных рассуждений нравоучительного характера.

нажей значимыми именами (Стародум, Правдин), что опять-таки часто ошибочно относят к традициям классицизма.

Что же действительно сохраняется в «Недоросле» от классицизма? Единство места, времени, действия. Статичность образов. За сутки, конечно, люди не меняются, но совершенно очевидно, что Митрофан и Простакова останутся такими, каковы они есть, до конца дней своих. Представление об эволюции характера, показ развития человеческой личности — достижение литературы XIX столетия. Нельзя забывать, однако, что «Недоросль» — сатирическая комедия, а у сатиры свои законы. Хлестаков и Антон Антонович Сквозник-Дмухановский так же во всех случаях останутся сами собою, как и Ноздрев и Собакевич Гоголя, как и градоначальники у Салтыкова-Щедрина. Кроме того, надо помнить завет В. И. Ленина: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками» [1].

А Фонвизин в «Недоросле» дал очень много нового. Он положил начало русской реалистической драматургии, вскрыв зависимость характера человека от окружающей среды и обстоятельств. Он показал типические явления русской жизни и создал типические образы. Он не только понял органическую связь между самодержавием, крепостничеством и нравственным обликом человека, но и увидел разъедающее душу влияние власти денег.

«Недоросль» вызвал к жизни большое количество подражательных произведений. В комедиях разных авторов конца XVIII — начала XIX в. — «Сговор Кутейкина», «Сватовство Митрофанушки», «Митрофанушка в отставке», «Митрофанушкины именины» — зрители встречались с знакомыми персонажами в новой ситуации. Чуть видоизмененные сцены из «Недоросля» переходили в пьесы других писателей.

Широта обобщения, типичность образов комедии сделала имена их нарицательными. Простаковых и Кутейкина вспомнил Радищев. Простаковы, Кутейкин, «Скотининых чета седая» появляются в «Евгении Онегине»,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2, изд. 5, стр. 178.

стихах и статьях Пушкина. Митрофанов XIX века осмеял и М. Ю. Лермонтов, и М. Е. Салтыков-Щедрин. До сих пор круглого невежду называют митрофанушкой, недорослем, хотя слово «недоросль» раньше означало лишь несовершеннолетнего человека, юношу, не начавшего служить.

И самое главное: Фонвизин становится в начале нового этапа развития русской литературы. История умерщвления души, представленная в «Недоросле», продолжится грандиозной эпопеей Н. В. Гоголя «Мертвые души». По словам Горького, «по пути, проложенному Фонвизиным, пойдут... Крылов, Грибоедов, Гоголь, Пушкин, Щедрин, Лермонтов, Писемский, Слепцов, Г. Успенский — до Чехова».

Первая русская реалистическая комедия стала и нашей первой народной комедией. Так называли ее декабристы. Для Пушкина Фонвизин «из перерусских русский» не столько по своей биографии, сколько по складу ума и дарования, по великолепному знанию народного языка и поразительно смелому обращению с ним — всему, что позволило ему создать «единственную народную сатиру».

«Все в этой комедии кажется чудовищною карикатурою на русское, а между тем нет ничего в ней карикатурного: все взято живьем с природы и проверено знанием души», — утверждал ту же мысль Гоголь. Гоголь же назвал «Недоросля» и грибоедовское «Горе от ума» «истинно общественными комедиями».

Белинский в разное время по-разному относился к «Недорослю», но он назвал комедию народной в пору, когда сложились его революционно-демократические убеждения, когда понятие «народность» означало для него реалистическое воспроизведение русской действительности в свете передовых идей, соответствующих интересам и чаяниям широких народных масс.

Закончив «Недоросль» в конце 1781 г., Фонвизин прибегнул к уже испытанному им приему: начал читать комедию в частных домах. Успех был огромный. Весной 1782 г. пьесу должны были поставить на сцене. Ожидания не оправдались. В мае один из современников с сожалением писал, что из-за незнания ролей актерами комедия представлена не будет. Он называл это «действительным лишением для публики, которая уже давно

отдает должную справедливость превосходному таланту г. Фонвизина; несколько просвещенных особ, прослушавшие чтение этой комедии, уверяют, что это лучшая из русских пиес в комическом роде...»

Другой современник объяснял затруднения с постановкой происками какого-то важного лица:

Лишь «Недоросля» нам Фонвизин написал,
Надменин автора исподтишка кусал,
Тут стрелы злобные повсюду полетели,
Комедию играть актеры не хотели.

В примечании к этим строкам автор стихотворения прямо говорит, что «Недоросль» вытерпел большое гонение».

Фонвизина было нелегко сломить. Вместе с Дмитревским, который принимал деятельное участие в хлопотах о постановке, он выехал на несколько дней в Москву. Ведя здесь переговоры с театром, Фонвизин и Дмитревский знакомили с комедией московскую публику. Сохранился любопытный рассказ о чтении в доме московского почт-директора Б. В. Пестеля:

«Большое общество съехалось к обеду; любопытство гостей было так велико, что хозяин упросил автора, который сам был прекрасный актер, прочитать хоть одну сцену безотлагательно; он исполнил общее желание, но когда остановился после объяснения Простаковой с портным Тришкой об укороченном кафтане Митрофана, присутствовавшие так были заинтересованы, что просили продолжить чтение; несколько раз приносили и уносили кушанье со стола, и не прежде сели за стол, как комедия была прочитана до конца, а после обеда Дмитревский, по общему требованию, должен был опять читать ее сначала».

Итак, «Недоросль» имел успех в Москве не меньше, чем в Петербурге. Театр был рад поставить пьесу, сулившую верные сборы. Этому воспротивился московский цензор. Оставив рукопись комедии брату, Фонвизин вернулся в Петербург. Какой шаг предпринял он, чтобы спасти любимое детище, неизвестно. Может быть, обратился к самому всесильному «Надменину» — Потемкину, который, по преданию, воскликнул, прочтя комедию: «Умри, Денис! Лучше не напишешь» [1].

[1] Так предполагает П. Н. Берков в статье «Театр Фонвизина и русская культура». — В сб.: «Русские классики и театр». Л.—М., «Искусство», 1947, стр. 86.

24 сентября 1782 г. «Недоросль» был исполнен придворными актерами на сцене Вольного российского театра. Писатель принял деятельное участие в организации постановки: сам выбирал актеров, сам «начитал» роли каждому из них. В роли Стародума, как и следовало ожидать, выступил Дмитревский, выдающийся актер, друг, который следил за процессом создания комедии, помогал Фонвизину советами, добивался постановки «Недоросля». Роль Правдина писатель передал молодому талантливому актеру П. А. Плавильщикову. Шумский, чья игра рассмешила и привела в восторг Фонвизина еще в юности, так превосходно сыграл Еремеевну, что многие принимали его за настоящую старуху.

В день постановки театр был переполнен. На протяжении всего представления зрители отзывались «беспрерывным почти смехом и рукоплесканиями» и, как было тогда принято, в знак поощрения бросали на сцену кошельки. По словам одного из очевидцев, рассуждения Стародума обращали на себя особое внимание публики, «которая в то время любила такие разглагольствования на сцене, если они были наполнены колкими замечаниями на светские обычаи и слабости того времени».

«Успех был полный», — с удовлетворением писал через несколько дней Фонвизин содержателю московского театра Медоксу. Писатель сообщал, что он «положил конец интриге», и пьеса поставлена без всяких изменений даже в тех местах, которые так напугали московского цензора. Давая Медоксу право на постановку, Фонвизин, однако, требовал не выпускать комедии из рук и сохранять «аноним» автора, ибо до поры до времени он якобы не хочет «давать ей (комедии. — *Л. К.*) публичности».

В Москве «Недоросль» был поставлен 14 мая 1783 г. и в том же году напечатан, опять-таки анонимно. Ставилась комедия в театре Московского университета, на провинциальной сцене, ее охотно исполняли любители. В начале 1784 г. Фонвизин, будучи в Москве, играл роль Скотинина в доме Апраксиных.

Отношение к пьесе было самое различное. Одни говорили, что «Недоросль» оказал благотворное влияние на воспитание молодежи, так как «многие, почувствовав себя в роли Простаковых, тогда же отпустили из домов своих Вральманов». Другие обижались, узнавая себя

в персонажах комедии. Один современник, например, рассказывал, как была встречена его попытка публично прочитать «Недоросль»: «Вместо сочувствия я увидел сердитые физиономии. Явно было, что Простакова им не чужая, что в их домах имелись бестии, которым не дозволялось бредить... Сильно сконфуженный, закрыл я книгу при неодобрительном и почти угрожающем молчании».

Известный поэт И. Ф. Богданович выразил отношение тех, кто увидел в бытовых сценах снижение сценического искусства:

Почтенный Стародум,
Услышав страшный шум,
Где баба непригоже
С ногтями лезет к роже,
Ушел скорей домой.
Писатель дорогой!
Прости, я сделал то же.

«Здесь был игран «Недоросль» и принят был как должно недорослю. Может быть, оттого, что здесь народ простой и всякую вещь принимает по ее имени, не в состоянии будучи догадаться, что она хороша», — иронизировал не любивший Фонвизина сатирик Д. П. Горчаков. Тот же Горчаков неодобрительно писал, что Фонвизин «имеет привычку шутить в своих комедиях насчет священного писания».

В 1790-х годах П. А. Плавильщиков назвал «Недоросль» образцом национальной комедии и возмущался барами, испорченными модным французским воспитанием и поэтому презрительно относящимися к замечательной пьесе.

И позднее успеху «Недоросля» у подавляющего большинства противостояло ворчание «утонченных» зрителей. Уже в начале XIX века один из журналов писал, что картины, изображенные в комедии, ничего не дают людям «лучшего тона» и «больше всего нравятся мещанству и народу».

В угоду особам «лучшего тона» режиссеры сокращали речи положительных персонажей «Недоросля» и калечили язык Простаковой. К счастью, таких особ было немного.

Добившись постановки «Недоросля» и выйдя в отставку, Фонвизин не отказался от борьбы. Несколько

позднее в журнале «Друг честных людей, или Стародум» он писал, что человек с дарованием может быть «стражем всеобщего блага», может «в своей комнате, с пером в руках быть полезным советодателем государю, а иногда спасителем сограждан своих и отечества». Как «страж общего блага» писатель выступил в «Недоросле». Таким хотел он быть и в последующие после отставки годы.

«СТРАЖ ОБЩЕГО БЛАГА»

В 1782 г. Фонвизина позвал на помощь тяжелобольной Н. Панин. Он решил составить для наследника престола проект важнейших законов, который должен был стать основой будущих реформ. Проекту предпослано вступление — «Рассуждение о непременных государственных законах».

«Рассуждение», написанное Фонвизиным, — один из самых выдающихся памятников русской общественной мысли XVIII столетия.

Писать «Рассуждение» было не просто. Оно предназначалось Павлу. Следовательно, доказывать порочность деспотизма надо было так, чтобы не задеть самолюбия будущего императора неуважением к самодержавной власти.

Фонвизин употребляет выражения, которые не должны возбудить подозрения мнительного наследника престола. Но весь смысл «Рассуждения» в том, чтобы доказать пагубность неограниченной монархии. И когда писатель пишет об этом, пером его водит ярость.

В стране, где «произвол одного есть закон верховный», где власть его не ограничена твердыми, не изменяющимися законами, — в такой стране «есть государство... но нет граждан». Напрасно государь пишет

частные указы: они лишь запутывают старые. Напрасно он славит премудрость своего царствования: «народ все будет угнетен, дворянство унижено, и, несмотря на собственное его отвращение к тиранству, правление его будет правление тиранское».

Не желая ограничить свою власть, государь на самом деле, незаметно для себя, подпадает под влияние тех, кто умеет приноровиться к его нраву, лгать и льстить. Так появляются фавориты. От их прихотей зависят судьбы отдельных людей и положение народа в целом.

Примерно то же писал раньше Фонвизин о Франции. Теперь он приводит, не называя имен, русские примеры, в которых нетрудно узнать Орловых, Потемкина и других.

За фаворитами тянется бесчисленное количество их прихлебателей. Каждый стремится выслужиться перед более сильным. Те же, кто хочет служить делу, бывают унижены, оскорблены. Многие, не выдерживая этой обстановки, выходят в отставку. Мыслящий человек не может служить, когда любое место, чин, знак почести изгажены «скаредным прикосновением пристрастного покровительства».

Эти слова служат объяснением отставки самого Фонвизина и еще раз показывают, насколько выношены и продуманы высказывания Стародума.

Деспотизм держится только силой. А право сильного ненавистно писателю. Он осудил его в «Бригадире», пригвоздил к позорному столбу в «Недоросле». Он разочаровался во Франции, увидев, что и в ней все держится на том же праве силы. Теперь он говорит, что само сочетание этих слов несовместимо. Там, где есть право, не нужна сила. Там, где властвует сила, нет права. «Силе надобны тюрьмы, железы (оковы. — *Л. К.*), топоры». Право сильного — право деспота и разбойника. Люди вправе защищать себя от того и другого.

В то самое время, когда Фонвизин писал свои гневные строки, А. Н. Радищев закончил оду «Вольность». В ней прославлена народная революция. Фонвизин же мечется между страхом перед революцией и ненавистью к деспотизму. Признавая правомерность восстания нации против деспотизма, Фонвизин страшится его. А предупредить восстание можно, лишь уничтожив деспотизм «сверху». Для этого нужна просвещенная, ограниченная

законами монархия, добрый справедливый монарх, — возвращается писатель к излюбленной мысли.

«Я считаю на Руси три трагедии: «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизор», на «Банкроте» я поставил бы нумер четвертый», — писал в 1850 г. писатель В. Ф. Одоевский, познакомившись с комедией А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся» (первоначально она называлась «Банкрот»).

Определение это кажется неожиданным. Но оно глубоко верно: горький смех великих писателей — Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Островского — вскрывал трагизм русской жизни.

Трагизм «Недоросля» может быть понят до конца при учете «Рассуждения о непременных государственных законах». Здесь, не связанный цензурой, Фонвизин договаривал то, чего не мог сказать Стародум. Здесь с глубокой скорбью он говорил о противоречиях русской действительности, о страшной для внешних врагов и шаткой по своему внутреннему положению стране. Он резко отрицательно отзывался о восстании Пугачева, но с душевной болью указывал на бесправие народа и всесилие помещиков, характеризуя Россию как «государство, где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьею над человеком другого состояния, где каждый, следственно, может быть завсегда тиран или жертва».

И наконец, говорит писатель, Россия зашла в тупик настолько, что вообще нельзя определить форму ее государственного правления. Нация не отдавала себя добровольно в «самовольное управление» государю — значит она не признала деспотического правления. Но Россия и не монархия, потому что в ней нет твердых законов. Тем более она не конституционное государство. «На демократию же и походить не может земля, где народ, пресмыкаяся во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства».

В концовке выражена явная симпатия к системе, при которой народ не находится в рабстве, не безгласен, не пресмыкается во мраке невежества. Сочувственное отношение к демократии невозможно для Паниных. В нем выразились чувства самого Фонвизина.

Переходя к практическому решению поставленных вопросов, «Рассуждение» указывает на необходимость реформ и подводит к мысли о конституции и отмене крепостного права, не называя их прямо. Далее, однако, следует оговорка, что нации нельзя дать сразу, «вдруг», преимущества, «коими наслаждаются благоучрежденные европейские народы». Надо вначале научить людей жить иначе, чем они жили при «злоупотреблении самовластия». На это указы не годятся. Государь — честный человек, «добрый муж, добрый отец, добрый хозяин» — своим личным примером может улучшить нравы народа.

Нарисованный в «Рассуждении» облик государя непохож ни на Екатерину II, ни на французского короля и его братьев. Едва ли автор верил, что и Павел будет идеальным государем. Но он сделал все возможное, чтобы показать пагубные последствия деспотизма, быть «полезным советодателем государю, спасителем сограждан своих и отечества». Сила гнева заставляла говорить его резче, громче, чем полагалось для наставления наследника престола. «Рассуждение» звучало как набат, сзывающий народ во время бедствия. Но тот, для кого оно было написано, не захотел прислушаться сам и постарался, чтобы не услышали другие.

«Рассуждение», проект реформ и сопровождающее их письмо Н. Панина были переданы Павлу I, как и было задумано, после его вступления на престол. Павел спрятал бумаги в секретный ящик. Там их в 1831 г. нашел Николай I и передал в Государственный архив с надписью, запрещающей вскрывать запечатанный конверт.

Итак, прямым адресатам «Рассуждение» не понадобилось. Зато оно пригодилось их противникам.

Племянник писателя, декабрист М. А. Фонвизин передал копию «Рассуждения» члену Северного тайного общества Н. М. Муравьеву. Муравьев кое-что сократил, произвел небольшую стилистическую правку. И хотя ничего нового добавлено не было, страстное обличение деспотизма, свободолюбие, высокий гражданский пафос сделали произведение сорокалетней давности обвинительным актом против самодержцев XIX века. Члены тайных обществ распространяли его так же, как распространяли они «Горе от ума», вольнолюбивые стихи Пушкина, стихи Рылеева. Многие считали, что оно на-

писано современником. Иным оно казалось даже чрезмерно смелым.

После 14 декабря при обысках сочинение отбиралось вместе с другими подозрительными бумагами, и владельцы держали ответ. Уже в 1831 г. в казанской полиции разбиралось дело офицера, который хранил копию муравьевского варианта «Рассуждения». Прокурор назвал произведение Фонвизина одним «из самых возмутительных сочинений своего века, когда во Франции пылали революционные факелы и французские вольнодумцы силились возжечь из оных искру и в нашем любезном отечестве». Далее с ужасом пересказывается, что Фонвизин «монархическое правление именует тираниею, ставит на вид слабости и злоупотребления любимцев государей, злоупотребление власти самих владык земных и черными красками оттеняет собственное свое отечество в безумном упоении мнимой свободы и заключает необходимостию в государстве установить непременные конституционные законы».

Так высказанная с болью и гневом правда о деспотизме Екатерины II казалась страшной приспешникам Николая I.

По окончании «Рассуждения» Фонвизин отдал дань своим давним филологическим интересам. Блестящий знаток русского языка, писатель умело использовал в своем творчестве все богатство его оттенков. Сложные синтаксические конструкции с церковнославянской лексикой и политической терминологией часто встречаются в «Рассуждении», похвальных словах, некоторых переводах. Литературную речь современников драматурга мы узнаем в разговорах Стародума, Правдина. В сатирические стихи, перепалки комедийных персонажей широчайшим потоком вливается просторечие в самых различных вариантах его. При помощи мастерски разработанных речевых характеристик достигается художественная выразительность персонажей «Бригадира», «Недоросля». Многогранен и бесконечно выразителен язык писем и прозы Фонвизина. Многое шло от семьи, от гимназии, от уроков Барсова, от таланта и наблюдательности. Рассказывают со слов самого драматурга, что, когда он собирался написать сцену перепалки между Еремеевной и Скотининым, он пошел погулять. «У Мясницких ворот набрел он на драку двух баб, остановился и начал

сторожить природу. Возвратясь домой с добычею наблюдений, он написал сцену и включил в реплику Еремеевны слово «зацепы», подслушанное им на поле битвы» («У меня и свои зацепы востры!» — грозит Еремеевна Скотинину).

Так бывало, конечно, не один раз. «Сторожа природу», бесконечно совершенствуя знание языка как писатель, Фонвизин интересовался им и как ученый, что позволило ему выступить в Париже с докладом «О свойствах нашего языка». В 70-е годы он работал над подготовкой к изданию какого-то словаря (по-видимому, замысел осуществить не удалось); из Франции привез словарь Французской академии, считая, что этот «лексикон» может быть образцом при составлении словаря русского языка.

Эти интересы привели писателя к созданию «Опыта Российского сословника», т. е. опыта словаря синонимов (Фонвизин называл синоним «сослово»), который начал печататься в журнале «Собеседник любителей российского слова» с мая 1783 г.

В октябре того же года указом правительства образована Российская академия. В отличие от Академии наук она занималась исключительно вопросами языка и литературы. Президентом обеих академий была княгиня Е. Р. Дашкова, членами Российской академии — некоторые вельможи, духовные лица, ученые, видные писатели: Фонвизин, Державин, Херасков, Княжнин, Н. А. Львов и др.

Первоочередной задачей было признано создание словаря. Планом подготовки его занялись четыре члена академии: Фонвизин, известный путешественник и ботаник И. И. Лепехин, профессор астрономии и переводчик С. Я. Румовский, баснописец и чиновник Н. В. Леонтьев. Фонвизин играл в этой группе ведущую роль. Через две недели подготовленный им план словаря и предложения по организации работы были одобрены. Затем они вызвали возражения, которые показались убедительными и членам академии, и Екатерине II. Фонвизин, находившийся в это время в Москве, прислал негодующее письмо и добился восстановления намеченных им принципов. Работу разделили между пятнадцатью членами академии. Фонвизин подбирал слова, начинаю-

щиеся с букв «к» и «л», охотно выполняя другие поручения.

В отличие от строго научного академического словаря в «Опыте российского сословника» подбор синонимов сочетается с сатирой. Из 110 слов, входящих в «Опыт», лишь немногие обозначают нейтральные понятия («милый», «любезный», «письмо», «грамота» и т. п.). Большинство же позволяет писателю вернуться к вопросам, постоянно волнующим его. Истолкование слов «правота», «правосудие», «честность» дополняет «Рассуждение о непременных государственных законах» и «Недоросль». Об этих же произведениях напоминают толкования слов «сан», «скот» и др.: «Кто в большом *сане* не имеет большой души, тот не возбудит никогда к себе внутреннего почтения»; «Люди и *скоты*, составляющие род *животных*, имеют между собою ту разницу, что *скот* никогда человеком сделаться не может, но человек иногда добровольно становится *скотом*».

Сатирическая острота усиливается краткостью выражения мысли: «*Сумасброд* весьма опасен, когда в силе»; «*Глупцы* смешны в знати».

На разные лады осмеивая тех, кто «в силе», «в знати», Фонвизин выступает против пренебрежения к людям «низкого состояния». В официальных документах крестьяне именовались «подлыми» людьми, дворяне — «благородными». Писатель толкует эти слова иначе: «Весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек»; «Нет состояния *подлого*, кроме бездельников»; «Презрение знатного *подлеца* к добрым людям *низкого* состояния есть зрелище, унижающее человечество».

Следующее журнальное выступление Фонвизина было уже прямым столкновением с самой императрицей.

Екатерина II на протяжении всего царствования пыталась непосредственно руководить литературой и общественной мыслью России. В 1767 г. она писала «Наказ» Комиссии по составлению Нового уложения; в 1769 г. указывала пределы «дозволенной» сатиры в журнале «Всякая всячина»; в начале 1770-х годов, потерпев поражение в борьбе с Новиковым и ознакомившись с «Бригадиром», начала писать комедии, целью которых, по ее собственному признанию, были не сатира, а «забава» и «увеселение».

В 1783 г., когда «Недоросль» Фонвизина и поэзия Державина ясно показали начало нового этапа русской литературы, Екатерина II стала деятельным сотрудником «Собеседника любителей российского слова». Половину журнала она заняла своими «Записками касательно российской истории», которые старательно доказывали, что благоденствие России зависело, зависит и будет зависеть от мудрости монархов. Одновременно коронованная писательница печатала в «Собеседнике» «Были и небылицы». Претендующая на остроумие, часто совершенно бессюжетная болтовня имела ту же цель, что и «Всякая всячина», и комедии: доказать бесполезность обличения и любых других попыток воздействовать на «исправление нравов». «Не моему перышку переделать, переменить, ...исправить, что в свете водится... Перемытаривать (т. е. перетормошить. — *Л. К.*) оный мне казалось дело возможное, пока я не слег горячкою...»

Фонвизин, будто бы не замечая направленности «Былей и небылиц», обратился в «Собеседник» как журнал, издатели которого «не боятся отверзать двери истине». Он направил несколько вопросов, могущих, по его словам, «возбудить в умных и честных людях особливое внимание». Бросая вызов издателям, он пишет, что, если вопросы будут напечатаны, он пришлет новые. Публика поймет, что можно и «вопрошать прямодушно», и отвечать чистосердечно. «Ответы и решения наполнять будут «Собеседника» и составлять неиссыхаемый источник размышлений, извлекающих со дна истину, толь возлюбленную монархине нашей».

Насколько истина была любима монархиней, показала судьба вопросов.

Вначале Екатерина вообще не хотела их печатать. Но она не знала имени автора и приписала вопросы И. И. Шувалову, которого считала своим личным недругом, но было неудобно не напечатать присланное человеком, который имел уйму знакомств за границей; да и пасовать перед представителем «прежних времен» Екатерина не хотела. Чтобы обезвредить сатиру, вопросы были опубликованы вместе с ответами «Сочинителя «Былей и небылиц».

Надо сказать, что императрица имела основания рассердиться. Вопросы намекали на беззаконие в стране, напоминали о пышном начале и никчемных результатах

Комиссии по составлению Нового уложения, требовали гласности суда, говорили о полном упадке культуры и нравственности дворянства, о его паразитизме, возлагали ответственность за все на правительство.

«Отчего многих добрых людей видим в отставке?» — спрашивал Фонвизин. Отчего большинство дворян старается сделать своих детей не людьми, а «гвардии унтер-офицерами»? Отчего знаки почестей, которые должны быть свидетельством заслуг отечеству, не вызывают «по большей части к носящим их ни малейшего душевного почтения»? «Отчего у нас не стыдно не делать ничего?» Вопросы подобного рода — вариации на тему, затронутую в «Недоросле» и «Рассуждении», где прямо говорилось, что чины, звания, награды падают на долю тех, кто предпочитает не «заслуживать, а выслуживать» самыми недостойными путями.

Чтобы не оставалось сомнений, кем подается пример, Фонвизин пишет: «Имея монархиню честного человека, что бы мешало взять всеобщим правилом: удостоиваться ее милостей одними честными делами, а не отваживаться проискивать их обманом и коварством?»

В таком контексте наименование монархини честным человеком звучало иронически. Неясно, почему, будучи честной, она милостива к обманщикам: потому ли, что не умеет различать людей; или она чересчур доверчива и падка на лесть; или потому, что, как говорилось в «Опыте Российского сословника», «кто не любит истины, тот часто *обманут* бывает».

Следующий вопрос явно продолжал предыдущий: «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?»

Этот намек был слишком ясен. «Шпынь» — т. е. остряк, шут — широко известное прозвище Л. А. Нарышкина, одного из наиболее близких к императрице придворных.

Оба вопроса помещены под одним номером (14), что подчеркивало их внутреннее единство.

Сочинительница «Былей и небылиц» большей частью отвечала невпопад, иногда пыталась острить и не скрывала своего раздражения, почти каждым ответом подчеркивая, что вопросы касаются того, о чем толковать не надлежит. «Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?» — спрашивал

Фонвизин. «Оттого, что сие не есть дело всякого», — следовал ответ, напоминающий автору, что он живет в самодержавной стране, где лишь государь имеет право издавать законы.

К ответу на вопрос о шутах, шпынях и балагурах сделано примечание, прямо указывающее на необходимость придержать язык: «Сей вопрос родился от *свободоязычия*, которого предки наши не имели».

Последний внешне совершенно невинный вопрос: «В чем состоит наш национальный характер?» — был недвусмысленно обращен к автору «Записок касательно российской истории». «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных», — следовал ответ в духе «Записок», утверждавших, что образцовое послушание является основной чертой русского национального характера. Одновременно это был и заключительный окрик по отношению к «непонятливому» и дерзкому корреспонденту.

Итак, ответы доказали, что «вопрошать прямодушно» нельзя и сочинитель «Былей и небылиц» не склонен извлекать «со дна истину». Автор «Недоросля» и «Рассуждения о непременных государственных законах» и не рассчитывал на иной результат. Тщательно укрыв свое авторство, он заставил напечатать свои лукавые вопросы, а ответами наглядно показать причины неисцелимой болезни двора.

Фонвизин собирался сотрудничать в «Собеседнике». Через месяц, в четвертой книжке журнала, появились три его произведения, опять-таки без подписи: продолжение «Опыта российского сословника», начало «Повествования мнимого глухого и немого», «Челобитная российской Минерве от российских писателей».

Интересный и своеобразный замысел «Повествования мнимого глухого и немого» раскрывался в сопроводительном письме к издателям «Собеседника», написанном от имени героя произведения — рассказчика: внешний облик человека и его внутренняя жизнь различны. Воспитание, время, образ жизни, принятые нормы поведения делают людей настолько похожими, что они кажутся вылитыми «из одной формы». Под этой однообразной внешностью прячется сложная духовная сущность человека. Повествователь и хочет «видеть обна-

женные сердца и нравы и проницать в самые сокровенные тайны людские». Таким образом, слова современника: «У нас теперь один Фонвизин... срывает маски с шалунов» — обретали новое, более глубокое содержание.

Чтобы облегчить своему герою задачу «познавать сердца человеческие», Фонвизин создал несколько искусственную ситуацию. Герой притворяется глухонемым. В мире всеобщей лжи и обмана он перестает быть опасным свидетелем. Не боясь разоблачения, люди говорят при нем правду.

Уже на первых страницах «Повествования» возникают характерные персонажи: Касьян Оплеушин, получивший штаб-офицерский чин за исправную топку печей во дворце, его друг Пимен Щелчков, именовавшийся после смерти приятеля «Щелчков-Оплеушин». «Мужик пресильный и человек преглупый, превеликого росту и пренизкого духу», он то предается любимому занятию — щелкает людей по лбу, то обижает не только соседских крестьян, но и самих соседей, так как чиновники вершат дела «по пьяной воле его высокоблагородия». Едва лишь титулярный советник Варух Язвин стал воеводой в Кинешме, как город пришел в запустение. Грабитель и ханжа, он на украденных лошадях едет богу молиться. Среди многочисленных остро сатирических портретов появляются и иные: свет не без добрых и умных людей.

Судя по тому, что герой собирался рассказать об увиденном им в течение двух десятилетий, о своих многочисленных встречах во время путешествий по стране, «Повествование» должно было превратиться в широкое полотно русской жизни.

В том же номере «Собеседника» напечатана «Челобитная российской Минерве от российских писателей». В ней «российских муз служитель Иван Нельстецов» непосредственно обратился к императрице с просьбой защитить писателей от притеснений «знаменитых невежд», которые постановили: «1. Всех упражняющихся в словесных науках к делам не употреблять. 2. Всех таковых, при делах уже находящихся, от дел отрешать».

Поводом для «Челобитной» послужили гонения на поэта Г. Р. Державина со стороны одного из самых могущественных вельмож князя А. А. Вяземского. Вскоре после опубликования «Челобитной» предсказание

Фонвизина сбылось: автор оды «Фелица» был «отрешен от дел» и уволен в отставку.

Как ни важен для характеристики Фонвизина факт заступничества за честного человека сам по себе, как ни смелы его открытые нападки на всесильного вельможу, не менее значительна внутренняя связь между «Челобитной» и вопросами. Под покровом комплиментов монархине «Челобитная» иллюстрировала вопросы Фонвизина. Она объясняла, почему «добрые люди» оказываются в отставке, почему знаки почестей не вызывают в честных людях уважения к их носителям. В вопросах говорилось, что милостей «честной» монархини добиваются бесчестные люди, в «Челобитной» добавлялось: указы «мудрой» государыни производят невежд и дураков в умных людей.

«Челобитная» напоминала о многих изречениях «Опыта сословника»: «Сумасброд весьма опасен, когда в силе», «...большой барин может быть весьма подлый человек» и т. п.

Итак, получив отповедь сочинителя «Былей и небылиц», Фонвизин не раскаялся. Напротив, Иван Нельстецов привел конкретный пример, доказывающий справедливость сомнений «неизвестного» автора.

Как и вопросы неизвестного автора, «Челобитная», подписанная Иваном Нельстецовым, была прежде напечатания передана на просмотр сочинителю «Былей и небылиц» — «российской Минерве», императрице. Екатерина сразу почувствовала внутреннюю связь этих произведений и, возвращая рукопись Дашковой, уверенно назвала «Челобитную» «бедным произведением, конечно вышедшим из-под пера автора вопросов».

Увидев, что автор вопросов не испугался ее ответов, Екатерина обрушила на своего противника фонтан плоских насмешек, язвительных упреков и прямых угроз. Четвертый номер «Собеседника», в котором напечатана «Челобитная», буквально переполнен выпадами Екатерины против неизвестного автора. То сочинитель «Былей и небылиц» устами вымышленного «дедушки» угрожающе ворчит: «Молокососы!.. В наши времена никто не любил вопросов, ибо с оными и мысленно соединены были неприятные обстоятельства; ...тогда каждый поджав хвост от оных бегал. Смотрите сами, как должно из того выпутаться...» То сочинитель «Бы-

лей и небылиц» уже от своего имени пишет, что «свободоязычие отпряглось из одноколки, на которой оно скакало на двадцативопросной станции». То снова заставляет «дедушку» попрекать противника «скрытой завистью» или ворчать по поводу вопроса о шутах и балагурах: «Отчего?.. Отчего?.. Ясно оттого, что в прежние времена врать не смели, а паче письменно без... опасения».

Далее «неизвестному автору» отмалчиваться стало невозможно. В следующей (пятой) книжке «Собеседника» напечатано письмо «К г. сочинителю «Былей и небылиц» от сочинителя вопросов».

Письмо сдержанно и чуть грустно. Писатель оправдывается с большим достоинством и винит себя только в том, что некоторые вопросы «не умел написать внятно». Он подчеркивает, что всегда признавал «неисчетные блага», которые в течение двадцати лет «изливаются на благородное общество». Это верно, ибо Фонвизин никогда и не отрицал очевидного факта бесконечных привилегий, дарованных Екатериной дворянству. Он ни на иоту не отказывается от резкой критики дворянства. И он, несомненно, искренен, заключая свое рассуждение о дворянах-тунеядцах, о низости «дворян раболепствующих» горьким восклицанием: «Я дворянин, и вот что растерзало мое сердце».

«О, если б я имел талант ваш, г. сочинитель «Былей и небылиц»! С радостию начертал бы я портрет судьи, который, считая все свои бездельства погребенными в архиве своего места, берет в руки печатную тетрадь и вдруг видит в ней свои скрытые плутни, объявленные во всенародное известие. Если б я имел перо ваше, с какою бы живостию изобразил я, как, пораженный сим нечаянным ударом, бессовестный судья бледнеет, как трясутся его руки, как при чтении каждой строки язык его немеет и по всем чертам его лица разливается стыд, проникнувший в мрачную его душу, может быть, в первый раз от рождения! Вот, г. сочинитель «Былей и небылиц», вот портрет, достойный забавной, но сильной кисти вашей!»

Надо было обладать смелостью Фонвизина, чтобы ввести в «оправдательное» письмо такое обращение к коронованному автору, только что напомнившему о неуместности «свободоязычия». Восторженные похвалы

таланту лишь подчеркнули, насколько мелки «Были и небылицы». А сочетать сатиру с психологизмом, открыть муки пробуждающейся совести во взяточнике, превратить комедию в драму — задача нелегкая для любого писателя XVIII века.

Довольная самим фактом «покаяния», императрица разрешила опубликовать письмо, сняв подпись: «Лебедь, поющий последнюю песнь». Однако она приказала напечатать перед письмом свои собственные произведения — характеристику некоего лица и «Задачу». В первом из них высмеивается персонаж, составленный из черт рассказчика «Повествования мнимого глухого и немого», Стародума и самого Фонвизина. Об этом человеке говорится, что когда-то слыл он «смышленным и знающим», но ныне «его понятие отстало».

Повторив то же самое в «Задаче», императрица успокоилась. К самому письму она приложила довольно мягкие замечания, в которых хвалила автора за то, что он поступил согласно христианскому закону, «по которому за грехом вскоре следует раскаяние и покаяние». Впрочем, в истинных чувствах писателя она не сомневалась и иронически называла его письмо «предсмертной одой моего друга „Лебедя“».

Совета писать сатиры Екатерина, разумеется, не приняла. Она заявила, что в «Были и небылицы» «гнусности и отвращение за собой влекущее не вмещаемы; из оных строго исключается все то, что не в улыбательном духе, ...скуку возбудить могущее, и наипаче горесть и плач разогревающие драмы. Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дело; мы и грамматику худо знаем, где нам проповеди писать».

Получив публичное подтверждение, что критика не смеет касаться правительства и его верных слуг, Фонвизин не угомонился. Он подхватил последние слова ответа («где нам проповеди писать») и прислал в «Собеседник» якобы услышанную им проповедь не в переносном, а в прямом смысле слова.

«Поучение, говоренное в духов день иереем Василием в селе П***» [1] — первый в России опыт комедии-монолога, созданный отточенным пером талантливого драматурга. Две большие ремарки, характеризующие отноше-

[1] *Духов день* — церковный праздник. *Иерей* — священник.

ние слушателей к проповеди и движение души самого священника, еще более роднят «Поучение» с драматургией.

Живость тона, колоритность языка, меткость простонародного слова, интонация непосредственного обращения к слушателям создают впечатление зарисованной с натуры жанровой картинки. Так и видятся полупустая церквушка, не проспавшиеся с похмелья прихожане и полуграмотный сельский попик. Здесь прошла его жизнь. Он знает все о каждом, мгновенно улавливает реакцию на свои слова и урезонивает «духовных детей», не стесняясь в выражениях.

«Вижу, вижу, что у тебя теперь на уме. Ты кивнул головою, думая: «Неужто и в праздник чарки вина выпить нельзя?» Ах, окаянный ты Михейка Фомин! да чарку ли ты вчера выглотил? Если в наши грешные времена еще бывают чудеса, то было вчера, конечно, над тобою, окаянным, весьма знаменитое. Как ты не лопнул, распуча грешную утробу свою по крайней мере полуведром такого пива, какого всякий раб божий, в трезвости живущий, не мог бы, не свалясь с ног, и пяти стаканов выпить?»

Комическое обличение сменяется нравоучением, удивительным по простоте языка.

«Подумайте, дети мои, куда годится пьяница? Он всегда худой крестьянин; никто из добрых людей на него не полагается. Да как и полагаться? Ты думаешь, что он пашет, а он пьяный спит. Никто из добрых людей ему не верит. Да как и верить? Ты дашь ему деньги поберечь, а он их пропьет».

Завершается речь умиленным восхищением перед честным трудолюбивым стариком крестьянином, вошедшим в церковь в сопровождении тридцати пяти сыновей, внуков и правнуков.

Церковники считали «Поучение» кощунством, шутовством, карикатурой. Фонвизин же создал тип, к которому неприменима прямолинейная оценка, — и создал тогда, когда его занимал вопрос о многообразии характеров. Отец Василий смешон и невежествен, но он привлекательнее, чем большинство дворян, с которыми встречается мнимый глухонемой, продолжение путешествия которого напечатано в том же номере.

А о том, что беды крестьян происходили не только от пьянства, говорила последняя сцена в «Повествовании мнимого глухого и немого». Путешественники попадают на пожар. Горит во дворе помещика-заики. Чтобы преодолеть заикание, он, отдавая распоряжение, поет. Поет на мотив популярной песни, как пели во многих комических операх. Но прислушаемся к его словам:

Про-кля-тые чер-ти, ба-ня -та го-рит!
За-ли-вай ско-ре-е, я вас всех при-бью!
Плу-ты, во-ры о-ка-ян-ны-е, до-смер-ти рас-се-ку,
до-смер-ти рас-се-ку!

Автор «Недоросля» при всех обстоятельствах оставался верен себе. В необычной форме он еще раз сказал о страшной участи русского крестьянина.

Как отнеслась Екатерина II к «Поучению»? На это ответила следующая книжка журнала. «Проповедей не списывать и нарочно оных не сочинять», — таков категорически сформулированный пункт «Завещания», которым «Были и небылицы» завершали свою бесславную деятельность. Но это не все. Рядом стояло не менее категорическое предписание: «Врача, лекаря, аптекаря не употреблять для писания «Былей и небылиц», дабы не получили врачебного запаха».

«Врач, лекарь...» Вот, оказывается, как запомнился сочинителю «Былей и небылиц» разговор Правдина со Стародумом. А ведь императрица всероссийская не удостоила своим посещением лучшую русскую комедию. Посещением-то не удостоила, но прочла и не простила.

Сочинитель «Былей и небылиц» переспорить автора вопросов не мог. В руках императрицы Екатерины II была власть. В десятой книжке журнала допечатано несколько страничек «Опыта Российского сословника». После этого Фонвизин в «Собеседнике» не печатался. «Повествование мнимого глухого и немого» с его Щелчковым-Оплеушиным, Язвиным, помещиками, которые и во время пожара собираются сечь крестьян досмерти, оборвалось на полуслове. Фонвизин уехал в Москву и начал готовиться к длительной поездке за границу.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ТУЧИ сгущались над головой Фонвизина в 1783—1784 гг. Исключительная смелость полемики с императрицей была не единственной причиной появления их.

Екатерине II не понравились размышления Стародума. И это не все. Существует предание, что «Рассуждение о непременных государственных законах» распространялось в списках и стало известно государыне. Прочитав его, она будто бы сказала в кругу приближенных: «Худо мне жить приходит: уж и господин Фонвизин хочет учить меня царствовать». После этого на пути всех литературных замыслов писателя становился запрет полиции.

Рассказывают также, что Фонвизин неосторожной шуткой навлек на себя гнев Потемкина и счел за благо уехать за границу. Относят это обычно к 1777 г. Если этот слух верен, то время перепутано. Уже после возвращения из Франции Фонвизин бывал у Потемкина, что не нравилось Екатерине. Так, однажды, узнав, что писатель находится у ее фаворита, она написала сердито-ревнивую записку: «Сто лет вас не видела... Черт Фонвизина к вам принес; он забавнее меня; однако я тебя люблю, а он, кроме себя, никого». Шутки Потемкин

легко прощал. Свидетельство тому — ода Державина «Фелица». Но разгневаться на «Рассуждение» он имел все основания. Если же «Рассуждение» было известно Екатерине, оно не осталось тайной и для Потемкина.

Неприятности подрывали здоровье писателя. Изгоняемый из литературы, ожидающий со дня на день кары царей земных [1], Фонвизин решил уехать за границу, в Италию, куда его влек возрастающий интерес к изобразительным искусствам. Была и другая цель.

Еще в 1777 г. Фонвизин познакомился с продавцом книг и картин Г. Клостерманом. Вместе они ездили на аукционы, покупая статуи, картины, редкие книги по поручению Н. Панина и великого князя. Затем Фонвизин и сам пристрастился к коллекционированию. В начале 1780-х годов он решил завести «коммерцию вещей, до художеств принадлежащих», т. е. антикварный магазин. В основу его были положены собранные Фонвизиным коллекции редких книг, картин и гравюр, оцененных в 52221 рубль. Вел дело Клостерман. Приобретение новых предметов искусства для «коммерции» являлось дополнительным поводом для поездки в Италию.

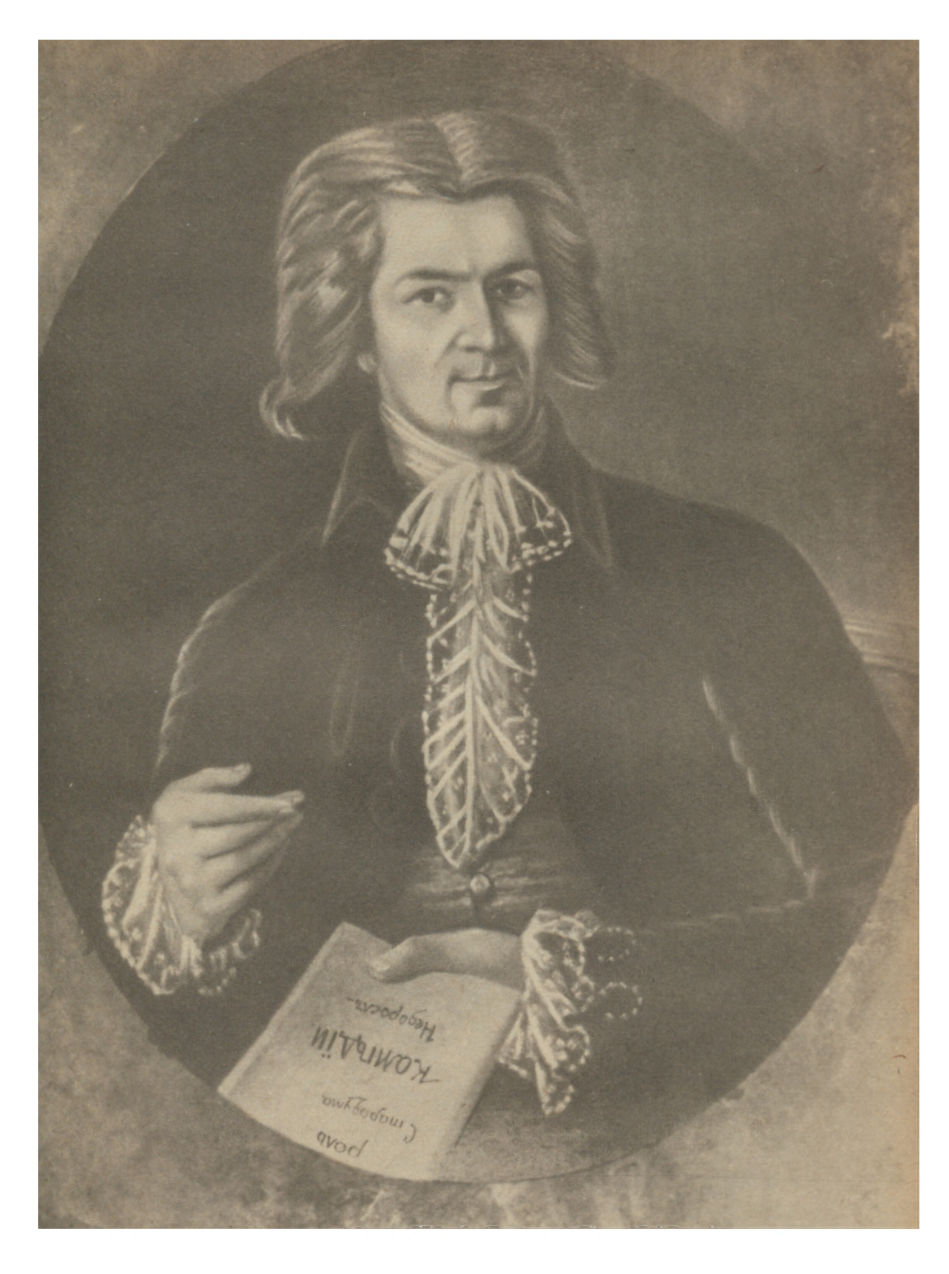
Решение стать соучастником торгового дела отвечало давним взглядам Фонвизина на прогрессивность торговли и «торгующего дворянства». Организация торговли не какими-нибудь доходными «модными товарами», а редкими книгами и предметами искусства была осуществлением культурной, просветительской в широком смысле слова задачи.

До отъезда Фонвизин успел еще раз выступить в печати, правда, тщательно укрыв авторство. В 1784 г. в книжных лавках появилась анонимная брошюра на французском языке «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина». На одних экземплярах книги местом издания назван Лондон, на других — Париж.

Оговорившись, что еще не настало время рассказать всю правду о Панине и о гонениях, испытанных им, автор создает выразительный портрет крупного государственного деятеля. В то время когда все заслуги русской

---

[1] У Н. Панина после его смерти был сделан обыск. «Тут нашлись старые сапоги», — иронизировал по этому поводу Фонвизин, который вместе с братом покойного спрятал то, что считал нужным. Но ведь обыск могли сделать и у самого Фонвизина.

И. А. Дмитревский в роли Стародума. *Портрет работы неизвестного художника. Конец XVIII в.*

Рафаэль. Мадонна в кресле. *1516.*

дипломатии, в том числе и «вооруженный нейтралитет», приписывались Екатерине II, Фонвизин писал о заслугах Панина как руководителя внешней политики вообще и напомнил о его роли в «вооруженном нейтралитете», говорил о Панине как воспитателе наследника престола, а главное — как о мужественном борце с самовластием, раболепием, о его готовности защищать истину ценою собственной жизни.

Выполнив то, что писатель считал своим долгом, он уехал со спокойной совестью.

В июле 1784 г. Фонвизины выехали из Петербурга. Последние впечатления от России — крестьянские волнения в Прибалтийских губерниях. Оценки происходящему писатель не дал, исход борьбы для него неясен. Но с невольным уважением говорил он о крестьянах, которые оказывают сопротивление воинским частям и, «желая свергнуть с себя рабство, смерть ставят ни во что. Многих из них перестреляли, а раненые не дают перевязывать ран своих, решаясь лучше умереть, нежели возвратиться в рабство».

Путешествие длилось больше года. До Италии, конечной цели поездки, ехали два месяца, останавливаясь в ряде немецких городов.

Как всегда, разлучившись с родными, Фонвизин умолял сестру писать регулярно, ибо отсутствие известий о близких отравило бы «всю приятность поездки». По-прежнему он сам писал большие письма и разрешал друзьям читать их. В новом цикле меньше теоретических рассуждений на политические темы, хотя неурядицы, нищету — результат «дурного правления» — писатель видел по-прежнему зорко. Нигде по своей воле не представлялся он коронованным особам. Шире и демократичнее стал круг его знакомств.

По-прежнему он хотел «нарядиться», «предстать в Италию щеголем» и по-детски огорчился, когда какая-то «разиня» облила его «новенький и прекрасный кафтанец».

Сильнее головные боли. Появились жалобы на «несварение грешной утробы». Еще вспыльчивее стал Фонвизин, чаще прежнего ворчал он на дорожные неудобства. А в пути на этот раз прошло много времени.

Несколько месяцев в общей сложности тряслись они с женой в карете, которая то падала в рытвины и

колдобины, то хлюпала по грязи, то выше колес заливалась водой, то рисковала провалиться в пропасть или быть раздавленной глыбой снега в горах. В хорошую погоду почтальоны[1] «его прусского величества» то и дело бросали карету и бегали по корчмам «пить пиво, курить табак и заедать маслом». А в Италии, где «по правосудию святого отца[2] дерут... за прогоны втрое: за новую дорогу, по которой ездят, за старую, по которой не ездят, да за выставку лошадей со старой почты на новую», — еще хуже.

Однажды ночью в холод, град, вихрь почтальоны потихоньку выпрягли лошадей и отправились домой спать. Путники же более двенадцати часов дрожали от холода. Вот тут-то, рассердившись не столько за себя, сколько за слуг, зазнобивших руки и ноги, Фонвизин, по его признанию, только благодаря жене «не сделался убийцею» и не застрелил почтальона.

На стоянках — сомнительный отдых в грязных трактирах, «пища скверная, постели усыпаны клопами, блохами», а то и... скорпионами.

Иногда вознаграждала природа. Еще в России Фонвизина поразило величественное зрелище нарвских водяных порогов и водопада. В западной Пруссии с медлительностью почтальонов мирило «изобилие плодов земных»: абрикосов, груш, вишен. В Италии по дороге в город Перуджию ехали «долинами, которых прекраснее ничто на свете быть не может».

В горах Фонвизину, как большинству жителей равнин, не по себе. Они теснили его. «Целые десять дней быв в горах, мы очень обрадовались, выехав на ровное место. Нам казалось, что нас из тюрьмы выпустили». Он чувствовал себя в горах как в мешке. Горы и пропасти пугали так, что «волосы дыбом становятся». И на вулкан Везувий писатель подняться не захотел: «Я лазить не люблю, а особливо на смерть».

В письмах много зарисовок быта и нравов различных сословий. Немало то сочувственных, то юмористических,

---

[1] Фонвизины ехали в собственной карете, но лошадей меняли на каждой станции — «почте». Вез их «почтальон», исполнявший обязанности кучера и проводника. Плата за дорогу от одной «почты» до другой называлась «прогонами».

[2] «Святой отец» — папа римский, глава католической церкви.

то сатирических характеристик людей, встретившихся в пути.

Фонвизин никогда ничего не делал вполсилы. И теперь, путешествуя, он боится что-нибудь упустить. Сорокалетний, тяжелобольной, он носится, осматривая достопримечательности, как юноша. Он торопится в Италию. Отклонив любезное предложение задержаться в Инсбруке, он после ночи в очередном дурном трактире, не выспавшийся, бежит, покуда готовят лошадей, осматривать памятники, три церкви, дворцовый сад, триумфальные ворота.

По приезде в Италию напряжение нарастает. Около трех месяцев едут до Рима с длительной остановкой только во Флоренции. Два дня в Вероне, менее двух суток в Модене, пять в Болонье и т. д. А осмотреть надо много. Вот и заполняются дни до отказа.

22 сентября, например, Фонвизин с утра был в Болонском университете, описание которого, по словам писателя, требовало бы целой книги. Затем с женой они посетили четыре церкви, побывали в двух дворцах и «везде находили сокровища неизреченные». После обеда приняли банкира, отправились осматривать дворцы. Вечером присутствовали на богослужении в одном из католических соборов, оттуда поехали в театр; за ужином слушали концерт, который дали им под окнами народные певцы.

Так идут и другие дни: «с утра до ночи на ногах». В отличие от тщательно продуманных писем из Франции, письма из Италии написаны под наплывом непосредственных впечатлений. Автор обращает внимание то на одно, то на другое. Причем, высказывания самые разноплановые, иногда — самые неожиданные. Ругань в адрес трактирщиков, почтальонов сменяется выпадами против правителей и духовенства, замечаниями о скверном запахе кислой капусты и прокисшего винограда, за ними следуют рассказы о людях, об исторических достопримечательностях, музеях, садах, ярмарках, драгоценных коллекциях, анатомическом кабинете и кабинете натуральной истории, хороших и дурных больницах, банях, мануфактурах, загородных прогулках, церковных богослужениях, о музыкальных инструментах и винных бочках...

Но через эти внешне суматошные впечатления встает живой человек с широкими интересами и горячим сердцем, наделенный тонким вкусом художник, писатель-просветитель, враг церковников, иногда чуть брюзгливый русский барин.

Как и всегда, Фонвизин верен театру. Он бывает в опере, комедии, смотрит марионеток. Иногда он хвалит спектакли, иногда порицает, но всегда остается независим в суждениях. На родине оперы, в Италии, он пишет: «Певицы и певцы есть очень хорошие, но столбы неподвижные: ни руками, ни ногами не владеют. Декорации очень великолепны, но освещение плохо: антрепренер жалеет денег. Танцы состоят в одном скаканье. Скакуны престрашные и обыкновенно ремесло свое кончают тем, что ломают себе ноги... Поистине сказать, в Петербурге ни серьезные, ни комические итальянские оперы не хуже здешних».

И это не придирка, а убеждение, потому что в других случаях он говорит о хороших спектаклях, о «прекрасном концерте».

Человек, любивший музыку с юношеских лет, сам музыкант (он играл на скрипке и флейте), Фонвизин в этом путешествии говорит о музыке чаще, чем обычно. Приходилось ему слышать и доморощенные таланты, чью игру и пение, по его словам, приятнее слушать через закрытую дверь. Познакомился он и с девушкой, «которая играет, как ангел, на гармонике»; в Триенте с огромным удовольствием слушал орган, в Аугсбурге — игру на клавесине. В Болонье Фонвизиных пленило искусство уличных певцов, ежевечерне певших под окнами русских путешественников. В Риме супруги постоянно бывали на концертах и ездили из церкви в церковь, чтобы послушать музыку и пение.

Подлинное эстетическое наслаждение получил писатель, слушая исполнение папской капеллой сочинения итальянского композитора Аллегри «Мизерере». Фонвизин слышал это произведение и в Петербурге, но римские певцы произвели более сильное впечатление. «Ничего в свете я не знаю, что б душу так тронуло, как сие пение. Музыка столь проста, что те, кои видят ее написанною на бумаге, удивляются, откуда может произойти неизреченная красота ее». И далее он так тонко

анализирует манеру исполнения и отмечает такие особенности, какие «обычно не поддаются учету со стороны слушателя, если он сам не является музыкантом тонкого артистизма» [1].

Артистизм и независимость оценок Фонвизина проявляются и в отношении к изобразительным искусствам и архитектуре. В Германии писатель спокойно говорит об увиденных памятниках. Его оставляет холодным мастерство величайшего немецкого живописца Альбрехта Дюрера, прославленного, по мнению Фонвизина, «более за старину, нежели за искусство, потому что в его время живопись в Европе была еще в колыбели».

Гораздо больше интересуется он современной немецкой живописью, лазит по чердакам, где живут бедные художники, угадывает таланты, покупает картины, негодует на равнодушие обывателей к судьбе умирающих с голоду живописцев. «Надобно отдать справедливость, что между ними есть мастера с великими достоинствами, но, так же как и в Ниренберге, работы их никто не покупает. Мещане ничего не смыслят, а больших господ нет. Первые люди, то есть патриции, не заслуживают человеческого имени. Знатные и одной спесью надутые скоты презирают тех, которыми начальствуют», — пишет Фонвизин об Аугсбурге.

Точно так же поднимается он на чердаки молодых художников в Италии, но отношение к искусству прошлого здесь у него совсем иное.

В восторге Фонвизина перед итальянским искусством эпохи Возрождения раскрывается неутомимое тяготение к красоте. Он рвется к ней, как жаждущий к источнику. Его поклонение прекрасному в искусстве можно сравнить разве только с его ненавистью к безобразию в действительности.

Ему мало видеть совершенное творение один раз. Всюду, где возможно, он возвращался к тому, что поразило его, иногда один, чаще с женой, которая так же страстно любила искусство.

Так, перед отъездом из Вероны, пока слуги готовили лошадей, Фонвизины «успели сбегать в Георгиевский

[1] Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века, т. 1. М., Музгиз, 1952, стр. 407.

монастырь[1] насладиться в последний раз зрением картин Павла Веронеза»[2]. Они не поленились, несмотря на трудности пути, вторично съездить в Болонью, «где имели счастие видеть первую Гвидову[3] картину Петра апостола».

Во Флоренции Фонвизины пробыли около полутора месяцев и почти ежедневно бывали в галерее герцога, подолгу наслаждаясь картинами Рафаэля, Тициана и других величайших художников Италии. Подолгу стоял писатель перед «удивления достойной» статуей Венеры Медицейской, бессмертным творением античного искусства.

«Если б вы были охотники до живописи и скульптуры, я мог бы написать к вам о ней одной (флорентинской галерее. — *Л. К.*) целую тетрадь», — писал Фонвизин родным. Для себя он вел специальный журнал, который, к сожалению, до нас не дошел. Но переполненный впечатлениями писатель не мог молчать и в письмах. В простой, доступной для своих корреспондентов форме он пытался хоть на миг приобщить их к окружающей его красоте.

Фонвизин заказал копии с картин Рафаэля, Андреа дель Сарто, Дольчи. Картины Карло Дольчи, на наш взгляд, чуть слащавы, но их изящество, нежность несли в себе тот оттенок идеальной красоты, тоска по которой прочно владела душой автора «Недоросля».

Впрочем одной идеальной красоты и умиротворенности Фонвизину было мало. Среди сокровищ флорентийской галереи, где хранится несколько картин Рафаэля, он выделил одну — «Мадонну делла седиа». В отличие от остальных мадонн, безмятежно ласкающих младенца, эта юная женщина в крестьянском платке вопрошающе и тревожно смотрит на каждого, кто подходит к ней, вглядывается в мир и как бы готовится защитить

---

[1] Картины итальянских художников эпохи Возрождения часто писались специально для монастырей, соборов, церквей и т. д. Многие великие произведения искусства и поныне находятся там, где были помещены первоначально.

[2] Паоло Веронезе (1528—1588) — великий итальянский художник.

[3] Гвидо Рени (1575—1642) — итальянский живописец.

свое дитя, если надвинется опасность[1]. Может быть, открытый взгляд в широкий мир, тревога оказались созвучны душевному состоянию писателя, который именно в этом образе находил «нечто божественное».

Картина взволновала и Е. И. Фонвизину, которой не суждено было познать тревоги и радости материнства. «Жена моя от него без ума. Она стаивала перед ним по получасу, не спуская глаз, и не только купила копию с него масляными красками, но и заказала миниатюру и рисунок».

С картин можно было сделать копии. Создания архитекторов сохранялись лишь в памяти. Сотни замков, церквей видел Фонвизин, но все они, по его словам, могут удивлять лишь того, кто не видел собора святого Петра в Риме. «Кажется, что сей храм создал бог для самого себя», — говорил писатель об этом совершенном творении рук человеческих. И не поклонение богу заставляло его по два раза в день ходить в собор, а воистину самозабвенное восхищение красотой и величием. «Здесь можно жить сколько хочешь лет, и всякий день захочешь быть в церкви святого Петра. Чем больше ее видишь, тем больше видеть ее хочешь; словом, человеческое воображение постигнуть не может, какова эта церковь».

Безукоризненный вкус, широкая осведомленность в памятниках искусства заставили Фонвизина предпочесть искусство древнего Рима и эпохи Возрождения современному итальянскому искусству: «С жалостию видим, как мы от предков наших отстали в художествах». В самом соборе святого Петра он уловил родство с античной архитектурой, пытался разобраться логически в том, что в нем наиболее прекрасно, говорил о поразительной пропорциональности частей, которая кажется «волшебством», и вновь возвращался к эмоциональной оценке: «Я до сего часа был в ней[2] уже раз тридцать: не могу зрением насытиться. Кажется, не побывав в ней, чего-то недостает».

---

[1] В картинах Рафаэля, помимо «Мадонны делла седиа» («Сидящая мадонна»), прямо на мир смотрит только «Сикстинская мадонна» (находится в Дрезденской галерее). В ее глазах также тревога и скорбь, но они сочетаются с большим доверием к будущему, навстречу которому мать несет дитя.

[2] В ней, то есть — в церкви — соборе св. Петра.

«Не могу зрением насытиться». Пожалуй, эти слова лучше всего передают неутоленную тоску художника по красоте.

Если бы радость приобщения к прекрасному в искусстве притупила в Фонвизине остроту восприятия безобразного в жизни, он был бы счастливее. Беда в том, что он становился все чувствительнее. «Мы живем только с картинами и статуями. Боюсь, чтоб самому не превратиться в бюст», — мрачно острил писатель.

Фонвизин преувеличивал. Почти всюду находились хорошие приятные люди. Но, действительно, вокруг русского «богача», скупавшего картины, роем вились обманщики. Некий маркиз, например, пригласил Фонвизина в свой великолепный дом, с гордостью водил по картинной галерее и, остановясь перед одной картиной, «в восторге» спросил, узнает ли его гость мастера. «Неужели картина сама о себе не сказывает, чьей она работы? Неужели вы Гвидо Рени не узнали?» — негодовал хозяин в ответ на недоумение Фонвизина. После долгих рассказов о том, как картина попала в коллекцию и столетиями переходила из рода в род, маркиз Гвадани в знак особой приязни согласился уступить бесценное сокровище за тысячу червонных[1]. А когда выяснилось, что это вовсе не творение Гвидо Рени, а грубая подделка, знатный жулик не смутился. Назвав экспертов скотами и невеждами, он предложил ту же картину за десять червонных.

Фонвизина сердили не только жулики. Его возмущало, что реакционное итальянское правительство наложило запрет на книги. «Вольтер, наш любимый Руссо и почти все умные авторы запрещены». Его оскорбляла выставляемая напоказ распущенность нравов знатных дам. Его потрясал контраст между богатством дворцов, церквей, великолепием монументов, красотой природы, редчайших произведений искусства — и нищетой народных масс. «Весь сей день наслаждались мы зрением прекрасных картин и оскорблялись на каждом почти шагу встречающимися нищими. На лицах их написано страдание и изнеможение крайней нищеты; а особливо старики почти наги, высохшие от голоду и мучимые обыкно-

---

[1] *Червонный, червонец* — золотая монета в три рубля.

венно какою-нибудь отвратительною болезнию», — писал Фонвизин, только въехав в Италию. «На земле плодоноснейшей народ терпит голод». Виной всему «алчность правителей», но роптать нельзя: «Малейшее негодование на правительство венециянское наказывается очень строго».

Как ранее во Франции, Фонвизин констатирует безвыходность положения бедняка в обществе, где «первым божеством» являются деньги: «Работный человек», заболев, наживает долг, а приступив к работе, может лишь утолить голод. «Чем же платить долг? Продаст постель, платье — и побрел просить милостыни».

В Сиене писатель восторгался альфреско[1] по рисункам Рафаэля, а о комнате, где приходилось ночевать, брезгливо отзывался: «такая грязь и мерзость, какой, конечно, у моего Скотинина в хлевах никогда не бывает».

В римских зарисовках Фонвизин вскрыл лицемерную сущность церкви, проповедующей милосердие и любовь к ближнему.

Папа и кардиналы живут во дворцах, каких нет у величайших государей. И нельзя не плакать от жалости, «видя людей, мучительно страждущих: без рук, без ног, слепые, в лютейших болезнях, нагие, босые и умирающие с голоду везде лежат у церквей под дождем и градом... словом, для человечества Рим есть земной ад...».

Нищета народа вызывала желание уехать поскорее, чтобы «не иметь перед глазами страждущего человечества». Красота «вечного города» держала путешественников в плену: «Чем больше его видим, тем, кажется, больше смотреть остается».

Так писал Фонвизин 1 (12) февраля 1785 г. Через несколько дней его настиг первый удар. Доктора с трудом выходили больного, но от последствий болезни он не избавился. Рука и нога немели, утомляться было нельзя.

В конце марта Фонвизины начали выезжать. Осматривали окрестности Рима, бывали на концертах, в театрах. Подробно описывал Фонвизин пышное театрализованное зрелище богослужения перед праздником пасхи и праздничную службу. Чудеса искусства, баснословная

---

[1] *Альфреско* (а-фреско, фреска) — живопись на стенах водяными красками по сырой штукатурке.

роскошь, световые эффекты, музыка, гром пушек, звон колоколов — все поставлено на службу церкви, все играло роль в этом спектакле. «Папа, носимый на плечах людских, чрезвычайно походит на оперу «Китайский идол», — замечал писатель.

Едва сдерживая смех, Фонвизин рассказывал о совершаемой раз в год церемонии, символизирующей христианское смирение. Предварительно папа «произнес проклятие нам грешным, то есть всем, не признающим его веру за правую; а потом дал народу благословение». Затем происходила «умилительная» сцена: папа мыл и целовал ноги тринадцати странникам; кардиналы столь же смиренно мыли ноги нищим.

И это проделывали те, кому обычно служат «с рабским унижением». Это происходило в городе, где тысячи людей «не знают, что такое рубашка», где «лет тридцать, как целые полки несчастных не имеют дневной пищи».

С грустью расставались Фонвизины с Римом: здесь за четыре с лишним месяца было пережито много дурного и хорошего, здесь оставалось много новых друзей и добрых знакомых. Знатные персоны, множество художников и совсем простые люди провожали писателя и его добрую жену. «В день нашего отъезда улица сперлась от множества людей».

20 апреля выехали из Рима, решив повторно заехать в Болонью, затем проехать в Парму, Милан, Венецию. Ходили слухи о разбойниках. У Фонвизина плохо действовала рука и нога, тем не менее он и слуги вооружились пистолетами и шпагами. Оружие не понадобилось: разбойников не было, только толпы нищих бежали за каретой. «Италия доказывает, что в дурном правлении при всем изобилии плодов земных можно быть прежалкими нищими». Как и всегда, раздражало лицемерие церковников и насаждаемое ими суеверие: «Невозможно описать, какими суеверными глазами приезжающие смотрят на все святые вещи и с каким лицемерным благоговением попы их показывают».

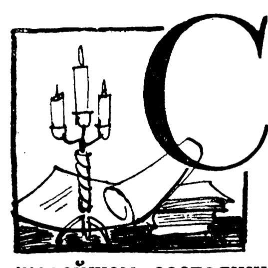
Парма привлекла внимание старинным театром и собранием картин знаменитого итальянского художника Корреджио (1494—1534). Любопытно, что Корреджио почти современник Дюрера (он умер на шесть лет позже

немецкого живописца), но его творчество Фонвизин принял без оговорок.

К июню Фонвизины прибыли в Вену. Доктора нашли болезнь писателя серьезной, запретили читать, писать, ограничили в еде. А Фонвизин любил поесть сытно, вкусно, понимал толк и в винах, и в еде. Запреты докторов для него сущее наказание. «Одна отрада осталась та, что позволили мне в сутки выпивать по две чашки кофе, да и тут жена много хлопочет, считая, что сие позволение я у доктора выкланял», — жаловался писатель. По совету врачей он заехал в Баден (курорт близ Вены), где ежедневно принимал двухчасовые серные ванны.

Вернувшись в Москву, Фонвизин застал отца при смерти. Через несколько дней — 28 августа 1785 г. — его самого разбил паралич. На этот раз удар был столь сильным, что, по словам Клостермана, писатель «не мог пошевелиться ни одним членом, а ум его, прежде столь ясный и светлый, на некоторое время помрачился совершенно».

«ДРУГ ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ»

СВЕТЛЫЙ и ясный ум Фонвизина сумел победить недуг. В декабре 1785 г. Клостерман приехал в Москву и застал своего друга в тяжелейшем состоянии, но уже с проясняющимся сознанием. «В тусклых глазах его засветился луч радости, ...он хотел, но не мог обнять меня, силился приветствовать меня словами, но язык не слушался и произносил невнятные звуки... Правая рука у него совсем отнялась, так что он и двигать ею не мог и пытался писать левою, но выводил по бумаге какие-то знаки, по которым с трудом можно было догадываться, что ему хотелось выразить».

Организм с трудом справлялся с болезнью. Врачи рекомендовали повторить курс лечения на минеральных водах в Бадене.

В июне 1786 г., похоронив отца, Фонвизин «с растерзанным сердцем» выехал из Москвы в Вену. Замученный болезнью, он думал о смерти и в 40 лет составил завещание, в котором с глубоким чувством уважения и признательности говорил о жене.

От отцовского наследства Фонвизин отказался в пользу сестер, хотя его собственное материальное положение было тяжелым. Дело в том, что перед отъездом

в Италию он сдал свое имение в аренду некоему барону Медему, который должен был высылать за границу определенную сумму. Арендатор нашел порядки в имении слишком мягкими, увеличил оброк и повел себя так, что не привыкшие к притеснениям крестьяне взбунтовались против него. Медем не стал высылать деньги. Фонвизину, истратившему на картины все, что у него было, пришлось войти в долги и вернуться из путешествия раньше намеченного срока. При встрече Медем заявил, что имение не окупило его затрат, и вместо того, чтобы выплатить просроченный долг, предъявил претензии к Фонвизину, не выпуская из своих рук имения. Началась тяжба. Страшная машина беззакония, в которой любой взяточник, подобно Советнику, толковал каждый указ «манеров на двадцать», завертелась. Не больному писателю было бороться с ней.

В немногих письмах и дневнике, который вел Фонвизин во время поездки, речь идет преимущественно о состоянии здоровья, условиях дороги, материальных затруднениях. Изредка удавалось что-нибудь посмотреть: Киево-печерский монастырь и Софийский собор в Киеве, комедию и театр марионеток в Вене.

И все-таки в этот тяжелый период то прорывается меткое фонвизинское слово («старуха предобрая, но личико измятое»), то запечатлевается характер: квартирные хозяева в Глухове — «подлинные Простаковы». Сатирик улавливает смешной тон, жест даже в драматической для себя ситуации и зарисовывает нравы русской провинции. Так, квартирная хозяйка в Калуге, «великая богомолка», молится за больного (при нем!), «громогласно вопия»: «Спаси его, господи, от скорби, печали и западной смерти!» Оказалось, что Марфа Петровна «в слове ошиблась и вместо „внезапной“ врала „от западной“». А потом «набрело гостей премножество», и одна, «устремя... свои буркалы», играла роль предвещательницы: «Ты не жилец, батюшка!..»

К счастью, не везде были типы, подобные Марфе Петровне. Встречались добрые люди. В Вене Фонвизиных окружил широкий круг старых и новых знакомых: служащие русского посольства, дипломаты, писатели, музыканты. Драматург стал свидетелем интереса к своему любимому детищу. Весной 1787 г. перевели на немецкий

язык «Недоросля». Через два месяца в Карлсбаде автор имел удовольствие вторично слушать хорошее чтение этого перевода.

Два ящика книг переведенной комедии Фонвизин отправил в Россию для продажи, так как очень нуждался. Были моменты, когда деньги для оплаты врачей приходилось одалживать у горничной.

Лечение венских докторов, минеральные воды Бадена, Карлсбада, Теплица Тренчинского немного помогли. В августе 1787 г. путешественники добрались до Киева. За четырнадцать месяцев на родине ничего не изменилось.

«Молния блистала всеминутно; дождь ливмя лил. Мы стучались у ворот тщетно: никто отпереть не хотел, и мы, простояв больше часа под дождем, приходили в отчаяние. Наконец вышел на крыльцо хозяин и закричал: «Кто стучится?» На сей вопрос провожавший нас мальчик кричал: «Отворяй: родня Потемкина!» Лишь только произнес он сию ложь, в ту минуту ворота отворились, и мы въехали благополучно. Тут почувствовали мы, что возвратились в Россию».

Фонвизин имел немало настоящих друзей. Благодаря им, он, запрещенный писатель, мог и в период болезни, и во время длительных отъездов разговаривать с читателем.

В 1785 г. была напечатана (конечно, анонимно) небольшая брошюра «Рассуждения о национальном любочестии»[1]. Переведенный с немецкого языка трактат близок тому, что постоянно волновало Фонвизина. Речь идет об истинном патриотизме, о том, что с детских лет следует воспитывать любовь к отечеству и вольности, к добру и красоте, ненависть к высокомерию, корыстолюбию, эгоизму и т. п. Как всегда у Фонвизина, переводное произведение звучало остро и злободневно. Знакомые фигуры вспоминались при негодующих словах о тех, кто «при всех явных случаях гремит о благе отечества, но... ежегодно подставляет свою шляпу под чужое золото».

И напротив, книга учила не терять чувства собственного достоинства в несчастьях. «Пусть честный человек спросит себя в несчастии: кто его повсюду утесняет, кто

---

[1] Честолюбии.

его явно презирает, клевещет, безобразит? По большей части — невежды и ослы».

Наглядной иллюстрацией к «Рассуждению о непременных государственных законах» является повесть «Каллисфен» (1786).

Размышления о современности перенесены в глубокую древность. Два дня философ Каллисфен удерживает Александра Македонского[1] от несправедливости. На третий он теряет расположение монарха, а затем его предают казни. В предсмертном письме он благодарит богов за то, что они «сподобили» его пострадать за истину и совершить два добрых дела. На письме пометка Аристотеля: «При государе, которого склонности не вовсе развращены, вот что честный человек в два дни сделать может!»

Повесть трагична и мужественна. Нет уже у Фонвизина веры во всемогущество воспитания. Нет и веры в «просвещенного» монарха. Ведь Александр был воспитанником Аристотеля. Он сам, страшась яда лести, попросил прислать к нему философа, который говорил бы ему правду. Но яд лести и неограниченной власти оказался сильнее.

Фонвизин здесь говорил уже не о Екатерине. «Каллисфен», как и «Рассуждение о непременных государственных законах», — предупреждение Павлу. Не было и не будет, — настаивал писатель, — справедливости, покуда власть монарха не ограничена.

Исчезни навсегда сей пагубный устав,
Который заключен в одной монаршей воле, —

писал современник Фонвизина Н. П. Николев.

Где чертог найду я правды?
Где увижу солнце в тьме?
Покажи мне те ограды
Хоть близ трона в вышине,
Чтоб где правду допущали
И любили бы ее...
Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить, —

---

[1] Александр Македонский (356—323 до н. э.) — царь Македонии, завоеватель. Был учеником великого мыслителя древности Аристотеля (384—322 до н. э.). Каллисфен (360—328 до н. э.) — греческий историк и философ.

с горечью говорил Державин уже в 1797 г., в царствование Павла I.

Жизнь подтачивала идею просвещенной монархии. Фонвизин не вступил в бой за уничтожение самодержавия, как это сделал Радищев, но и ни с чем не примирился. Он призывал к мужеству. Ведь удалось же Каллисфену сделать два добрых дела. Не побоялся он, рискуя жизнью, сказать правду в третий раз. Это и есть норма поведения философа, писателя, гражданина, человека. Этой точке зрения Фонвизин остался верен до конца дней своих.

В повести Каллисфену противостоят коварные, корыстолюбивые, льстивые вельможи, непосредственно окружающие царя, и мелкая «придворная тварь», начальник обоза Скотаз.

Скотаз любит лошадей, верблюдов и ослов так же сильно, как Скотинин свиней. Речь его, весь облик в отличие от остальных образов выдержаны в бытовых тонах. На мягкий упрек философа, что любимца государя он вез бы в лучших условиях, Скотаз откровенно отвечает: «Вот-на! Да для его высокопревосходительства я сам бы рад припрячься».

Напечатанная среди ученых рассуждений в академическом журнале «Новые ежемесячные сочинения» повесть «Каллисфен» не получила своевременно широкой известности.

Символом низкого скота, подхалимствующего перед знатным скотом, стал центральный образ басни «Лисица-казнодей» (проповедник).

Умер царь зверей Лев. На торжественных похоронах Лисица «с смиренной харею, в монашеском наряде» произносит пышную надгробную речь. В ней всячески расхваливаются доброта, справедливость, мудрость умершего.

«О, лесть подлейшая! — шепнул Собаке Крот. —
Я знал Льва коротко: он был пресущий скот,
И зол, и бестолков, и силой вышней власти
Он только насыщал свои тирански страсти.
Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей!»

Возмущенный ложью Крот поясняет: одни подданные бежали, другие разорились, художник, всю жизнь про-

славлявший Льва, «с тоски и с голоду третьего дни издох».

«Вот мудрого царя правление похвально!
Возможно ль ложь сплетать столь явно и нахально!»
Собака молвила: «Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда же то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастию бредет презренными путьми, —
Так, видно, никогда ты не жил меж людьми».

Басня напечатана в вышедшем летом 1787 г. сборнике «Распускающийся цветок», изданном воспитанниками Вольного пансиона при Московском университете. Как появилась она в этом невинном сборнике полудетских сочинений? Ответ ясен: директором университета и пансиона был брат писателя П. И. Фонвизин.

Более сложным является вопрос о времени написания басни. С 1867 г. «Лисицу-казнодея» называют одним из первых произведений Фонвизина и считают откликом на похороны императрицы Елизаветы Петровны.

Этой точке зрения противоречат факты.

Никаких пышных речей над гробом Елизаветы не произносилось по простой причине: Петр III терпеть не мог своей тетки. Хвалить покойную императрицу с риском навлечь на себя гнев живого императора лисицы-казнодеи не стали.

Написанная в начале 1760-х годов басня должна была быть известна современникам. А она не называется никем, кто писал о Фонвизине в 1760—1770-х годах, в том числе Н. И. Новиковым в «Опыте исторического словаря о российских писателях». Не назвал «Лисицу-казнодея» даже противник сатирика А. С. Хвостов. А уж он в своем «Послании к творцу «Послания» старательно перечислил все, написанное Фонвизиным, — вплоть до ненапечатанных переводов и не дошедшей до нас сатиры «Матюшка-разносчик», которую называет и Новиков. Не упоминает басню и сам Фонвизин в автобиографической повести «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях», доведенной до конца 1760-х годов.

Пафос «Лисицы-казнодея» направлен против «подлых скотов», льстящих «знатному скоту», и, конечно, живому, а не мертвому. Но сказать о живом правителе

хоть частицу того, что говорит Собака о Льве, невозможно:

Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей!
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи.

Чтобы напечатать эти строки (не говоря об остальных), надо было прибегнуть к иносказанию. Фонвизин и сделал это.

Создав широкообобщенные типические образы монарха-тирана и льстецов, автор все-таки намекнул, к кому и к какому времени относится басня. В образе издохшего « с тоски и голоду» придворного художника находят отражение судьбы многих придворных поэтов и художников как русских, так и нерусских. Но то, что он

по новому манеру
Альфреско расписал монаршую пещеру, —

было почти определенным указанием. «Монаршая пещера» — это, конечно, не Зимний дворец, а Эрмитаж [1]. Именно к этим «личным покоям» Екатерины II в 1780—1787 гг. была пристроена галерея, расписанная точным подобием фресок Рафаэля, которые Фонвизин всегда называл альфреско.

Возможно, что «Лисица-казнодей» является непосредственным продолжением полемики в «Собеседнике». В ответ на приказ Екатерины: «Проповедей не списывать и нарочно оные не сочинять» — Фонвизин создал образец проповеди, которая приходится по сердцу монархам. Речь Лисицы построена на приемах духовных и светских похвальных слов и переходивших из оды в оду штампах одической поэзии, неустанно воспевавшей

Екатеринины щедроты,
Ее душевные доброты.

Таким образом, басня является частицей той общей борьбы, которую вели с похвальной одой передовые поэты 1780-х годов, не раз осмеявшие «слагателей вранья», как назвал одописцев В. В. Капнист. Только фонвизинская сатира резче, непримиримее. Она бьет по

---

[1] *Эрмитаж* — по-французски «ermitage» — означает уединенное место, «одинокий сельский домик».

всему, что Радищев несколько позже назовет «пресмыкающимся искусством».

И не только искусством. «Лисица-казнодей» близка творчеству Фонвизина 1780-х годов, когда борьба с теми, «кто к счастию бредет презренными путьми», и с той, которая властью своей поощряет их, пронизывает каждую мысль сатирика.

Не подписанные, появлявшиеся раз в год в случайных изданиях произведения Фонвизина 1785—1787 гг. не привлекли внимания цензуры и правительства.

Друзья сатирика не дремали во время его отсутствия. Без его ведома они предприняли отчаянную попытку смягчить отношение Екатерины к опальному и таким образом вернуть его в литературу. Фаворитом в ту пору был А. М. Дмитриев-Мамонов, двоюродный брат драматурга. Вероятно, по инициативе Дмитревского и с согласия Дмитриева-Мамонова труппа придворного театра подготовила постановку «Недоросля» ко дню именин фаворита. 1 сентября 1787 г. за несколько дней до возвращения автора в Петербург комедия была представлена в Эрмитаже в «малом собрании», т. е. в узком кругу наиболее близких Екатерине лиц.

Попытка умилостивить императрицу не удалась. Несмотря на то, что, по словам современника, «благородные роли Стародума и Милона» были немилосердно сокращены, Екатерина рассердилась — и рассердилась так сильно, что даже не вручила ордена имениннику — Дмитриеву-Мамонову. Хотя перед спектаклем секретарь императрицы получил приказание «держать орден в кармане, но его не спросили и после спектакля велели положить в будуаре». Через восемь дней гнев Екатерины на фаворита, виновника постановки, прошел, но ее неприязнь к автору «Недоросля» осталась прежней.

После возвращения из-за границы Фонвизин чувствовал себя немного лучше. Продолжая лечиться, он вновь обратился к литературной деятельности, переиздал ряд ранее переведенных им произведений. Живо интересовался он окружающим, вел дневник — «Журнал пребывания моего в Петербурге», куда заносил заметки о встречах с друзьями и знакомыми.

По делам у него часто бывал Клостерман, заходили товарищи университетских лет, дипломаты, чиновники, писатели.

Чаще других, два-три раза в неделю, навещал больного старый друг И. А. Дмитревский. Бывали и другие актеры, в том числе талантливый молодой С. Н. Сандунов. «Ума — палата, язык — бритва», — говорили современники об этом собеседнике Фонвизина. О технических нововведениях рассказывал машинист-механик, «славный архитект», строитель Эрмитажного и Царскосельского театров итальянец Бригонци.

От них писатель мог узнать в подробностях историю постановки «Недоросля». По частым посещениям Дмитревского можно предположить, что с ним, исполнителем роли Стародума, писатель обсуждал план своего нового детища — журнала «Друг честных людей, или Стародум».

Задуманный журнал, как и многие периодические издания XVIII века, непохож на современные нам. Это сборник сочинений Фонвизина, объединенных общей идеей и образами Стародума и «Сочинителя „Недоросля"».

Журнал открывается письмом Сочинителя «Недоросля» к Стародуму с просьбой принять участие в издании. Отлично зная, что именно речи Стародума были сокращены на сцене придворного и других театров, Фонвизин подчеркивает их значение для успеха пьесы. И здесь, и в ответном письме Стародума прославляется «век Екатерины Вторыя», в который честные люди имеют «свободу мыслить и изъясняться».

Оградившись как щитом комплиментами императрице, Фонвизин устами Стародума высказывает свою точку зрения на задачи писателя. «Итак, российские писатели, какое обширное поле предстоит вашим дарованиям! Если какая рабская душа, обитающая в теле знатного вельможи, устремится на вас от страха, чтоб не терпеть унижения от ваших обличений, если какой-нибудь бессовестный лихоимец дерзнет, подкапываясь под законы, простирать хищную руку на грабеж отечества и своих сограждан, то перо ваше может смело обличать их пред троном, пред отечеством, пред светом».

Фонвизин отлично знает, что у русских писателей нет таких прав. И в другом письме Стародум задумывается над вопросом, почему в России мало хороших ораторов. Там, где нет права на критику правительства, где дар красноречия может проявляться лишь в по-

хвальных словах, там даже великие ораторы республиканской Греции и Рима — Демосфен и Цицерон — превратились бы в проповедников. Нужны «народные собрания» или, по крайней мере, нужно иметь место, где можно «рассуждать о законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих».

Фонвизин не говорит, что он имеет в виду — английский парламент или расширение прав русского сената. Но, почти не таясь, он подводит к мысли, что деспотическое государство убивает дарование и поощряет лишь лисиц-казнодеев.

Из писем Софьи и Скотинина мы узнаем о судьбе персонажей «Недоросля».

Софья глубоко несчастна. Милон, с которым ее соединила взаимная любовь, увлекся дурной женщиной. В отчаянии Софья хочет отомстить неверному. В ответе Стародум развивает взгляды на брак, семью, долг жены, обязанной поддержать в муже лучшие качества души, а не подталкивать упреками к дальнейшему падению.

Продолжая разрабатывать мысль о влиянии среды и обстоятельств, Фонвизин углубленнее подходит к проблеме характера.

Софья и Стародум не ошиблись в Милоне. Пылкий и хороший человек, каким он был в комедии, Милон и оступается и стыдится своего падения. Сила воспитания отступила перед развращающим влиянием нравов петербургского дворянства, разум — как это бывает часто — отступил перед страстями. Еще шаг — вслед за мужем оступится и Софья. Кто знает, внесут ли благие советы Стародума мир в ее смятенную душу или горькая обида и примеры окружающих окажутся сильнее.

Так несколько бледные положительные персонажи комедии превращаются в людей с противоречивыми характерами, с индивидуальными судьбами.

Письмо Софьи исполнено истинного драматизма. «Горе» Тараса Скотинина само по себе смешно, но оно приводит к страшным последствиям.

В письме к сестрице Скотинин сообщает о «кончине» его любимой свиньи Аксиньи, названной почтительным сыном именем покойной матушки. Не пожалел денег скупец на лечение, но «свиные врачи не искуснее

человеческих». Завершилось дело, — рассказывает Скотинин, — «кончиною моей дражайшей Аксиньи, которая была дороже жизни и всего завода. Она жила беспорочно. Я между женщинами многих Аксиний знаю, но моя жила их целомудреннее... Она умирала геройски... Я, будучи также смертный, истинно, глядя на нее, учился умирать».

«Несчастье» отбило у Скотинина охоту к свиньям. Он решает заняться «нравоучением» и «исправлять нравы» крепостных, конечно, не словами, а палкой. «Всегдашняя склонность моя влекла меня к строгости. Лишась моей Аксиньи, не буду знать ни пощады, ни жалости...» В заключение Скотинин предлагает Простаковой присылать к нему ее крепостных, «коих нравы исправлять надобно». «...А я на свою руку охулки не положу и всегда рад тебе доказывать, что я твой достойный брат», — завершает письмо Скотинин.

История Скотинина развивается по намеченной в комедии логике характера. Только то смешное, что было в нем, доходит до гротеска и, блеснув в последний раз, снимается. Остается жестокий крепостник, каким мы его знали ранее. Но самое страшное — известие, что у Простаковой есть крепостные. Старания Правдина пропали. Имение у Простаковой не отобрано. Ради того, чтобы сообщить конечную печальную развязку «Недоросля» и создана комическая сцена «переживаний» Скотинина.

Почему Простаковой удалось, вопреки Правдину, вопреки закону, вернуть свое имение? На это отвечают два произведения, помещенные вслед за «Письмом Тараса Скотинина»: «Всеобщая придворная грамматика» и «Письмо... надворного советника Взяткина...».

Обе сатиры, как бесстрашно признается издатель, получили известность до издания журнала. Они передавались из рук в руки в списках. Есть сведения, что «Всеобщая придворная грамматика» написана еще в 1783 г.

Сатирики XVIII века старались избегать жанрового однообразия. Разнообразна и сатира Фонвизина. Он драматург, поэт, прозаик. Мы видели у него комедии, эпиграммы, сатирические стихотворные послания и прозаическое письмо, вопросы, челобитную, словарь, стихотворную и прозаическую проповеди и т. д. Прибегает он и к пародии на учебные пособия.

«Всеобщая придворная грамматика» написана в форме вопросов и ответов, т. е. обычной для того времени форме школьных учебников. Начинается она, как и все учебники, с краткого «предуведомления», т. е. предисловия. В нем говорится, что грамматика эта не относится к какому-нибудь определенному двору. «Она есть всеобщая, или философская» и очень-очень древняя. Упоминание, что рукописный «подлинник» был найден в Азии, «где, как сказывают, был первый царь и первый двор», подчеркивает, что речь пойдет о деспотическом государстве: в политических сочинениях XVIII века всегда в качестве примеров приводились именно азиатские деспотии.

«Грамматика» действительно «всеобщая». То, о чем говорится в ней, можно наблюдать в любом деспотическом государстве. Но написана она таким языком, что сомнений не остается: перед нами блестящий сатирический памфлет на двор Екатерины II.

Из вопросов и ответов первой главы выясняется, что «Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языком и пером», т. е. «говорить и писать такую ложь, которая была бы знатным приятна, а льстецу полезна»:

Вопрос: Что есть придворная ложь?

Ответ: Есть выражение души подлой пред душою надменною. Она состоит из бесстыдных похвал большому барину за те заслуги, которых он не делал, и за те достоинства, которых не имеет...

Вопрос: Какие люди обыкновенно составляют двор?

Ответ: Гласные и безгласные.

В ответе на вопрос, что подразумевается под гласными, создается колоритный образ, перерастающий в небольшую сценку.

«Гласными» называются те сильные вельможи, «кои... самым простым звуком, чрез одно отверзтие рта, производят уже в безгласных то действие, какое им угодно. Например: если большой барин при докладе ему о каком-нибудь деле нахмурясь скажет: *о!* — того дела вечно сделать не посмеют, разве... получа о деле другие мысли, скажет тоном, изъявляющим свою ошибку: *а!* — тогда дело обыкновенно в тот же час и решено».

Говоря, что «гласных» у двора бывает «обыкновенно мало: три, четыре, редко пять», — Фонвизин почти называл их. Это пользовавшиеся неизменным доверием императрицы Потемкин, генерал-прокурор князь А. А. Вяземский, вошедший в силу в 80-е годы гофмейстер граф А. А. Безбородко. К ним прибавлялся очередной сменяющийся фаворит императрицы. Об этом знали все, и главные исполнители сценки с «о!» и «а!» были известны.

Далее «исследуются» такие грамматические категории, как род, число, падеж.

Вопрос: Что есть придворный род?

Ответ: Есть различие между душою мужескою и женскою. Сие различие от пола не зависит, ибо у двора иногда женщина стоит мужчины, а иной мужчина хуже бабы.

Вопрос: Что есть число?

Ответ: Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно...

Вопрос: Что есть придворный падеж?

Ответ: Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости. Впрочем бóльшая часть бояр думает, что все находятся перед ними в *винительном падеже*; снискивают же их расположение и покровительство обыкновенно *падежом дательным*.

Можно без конца цитировать эту замечательную сатиру, равно удивляясь изумительному остроумию и поразительной смелости ее автора.

«Всеобщая придворная грамматика» не случайно помещена в журнале вслед за письмами персонажей «Недоросля». Внешне не связанная с комедией, она на самом деле зло и остро развивает рассказ Стародума о его пребывании при дворе и объясняет неудачу миссии Правдина.

Хлопоча о восстановлении своих прав на имение, Простакова могла и не добираться до «гласных» при дворе. Склонность больших бар к «дательному падежу» определяла всеобщую продажность чиновничьего аппарата екатерининской России. Это наглядно показано в «Письме, найденном по блаженной кончине надворного советника Взяткина, к покойному его превосходительству».

«Письмо» напоминало о «Бригадире». Артемон Власьич Взяткин — тезка Советника. И речь его также густо пересыпана изречениями из церковных книг. Только этот ханжа не убоялся указа о взятках 1762 г., не вышел в отставку и оказался прав. «Истцы и ответчики, правые и виноватые, богатые и *убозии*[1] — все в руце... превосходительства». А превосходительство решает дела в зависимости от денежной суммы, прилагаемой к прошению. Жулик, приславший 500 рублей, может быть спокоен: «... все законы возопиют против его соперника».

Что приносит людям и стране власть «превосходительства», лучше всего показывает его отношение к асессору Ворову и вдове Бедняковой. «...Пока я боярин, он, Воров, и вся его родня будут вести житие благоденственное». И напротив, несчастную вдову Беднякову, собирающуюся в поисках правосудия ехать в Петербург, ждет арест. «Будь уверен, мой приятель, что, пока я боярин, по тех пор для всех Бедняковых Петербург будет тюрьма, а тюрьма — Петербург».

Трудно подобрать более емкую формулу и настолько горькую, что она выходит за пределы сатиры.

Недовольный сокращением текста при постановке «Недоросля», Фонвизин сказал об этом, включив в журнал полностью беседу Стародума с Софьей о воспитании.

Всегда волновавшие писателя вопросы воспитания и образования затрагиваются и в других статьях. Из них особенно примечательна высоко оцененная Пушкиным комическая сценка «Разговор у княгини Халдиной».

Несколькими штрихами Фонвизин воссоздает нравы «большого света». Великосветская дама, достойная своей фамилии[2], полуодетая принимает гостей. На замечание служанки — «Да ведь стыдно, ваше сиятельство» — Халдина отвечает: «Глупа, радость! Я столько свет знаю, что мне стыдно чего-нибудь стыдиться».

Интересны рассуждения Здравомысла о необходимости введения в университетах курса «политической науки» (политической экономии). Но особенно значителен

---

[1] *Убозии* — убогие, бедные.
[2] *Халда* — грубая, наглая женщина.

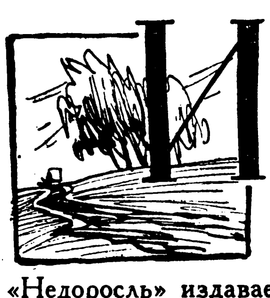
образ Сорванцова, показывающий, в каком направлении развивалось творческое мышление Фонвизина.

Сорванцова в равной степени нельзя назвать ни положительным, ни отрицательным персонажем. Он и плох и хорош. Он мот, картежник, служит ради того, чтобы получить право ездить на шестерке лошадей. Судья, он спит во время разбора дела, подписывает несправедливое решение, ибо ему совестно признаться, что он ничего не понял. Но он умен, сознает свое невежество, усердно читает, книги помогают ему многое понять. Он высказывает здравые мысли о просвещении, о своих сотоварищах, о положении чиновников. Его с интересом слушает Здравомысл, и он остается достойным собеседником и приятелем княгини Халдиной. «Словом, он истинно русский барич прошлого века, каковым образовали его природа и полупросвещение», — говорит о Сорванцове Пушкин, обративший внимание на типичность этого образа. «...Пожалеешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новейшие наши нравы», — пишет Пушкин в 1830 г., ставя таким образом Фонвизина выше современных ему драматургов.

Сорванцову удается отчасти (только отчасти) преодолеть силу дурного воспитания. В «Наставлении дяди своему племяннику» рисуется иная судьба. Воспитанный честными родителями правдоискатель, добрый образованный человек под влиянием условий превратился в подхалима, лицемера, жестокосердного скупца. И только перед смертью в нем вновь проснулась совесть.

Образы Милона, Софьи, Сорванцова, дяди говорят, что драматург, сумевший увидеть человека в глупой бригадирше, почувствовать страдание отвергнутой сыном Простаковой, приходит к попытке воспроизведения сложного человеческого характера. И более того — к попытке показать развитие характера.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

ИЗВЕЩЕНИЕ о подготовке «нового периодического творения «Друг честных людей, или Стародум», под надзиранием сочинителя комедии «Недоросль» издаваемого» появилось в газете в начале февраля 1788 г. В лавке Клостермана раздавалось бесплатное «объявление» (проспект). В нем немногословно характеризовался журнал и говорилось, что он готов и первые четыре части будут разосланы подписчикам в начале мая.

К началу апреля необходимое число подписчиков нашлось. Журнал был отдан в цензуру. Ответ не заставил себя ждать. 4 апреля Фонвизин кратко сообщил П. Панину: «Здешняя полиция воспретила печатание «Стародума»; итак, я не виноват, если он в публику не выйдет».

Таким образом, «периодическое сочинение, посвященное Истине», не увидело света. Комплименты в адрес «века Екатерины Вторыя», в котором «честный человек может мысль свою сказать безбоязненно», превращались в сатиру. И Фонвизин постарался, чтобы она стала известна.

Он не пошел на поклон к императрице, хотя мог это сделать через Дмитриева-Мамонова, которого знал с

детства. Фаворит стал чужим для него. Бесстрашный человек действовал иначе.

В конце мая в «Санкт-петербургских ведомостях» появилось объявление о подписке на Полное собрание сочинений и переводов Дениса Ивановича Фонвизина. Свидетельств о запрещении издания нет, кроме одного: собрание сочинений напечатано не было.

Однако и само объявление было важно для писателя. Ведь, кроме переводов в университетских журналах 1760—1762 гг., все остальные его переводы и собственные сочинения, включая «Недоросль», печатались без подписи. Конечно, многое было известно, но не все и не всем. Печатая в объявлении перечень произведений, входящих в состав издания, Фонвизин раскрывал свое авторство, хотя опять не полностью. Во-первых, так называемое Полное собрание сочинений было не полным, а тщательно отобранным. Во-вторых, перечень кончался словами: «Разные письма и проч.» Что входило в этот раздел, мы можем лишь догадываться. А современники при желании могли узнать тотчас же и без особого труда.

Объявление приглашало желающих прийти в лавку и «рассматривать как отпечатанные поныне листы, так и самые рукописи одну по другой для удовлетворения своего любопытства и удостоверения, что показанные книги точно существуют».

Читаешь и не веришь своим глазам. Через официальную газету любопытные приглашаются читать рукописи до представления их в цензуру. И это через семь недель после запрещения «Стародума»! Кажется, один Фонвизин мог решиться на столь рискованный шаг.

Любопытные, видимо, нашлись. Не случайно, некоторые статьи из «Стародума», напечатанного только в 1830 г., сохранились в списках XVIII и начала XIX веков.

Болезни не удалось остановить взлета таланта Фонвизина в 1787—1788 гг. Не удержала она его от героической борьбы за права писателя-гражданина. Но страшный недуг брал свое. Каждое волнение сопровождалось обострением, новой вспышкой. Врачи испытывали разные методы лечения, предписывали покой. А мог ли оставаться спокойным писатель, сочинения которого не

печатались? Мог ли быть спокойным человек, запутавшийся в бесконечной тяжбе и долгах?

Здоровье ухудшалось. Надо было ехать на воды. Стесненный в средствах, Фонвизин выехал летом 1789 г. не за границу, как обычно, а в Бальдон (Балдоне), в ту пору совсем неблагоустроенное местечко в 32 километрах от Риги. Выехал один, без жены. Так как в Бальдоне находились целебные воды, но не было даже фельдшера, больного сопровождал врач. Немедленно по приезде врач бросил подопечного и отправился по своим коммерческим делам. Фонвизин доверился первому встречному лекарю. Этот едва не уморил несчастного.

Пришлось переехать в Митаву. Тамошнее светило, доктор Герц, категорически заявил, что все четыре года московские, венские, петербургские и прочие врачи имели к больному «подлое снисхождение» и потому не помогли. А он, Герц, знает секрет быстрого излечения. Фонвизин поверил. «Редкий человек и великий медик» принялся лечить яростно. Кожа больного покрывалась нарывами от шпанских мух. Рвотное, ежедневное обкладывание тела внутренностями убитых животных, ванны серные, ванны капельные при полном отсутствии элементарных удобств приводили к страшным болям, бессоннице.

Страдания не притупили интереса к жизни. С удовольствием смотрел писатель крестьянские пляски, слушал игру на гуслях. Терпеливо переносил чтение местного «знаменитого декламатора». Записывал сцены крестьянского быта, принимал новых знакомых.

Покуда Фонвизин лечился в глуши, в мире произошло огромное событие. 14 июля 1789 г. восставший народ Франции захватил крепость-тюрьму Бастилию. Началась Французская буржуазная революция.

Фонвизин пережил первый этап революции и начало второго. Первый знаменовался борьбой между захватившей власть крупной буржуазией и демократическими слоями третьего сословия. По депешам, газетам, слухам писатель знал о деятельности вождей демократических сил — Марата и Робеспьера. Он был еще жив, когда в августе 1792 г. король Людовик XVI был обвинен в измене отечеству и арестован.

События во Франции оказали огромное влияние на жизнь других стран, в том числе и России.

Конец 1780-х годов знаменовался активизацией передовой общественной мысли и литературы. В 1785 г. была поставлена тираноборческая трагедия Николева «Сорена и Замир». В том же году Ф. В. Кречетов создал тайное общество с целью борьбы против деспотизма. В 1788 г. Фонвизин пытался издавать журнал «Друг честных людей». К 1789 г. Княжнин закончил республиканскую трагедию «Вадим Новгородский». Тогда же молодой сатирик, будущий великий баснописец, И. А. Крылов издавал журнал «Почта духов», в котором продолжал традиции Новикова и Фонвизина. В 1790 г. Радищев напечатал свою книгу-подвиг «Путешествие из Петербурга в Москву», где впервые была сказана до конца страшная правда о России и брошен призыв к народной революции.

Возрастало и наступление реакции. Одним из проявлений ее было фактическое изъятие Фонвизина из литературы, произведенное еще тихо, без шума. С 1785 г. подготавливалась расправа с Новиковым. С 1789 г. правительство перешло к открытым действиям. Помимо светской и духовной цензуры на помощь был призван сыщик и палач Шешковский, писателей заключали в тюрьмы, ссылали, их книги жгли на площадях.

Под нажимом правительства прекратилось издание «Почты духов». Через месяц после выхода в свет «Путешествия из Петербурга в Москву» арестовали, судили и сослали в Сибирь Радищева, а книгу его сожгли. В начале января 1791 г. внезапно умер Княжнин; есть ряд свидетельств, что смерть его произошла в результате «встречи» с Шешковским. В 1792 г. полиция расследовала деятельность заведенной Крыловым в 1791 г. типографии, в связи с чем допрашивался совладелец типографии, верный друг Фонвизина Дмитревский.

Весной 1792 г. арестовали Новикова и сделали обыск в доме директора Московского университета П. И. Фонвизина, которого московский главнокомандующий считал единомышленником масонов. У П. И. Фонвизина хранился список с «Рассуждения о непременных государственных законах» и другие бумаги, предназначенные для наследника престола. Видимо, предупрежденный кем-то, П. И. Фонвизин успел сжечь часть бумаг.

Только «Рассуждение» было спасено и спрятано младшим братом — А. И. Фонвизиным. Его сын, будущий декабрист, позднее сделал это произведение известным.

Расторопность избавила Павла и Дениса Фонвизиных от большой беды: ведь одна из основных причин суровой расправы с Новиковым была в том, что его подозревали в заговоре против Екатерины II в пользу Павла.

Тяжелая сложная обстановка наложила отпечаток на творчество Фонвизина последних лет.

Французской революции Фонвизин не принял. Еще в 1778 г. он считал, что вольность — «первый дар природы» — не может быть возвращена народу «вдруг», без «смертельного погубления государства». Ему казалась несбыточной и мечта о равенстве. При любых законах «одна часть подданных будет принесена в жертву другой», — говорил он в одной из последних комедий «Выбор гувернера».

В этих утверждениях — источник разлада, трагизма мировоззрения Фонвизина, человека XVIII столетия. Не мирясь с феодально-крепостническим государством, он отрицал буржуазную революционность, которая и на самом деле привела не к свободе и равенству, а к царству лавочников. Путь реформ, просвещения оставался для писателя единственно возможным. Ему и отдал он свои последние силы.

Он сделал безуспешные шаги к организации небольшой группы писателей для периодического издания «Московские сочинения», хотел заняться переводом римского историка Тацита и писал по этому поводу письмо Екатерине II. Предложение отклонили. Обличение тирании и тиранов было всегда не по душе державному автору «Записок касательно российской истории», в тревожном 1790 г. тем более. В незавершенной комедии «Выбор гувернера» Фонвизин показал, что большие баре ничуть не лучше Простаковых. Митрофана «воспитывал» Вральман. Кичащиеся своей породой князья Слабоумовы приглашают в качестве учителя француза, мастера вырезывать мозоли. Он кажется им более подходящим воспитателем их сына, чем образованный и честный Нельстецов, который полагает, что «благородно рожденный должен иметь и благородную душу».

«Выбор гувернера» идейно и художественно слабее «Недоросля». Но насмешки над «породной» аристократией в 90-е годы были не ко времени.

Лучшее из всего созданного Фонвизиным в последние годы — автобиографическая повесть «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях».

Во вступлении писатель вспоминает одно из выдающихся произведений XVIII века — «Исповедь» Руссо — и говорит, что в отличие от Руссо он хочет открыть «тайны сердца» только ради покаяния в своих грехах. Эпиграфы и отдельные места повести должны способствовать этому впечатлению. Но когда читаешь основной текст, кажется, что автор забыл о своей цели.

В четырех главах, названных «книгами», Фонвизин собирался рассказать о всей своей жизни. До нас дошли две с половиной «книги», доводящие повествование до конца 60-х годов. То с волнением, то с неповторимым фонвизинским юмором рассказывает писатель о своем детстве, годах учения, первой поездке в Петербург, посещении театра, первых поэтических опытах, друзьях, успехах в обществе, сатирических стихах, службе при Елагине, успехе «Бригадира», знакомстве с Паниным, первом ненужном флирте и о большой любви.

К этому драгоценному материалу мы уже обращались не раз и повторяться не будем. Скажем только, что «Чистосердечное признание» отличается необыкновенной для всей допушкинской прозы краткостью и динамичностью. В нем отобрано главное, то, что оказывало влияние на формирование характера, неповторимо индивидуального характера русского человека XVIII века — Дениса Ивановича Фонвизина.

Автор не идеализирует ни себя, ни окружающих. В повести нет безупречного Здравомысла или Стародума. Зато юмор, ирония, сатира пронизывают большинство страниц. Достаточно вспомнить сцену экзамена в университете или оценку собственных успехов.

В конце второй книги писатель вспоминает, что он решил покаяться. Полностью сохраняя резко отрицательное отношение к попам, он осуждает безбожников и самого себя за кощунство в «Послании к Шумилову». Попутно воссоздается атмосфера поверхностного вольтерьянства начала царствования Екатерины II. Колоритен двуликий образ безбожника, обер-прокурора святей-

шего синода[1]: в Гостином дворе он громко рассуждает о том, что бога нет, а на службе следит за переводами «вольнодумных» писателей и искажает их.

На обращении автора к английской книге, доказывающей существование бога, «Чистосердечное признание» обрывается.

В зрелые годы, в отличие от юношеских лет, Фонвизин не был атеистом, но не был и религиозным. Мотивы покаяния появляются лишь с осени 1791 г.

Покаянные настроения могли овладевать тяжелобольным человеком. Они поддерживались женой, которая с начала болезни мужа стала часто ездить по церквам и молиться. Но были и другие причины отречения писателя от «грехов» молодости. В пору обысков, допросов, ссылок Фонвизин ждал своей очереди. Если невиннейший перевод поэмы «Иосиф» был отнесен к разряду «сумнительных» книг, то «Послание к слугам» могло служить поводом для обвинения в безбожии, достаточным, чтобы погубить любого человека XVIII и XIX веков.

О том, что опасения были не напрасны, говорит отзыв о «Послании к слугам» одного из церковников более чем через полвека.

В 1846 г. в связи с выходом в свет собрания сочинений Фонвизина один крупный церковный деятель заявил, что «особенно вредными» должны быть признаны «Послание к слугам» и «Поучение в духов день». «Послание», по его словам, «исполнено явного неверия, кощунства и совершенной безнравственности». Оно является «вредным для нравственности и веры», а распространение его в народе — «опасной заразой, о которой следует доносить благопопечительному начальству...»

А Фонвизин надеялся и, конечно, напрасно, что «благопопечительное начальство» позволит ему издать сочинения в годы Французской революции. В 1792 г. подготовленные тома вновь не увидели света.

Несмотря на тяжкие физические страдания, писатель до последнего дня не отходил от литературы, следил за ее развитием.

---

[1] *Синод* — высший орган управления православной церковью. Обер-прокурор — глава его, назначавшийся из светских, а не духовных лиц.

В ноябре 1792 г. Фонвизин вернулся из белорусского имения, из-за которого все еще шла тяжба, приведшая семью к нищете. При встрече с Державиным он выразил желание познакомиться с молодым поэтом И. И. Дмитриевым. Встреча состоялась вечером 30 ноября в доме Державина. Дмитриев рассказал о ней в своих воспоминаниях.

Больной драматург приехал в сопровождении двух молодых офицеров, так как без посторонней помощи двигаться не мог. Внешний вид его, парализованные рука и нога, «охриплый и дикий» голос, затрудненная речь ужаснули Дмитриева. Но Фонвизин заставил забыть о своем недуге и быстро овладел вниманием собравшихся.

«Он приступил ко мне с вопросами о своих сочинениях: знаю ли я «Недоросля»? Читал ли «Послание к Шумилову», «Лису-казнодейку»; перевод его «Похвального слова Марку Аврелию» и т. д.; как я нахожу их? Казалось, что он такими вопросами хотел с первого раза выведать свойства ума моего и характера. Наконец спросил меня и о чужом сочинении, что я думаю об «Душеньке»? [1] — Она из лучших произведений нашей поэзии, — отвечал я. «Прелестна!» — подтвердил он, с выразительною улыбкою. Потом Фонвизин сказал хозяину, что он привез показать ему новую свою комедию «Гофмейстер». Хозяин и хозяйка изъявили желание выслушать эту новость. Он подал знак одному из своих вожатых, и тот прочитал комедию одним духом. В продолжение чтения автор глазами, киваньем головы, движением здоровой руки подкреплял силу тех выражений, которые самому ему нравились. Игривость ума не оставляла его и при болезненном состоянии тела. Несмотря на трудность рассказа, он заставлял нас не однажды смеяться. По словам его, во всем уезде, пока он жил в деревне, удалось ему найти одного только литератора, городского почтмейстера. Он выдавал себя за жаркого почитателя Ломоносова. «Которую же из од его, — спросил Фонвизин, — признаете вы лучшею?» — «Ни одной не случилось читать», — ответствовал ему почтмейстер. «Зато, — продолжал Фонвизин, — доехав до Москвы, я уже не знал, куда мне деваться от моло-

[1] «Душенька» — поэма И. Ф. Богдановича.

дых стихотворцев. От утра до вечера они вокруг меня роились. Однажды докладывают мне: «приехал сочинитель» — «принять его», — сказал я, и через минуту входит автор с пуком бумаг. После первых приветствий и оговорок, он просит меня выслушать трагедию его в новом вкусе. Нечего делать; прошу его садиться и читать. Он предваряет меня, что развязка драмы его будет совсем необыкновенная: у всех трагедии оканчиваются добровольным или насильственным убийством, а его героиня или главное лицо умрет естественною смертию». — «И в самом деле, — заключает Фонвизин, — героиня его от акта до акта чахла, чахла и наконец издохла».

«Мы расстались с ним в одиннадцать часов вечера, а наутро он уже был в гробе!» — закончил свой рассказ Дмитриев.

В полном жизни остроумном человеке, блестящем рассказчике-импровизаторе мы узнаем того, кто хотел и умел очаровывать собеседников в Москве, Петербурге, Париже, Риме, Вене и захолустной Митаве. Узнаем художника, ни на секунду не забывающего «сторожить природу». Узнаем писателя, который хотел, чтобы знали его произведения и радовался чужому успеху. И как же далек он был от старческой нравоучительности, если с похвалой отзывался о легкомысленной «Душеньке». Как же чуждо было его душе, душе вольнодумца XVIII века, покаяние, если при первом знакомстве с человеком он напоминал именно о «Послании к слугам». Напоминал за несколько часов до смерти.

«ДЕНИС! ОН ВЕЧНО БУДЕТ СЛАВЕН»

ФОНВИЗИН умер 1 декабря 1792 г. Имя его не было предано забвению.

Денис! Он вечно будет славен, —

восклицал Пушкин в 1816 г. в поэме «Тень Фонвизина». Гениальный юноша заставил вечно живого, бессмертного Дениса спуститься на землю, чтобы строгим судом судить Россию и русских поэтов:

Страшна Фонвизина рука!

От многих юношеских оценок Пушкин впоследствии отказался. Фонвизин всегда оставался для него живым и близким. Он помнил о друге свободы, когда писал оду «Вольность» в юности, когда создавал «Евгения Онегина» и рассказывал о Савельиче и воспитании Петруши Гринева в «Капитанской дочке», когда читал первые рассказы Гоголя. Ему были близки и «Послание к слугам», и комедии, и публицистика. Он первый и единственный оценил по достоинству «Разговор у княгини Халдиной».

Во времена Пушкина термина «реализм» не было. Но от «Тени Фонвизина», где показано, что Россия

осталась такой, какой она представлена в «Послании к слугам» и «Недоросле», и до анализа образа Сорванцова Пушкин подчеркивает близость Фонвизина к жизни, типичность созданных им образов.

Как друг свободы Фонвизин помогал декабристам, когда они собирали силы для борьбы с самодержавием. Его горький смех «далеко отозвался и разбудил фалангу великих насмешников, и их-то смеху сквозь слезы[1] литература обязана своими крупнейшими успехами и в значительной мере своим влиянием в России», — писал Герцен.

Герцен сказал и о другом. О том, что комедии Фонвизина глубоко национальны, что они «хранятся в сознании как истины, как важнейшие памятники эпохи».

Художественные открытия Фонвизина нужны были и Грибоедову, и Гоголю, и далеко отстоящим от него по времени М. Е. Салтыкову-Щедрину и А. Н. Островскому. Только Островскому удалось наконец создать национальный театр, о котором мечтал Фонвизин. «Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь», — обращался к Островскому И. А. Гончаров. Это было сказано в 1882 г., ровно через сто лет после первой постановки «Недоросля».

Можно привести еще бесчисленное количество высказываний, утверждающих огромную роль Фонвизина в развитии освободительных идей, русского реализма и реалистического театра. До тех пор пока существовала самодержавно-крепостническая Россия, живы были и фонвизинские персонажи. Больше того, «Недоросль» и поныне важен не только как один из лучших памятников национальной культуры. Основной конфликт комедии — страшная сила собственности, во имя которой люди забывают родину, родство, любовь, дружбу, — характерен не только для крепостнического, но и для капиталистического общества. Ограниченный эпохой и мировоззрением, Фонвизин понял это лишь частично. Но, желая сказать правду о своих современниках, он со всей силой страсти и большого таланта доказал: пока люди будут рабами корыстных эгоистических интересов, они не станут настоящими людьми.

---

[1] Герцен слегка перефразирует слова Гоголя.

Советские люди — люди в самом высоком смысле слова. Но в семье не без урода. От наследства прошлого, от влияния чуждой идеологии не так просто избавиться. И в борьбе за истинную человечность великие писатели прошлого, в том числе и Фонвизин, — наши союзники.

У нас нет почвы для рождения простаковых, но еще есть захребетники, готовые жить на чужой счет. Еще не изжило себя преклонение перед деньгами как «первым божеством». Живуча страсть к собственности и вытекающая из нее мораль: «Нашед деньги, ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка». А иной раз и честные труженики родители сводят воспитание к питанию и безудержному баловству детей. Стоит посмотреть, не воспитываются ли в таких семьях душевно черствые, грубые, неблагодарные, никого не любящие митрофаны, которые, страшась «бездны премудрости», не задумываясь ни о чем, решают: «Не хочу учиться, хочу жениться».

Жив и Иванушка. Это он бегает за иностранцами, скупая заграничные тряпки. Это он, даже не побывав за границей, убежден в глубочайшем превосходстве Запада и готов отречься от своей родины. Его и духовную праправнучку советницы мы узнаем в молодых людях, убежденных, что кружева и блонды... — нет, простите, сногсшибательная шляпка и сверхмодная прическа «составляют голове наилучшее украшение... Черт ли видит то, что скрыто? А наружное всяк видит». Мы легко узнаем иванушек по пренебрежению к «предкам», за счет которых они живут, по полному презрению к труду, по легкомысленному отношению к женщине, по убогой речи, в которой богатство русского языка заменяется несколькими нелепыми жаргонными словечками.

Иванушка и Митрофан — родные братья. Это показал Лермонтов, знакомя нас в «Тамбовской казначейше» с Митрофаном своего времени:

Вот, в полуфрачке, раздушенный,
Времен новейших Митрофан,
Нетесаный, недоученый,
А уж безнравственный болван.

Фонвизин позволяет нам лучше проникнуть в неприглядную сущность нравственных уродов. Он наш не-

посредственный союзник и в своем отношении к церкви:

Попы стараются обманывать народ...

Разве это устарело?

Живы смех и слово Фонвизина. Светел образ честного человека, мужественного борца против угнетения, мракобесия и невежества.

СОДЕРЖАНИЕ

Детство и юность 3
Первые годы в Петербурге 22
Комедия «Бригадир» 38
В мире дипломатических и придворных интриг 56
Путешествие во Францию 73
Первая русская реалистическая комедия 89
«Страж общего блага» 111
Итальянские впечатления 127
«Друг честных людей» 140
Последние годы 155
«Денис! Он вечно будет славен» 164

Любовь Ивановна Кулакова

ДЕНИС ИВАНОВИЧ ФОНВИЗИН
Биография писателя

пособие для учащихся

Редактор *Л. Д. Микитич*. Обложка художника *Ж. В. Ефимовского*. Художественный редактор *В. Б. Михневич*. Технический редактор *К. И. Жилина*. Корректор *Л. Е. Торшина*.

Сдано в набор 27/IV 1966 г. Подписано к печати 5/IX 1966 г. М-52670. Формат 84×108[1]/32. Печ. л. 5,25 (8,82)+вкл. 0,25 (0,42). Уч.-изд. л. 8,67+вкл. 0,51. Тираж 100 000 экз. (Тематический план 1966 г. № 413). Цена 27 коп.

Ленинградское отделение издательства „Просвещение“ Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский пр., 29.

Заказ № 210

Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ленинград, Кронверкская, 7.